

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.

* * *

Женщина, на древнемъ Востокѣ, почиталась рабынею, назначеніе коей было служить прихотямъ мужа. У евреевъ положеніе женщины было сравнительно лучше; тамъ она считалась помощницей мужу. У грековъ кругъ дѣятельности женщины ограничивался семействомъ. Въ Аѳинахъ, въ первое время, женщины жили въ особыхъ отдѣленіяхъ (гинекеяхъ), занимаясь домашними работами, рѣдко показывались въ обществѣ и даже не обѣдали вмѣстѣ съ мужчинами при постороннихъ. Позже, кромѣ замужнихъ женщинъ, являются гетеры (наложницы), которыя, какъ, напримѣръ, знаменитая Аспазія во времена Перикла, вмѣшивались даже въ управленіе.

У римлянъ жизнь женщинъ была суровая, тяжкая; мужъ имѣлъ право надъ жизнью и смертью жены. Лучшимъ положеніемъ пользовались женщины у варваровъ; такъ, у галловъ встрѣчается общность труда и имущества между супругами; то же самое, даже нѣсколько въ высшей степени, было и у древнихъ германцевъ.

Христiанство содѣйствовало нравственному возвышенiю женщины; въ особенности, во времена рыцарства, она начинаетъ пользоваться большимъ уваженiемъ и съ этихъ поръ приобретаетъ нѣкоторое социальное значенiе.

Положенiе русской женщины, до Петра I, было незавидное; онѣ жили въ теремахъ, занимаясь благотворительностью, хозяйствомъ, сплетнями, сладкояденiемъ, отчасти пьянствомъ; въ бытѣ ихъ оправдывалось каноническое правило, что мужъ глава жены. Петръ I открылъ входъ русской женщинѣ въ общество, а въ послѣдующiя царствованiя нѣкоторыя русскiя женщины стали приобретать и общественное значенiе.

Но законодательства всѣхъ народовъ продолжали смотрѣть на женщину, въ общемъ, довольно неблагоприятно.

Отсюда видно, что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, прежде всего—въ борьбѣ за животное существованiе, главную роль игралъ мужчина. Роль женщины никогда не была замѣтна. Болѣе грубый въ своей физической силѣ, всегда свободный, не вскармливавшiй и не пѣстовавшiй рожденныхъ женщиною дѣтей, устранявшiйся отъ выполненiя мелкихъ и скучныхъ работъ въ семейномъ быту, приспособлявшiй умъ свой къ порядку въ мысляхъ и на сердечныя влеченiя отзывавшiйся постольку, поскольку они удовлетворяли его мужскому достоинству, всегда непосредственно *дѣйствовавшiй* какъ въ нападенiяхъ, такъ и оборонѣ, гордый въ сознании этихъ пре-

имуществъ, мужчина не могъ постичь той величайшей душевной силы въ женщинѣ, безъ проявленiя и поддержки которой ему нечѣмъ было бы гордиться, никогда бы ему не совершить ни одного дѣйствiя, ни одного подвига!

Да мужчина и не хотѣлъ даже задумываться надъ этимъ; и если бы сама природа, позаботившаяся о безостановочномъ развитiи челоуѣчества указаниемъ путей для смягченiя его нравовъ, расширенiя кругозора и приобретенiя большихъ выгодъ отъ усовершенствованiя способовъ пользоваться окружающими его предметами, не подсказала ему мысли, ясно выраженной устами такого высококультурнаго народа, какимъ безспорно почитаются французы: „*во всемъ ищите женщину*“,—челоуѣчество долго бы продолжало еще не замѣчать этого.

Мы имѣемъ не мало примѣровъ въ исторiи, когда женщина въ отдѣльныхъ случаяхъ проявляла мужество, какимъ не обладали даже самые сильные и великодушные мужчины, не говоря уже о временахъ гоненiя на христiанъ, когда, на протяженiи нѣсколькихъ столѣтiй, женщины не щадили себя для воспрiятiя мученическаго вѣнца наравнѣ съ мужчинами. Не будемъ говорить также и о такихъ изрядныхъ подвижницахъ, какъ, на примѣръ, мать Гракховъ, Жанна д'Аркъ, наша русская Марфа Борецкая, прозванная Марфой Посадницей, эта честолюбивая, знатная и богатая, но пламенная республиканка, и т.-д.;

имъ изумлялись, ихъ отличали и память о нихъ сохранится на вѣки.

Но, все это для господствующаго пола не было достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ тому, что это является лишь подтвержденіемъ той существенной и великой душевной силы женщины, безъ которой, повторяемъ, мужчина никогда бы не совершилъ, съ своей стороны, ни одного подвига, не проявилъ бы ни одного полезнаго дѣйствія. Исключительно одной Франціи принадлежитъ громадная заслуга въ томъ, что именно она первая это прозрѣла. Провозгласивъ устами своего народа вышеприведенный афоризмъ, она первая дала и толчекъ движенію, когда женщина уже высоко подняла голову и смѣло дала понять мужчинѣ, что и она человѣкъ, что и она можетъ въ равной степени принимать участіе въ созидательной дѣятельности мужчины и рука объ руку съ нимъ вліять на историческія событія.

Не выступавшая непосредственно въ борьбѣ за существованіе, поглощенная заботами о возвращеніи и воспитаніи дѣтей и о домашнемъ хозяйствѣ и, въ силу этихъ обстоятельствъ, въ противоположность мужчинамъ, прислушивавшаяся болѣе къ влеченіямъ своего сердца, нежели считавшаяся съ указаніями разсудка, женщина всегда была наблюдательнѣе мужчины, и до такой степени и въ такихъ мелочахъ, что иногда, руководимая только однимъ предчувствіемъ или находчивостью предотвращала дурныя послѣдствія величайшихъ историческихъ событій.

Приведемъ одинъ изъ характернѣйшихъ примѣровъ того, какъ гениально, легко и остроумно и съ какимъ самопожертвованіемъ рѣшила женщина одно дѣло, поставившее въ безвыходное положеніе населеніе цѣлаго города!

Конрадъ III, суровый и воинственный нѣмецкій король, соперничая съ Генрихомъ Гордымъ баварскимъ и саксонскимъ, заставилъ его отказаться отъ Баваріи и разбилъ брата его Вельфа VI, покоривъ въ 1140 году вельфскій городъ Вейнсбергъ. Большой поклонникъ женскаго пола, пораженный красотою женщинъ осажденнаго города и пожелавшій выказать чѣмъ либо передъ ними свою любезность, Конрадъ III, по преданію, дозволилъ мѣстнымъ дамамъ свободный выходъ и разрѣшилъ имъ взять съ собой свое лучшее имущество. Но, каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что дамы, воспользовавшись его милостью, на своихъ плечахъ вынесли всѣхъ мужчинъ изъ города, назвавъ ихъ *своимъ лучшимъ имуществомъ*. Недолго думали женщины, чтобы выйти изъ затрудненія и спасти своихъ мужей отцовъ, и братьевъ отъ грозившей имъ страшной опасности!

Итакъ, Франція первая положила начало женскому освободительному движенію, и великая французская революція, прославившая великодушныхъ и мужественныхъ представительницъ этого движенія, освѣтила много хорошихъ сторонъ человѣческой борьбы, и съ тѣхъ поръ права женщинъ вполне ясно признаны лучшими людьми,

облегчающими имъ доступъ въ борьбѣ за существованіе рука объ руку съ мужчинами. Прошло цѣлое столѣтіе до настоящаго времени, когда мы тоже переживаемъ неменѣе важный моментъ проснувшагося самосознанія великаго русскаго народа, выдвинувшаго и изъ своей среды немало самоотверженныхъ героинь. Мы вѣримъ, что именно теперь и наши мужественныя борницы за попранныя человѣческія права запечатлѣютъ въ памяти потомства не менѣе яркими красками свои чудные образы и, ломая цѣпи вѣковаго рабства, докажутъ міру, что женщина ни въ чемъ не уступаетъ мужинѣ и навсегда изгладятъ изъ его представленія честолюбивое сознаніе, что только онъ одинъ творилъ міровую исторію!

Наз. Богдзевичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Эта книга посвящается памяти женщинъ эпохи великой французской революціи. И не только тѣхъ, которыя даютъ свое имя ея отдѣльнымъ главамъ; но и всѣхъ тѣхъ, которыя въ этотъ великій моментъ всеобщаго возбужденія проявили себя въ большей или меньшей степени героинями и труды которыхъ должны быть почтены. Революція обезчеловѣчила женщинъ. Зрѣлище казней доставляло имъ наслажденіе; проводя время между казнями за мирнымъ занятіемъ вязанія чулка, онѣ начинали неистовствовать, лишь только узнавали о новой казни, сопровождая такія зрѣлища дикими восклицаніями и отвратительной пляской. Отталкивающій видъ этихъ безбожницъ послужилъ толпѣ поводомъ прозвать ихъ „санкюлотками“ *). Съ звѣрскимъ ликоваціемъ привѣтствовали онѣ моментъ брызганія крови и паденія головы, и чувства ихъ все болѣе и болѣе притуплялись, вызывая въ нихъ какую-то ненасытную, нечестивую жажду крови.

*) Сволочь.

Но та-же самая революція выдвинула и совершенно другую группу женщинъ, отличающую эту высшую человѣческую породу отъ ужасныхъ гienъ гильотины, ту группу женщинъ, образы которыхъ запечатлѣны на страницахъ этой книги. Революція пробудила въ нихъ глубочайшіе сердечные инстинкты; простое состраданіе къ жертвамъ неравной борьбы возвысила въ нихъ до героизма, чувство же самосохраненія низвела до презрѣнія къ смерти. Многія изъ нихъ боролись и умирали съ сознаніемъ, что память о нихъ утратится во мракѣ вѣковъ. Иныя, хотя и не могутъ быть приняты за великіе образы, все-же заслуживаютъ того, чтобы занять видное мѣсто на историческомъ памятникѣ тѣхъ временъ.

Роза Бульонъ, мужественная женщина, захотѣла слѣдовать за своимъ мужемъ на войну, добыла себѣ военную обмундировку и была зачислена въ полкъ. Шесть мѣсяцевъ подрядъ переносила она всѣ невзгоды военной жизни, какъ мужъ, сраженный тремя пулями въ битвѣ при Лимбахѣ, палъ мертвымъ; несмотря на это, она продолжала съ храбростью драться до окончанія войны, послѣ чего подала просьбу объ отставкѣ, но въ этомъ ей отказали. Только тогда она обнаружилась себя и сказала, что потребовала отставки лишь для того, чтобы выполнить свои материнскія обязанности передъ дѣтьми, какъ до сихъ поръ выполняла она свои обязанности къ мужу и отечеству настолько, насколько позволяли ей силы. Конечно, всѣ были удивлены; ей дали

отставку и назначили пенсію въ нѣсколько сотъ франковъ.

Роза Бульонъ была не единственная, пустившаяся въ войну и выказавшая себя храброю и мужественною. Слѣдуетъ упомянуть также о двухъ сестрахъ, въ юномъ возрастѣ тринадцати и шестнадцати лѣтъ отправившихся съ своимъ отцомъ въ битву для защиты границъ. Это были сестры *Фелисите* и *Теофиль Фернигъ*. Мадамъ *Пошела* и *Мадлена Птижанъ*, послѣдняя—мать многихъ дѣтей, отличились безстрашіемъ въ битвахъ въ Вандеѣ. Двѣ дѣвушки, восемнадцатилѣтняя *Роза Маршанъ* и шестнадцатилѣтняя *Элиза Камръ-Су*, совершили многочисленные походы съ республиканской арміей. *Клодина Буже* была зачислена въ войска добровольцевъ. Всѣ сіяли не женскою храбростью и вездѣ вызывали удивленіе, когда обнаруживалось, что онѣ принадлежали къ женскому полу.

Казалось, участіе женщинъ въ войскахъ можно было-бы объяснить не столько стремленіемъ къ военнымъ походамъ, сколько къ желанію сопровождать своихъ любовниковъ во всѣ предстоявшія имъ опасности, какъ это всегда и возбуждало подобныя разсужденія. Однако, проявляемое ими презрѣніе къ смерти во всѣхъ случаяхъ, пока свирѣпствовали ужасы преслѣдованія гражданъ, показывало совсѣмъ другое и заставляло умолкать злые языки.

Часто случалось, что женщины, которыхъ все не присуждали къ смертной казни, употре-

бляли все мѣры къ тому, чтобы одновременно со своими мужьями умереть на эшафотѣ. Такъ напримѣръ, мадамъ *Муши*. Когда мужъ ея былъ доставленъ въ тюрьму Люксембурга, она тоже явилась туда. Ей замѣтили, что приказъ данъ только объ арестѣ ея мужа, о ней же ничего не упомянуто. Она отвѣчала: „Такъ какъ арестуется мой мужъ; то я также“. Когда мужа отправили въ революціонный трибуналъ, она послѣдовала за нимъ, и на замѣчаніе, что она не вызывается, возразила: „Такъ какъ вызывается мой мужъ, то я также“. Когда мужа повели на эшафотъ, она взшла туда вмѣстѣ съ нимъ. Ей говорятъ, что она свободна, но въ отвѣтъ выслушиваютъ: „Такъ какъ присужденъ къ смерти мой мужъ, то и я также“. И она была счастлива умереть со своимъ мужемъ, котораго такъ любила. Другой примѣръ. Нѣкто Лаверень, старый, больной мужъ молодой красивой женщины подлежалъ присужденію къ смертной казни. Несмотря на несоотвѣтствіе лѣтъ, она его страстно любила и ни за что не хотѣла пережить его, рѣшивъ непремѣнно вмѣстѣ съ нимъ раздѣлить его участь. Ей удалось это, конечно, не такъ легко; она умоляла судей, но тѣ смѣялись надъ ней, указывали на ея молодость и красоту, смѣялись и надъ ея старымъ мужемъ и говорили, что она легко можетъ найти себѣ молодого. Къ ея страданіямъ присоединились лишь гнѣвъ и раздраженіе и, стоя въ толпѣ, она нетерпѣливо ожидала момента, когда мужъ ея долженъ былъ выступить передъ революціоннымъ

трибуналомъ. Такъ какъ онъ былъ очень боленъ, его внесли туда на носилкахъ и, на задаваемые ему вопросы, онъ отвѣчалъ умирающимъ голосомъ. Лишь только былъ произнесенъ смертный приговоръ ея мужу, мадамъ *Лаверень* неистово закричала: „Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ король!“. И продолжала кричать до тѣхъ поръ, пока ни достигла того, чего желала. Она была арестована, подвергнута допросу и утверждала, что ея возгласы были вызваны сильнымъ воодушевленіемъ, что считаетъ себя приверженицей короля и чувства свои будетъ выражать такимъ образомъ до самой смерти! Тогда присутствовали и ее и на тѣхъ же самыхъ дрогахъ, на которыхъ повезли ея мужа, она прибыла къ мѣсту казни. На эшафотъ мужъ легъ съ закрытыми глазами; она окликнула его, тотъ увидѣлъ ее рядомъ и удивленно спросилъ, что это значитъ. Она отвѣтила: „Ты знаешь, что безъ тебя я жить не могу, ну и умремъ мы вмѣстѣ!“.

Эта женщина приближается до нѣкоторой степени къ высшему типу женщинъ, которыя при подобныхъ-же обстоятельствахъ испытывали одинаковую участь, но жизнь которыхъ показала ихъ болѣе высокое призваніе, нежели тѣхъ, все значеніе которыхъ заключалось только въ любви къ мужьямъ.

Тогда еще не умѣли цѣнить, какъ и вообще во все времена, мужества и храбрости женщинъ, едва даже находили достойнымъ труда признавать эти качества и заниматься ими. Страсть, съ

которою женщины предавались революціи, проистекала, безъ сомнѣнія, изъ сознанія того нравственнаго угнетенія, въ которое ихъ погружали.

Только двое мужчинъ, Кондорсэ и Сійесъ занялись вопросомъ о положеніи женщинъ въ республикѣ, чувствуя, что оно уже не можетъ оставаться далѣе такимъ, какимъ было во времена варварства, т.-е. когда женщина лишена была имущественныхъ и политическихъ правъ и устранялась отъ управленія дѣлами; они находили необходимымъ по крайней мѣрѣ предоставить имъ право распоряжаться тѣмъ имуществомъ, которое онѣ приносятъ съ собою въ приданое, и большую свободу вліянія на дѣла своей семьи и дѣтей, которыхъ онѣ произвели на свѣтъ. Кондорсэ и Сійесъ находили, что въ государствѣ имѣется много дѣлъ, для исполненія которыхъ могли бы быть призваны женщины и къ занятію которыми онѣ даже питаютъ большую склонность.

Но смерть Кондорсэ, къ сожалѣнію, уничтожила его планы освобожденія женщины изъ вѣкового рабства.

Нѣкоторыя рьяныя приверженицы революціи были вовлечены въ политическое движеніе вслѣдствіе той потребности, которая, характеризуя ихъ полъ, совпадала съ всеобщимъ упоеніемъ свободой. Ярыя революціонерки Роза Лакомбъ и Олимпія де-Гужъ были воительницами главнымъ образомъ за права женщинъ. Но ни одна изъ нихъ, ни мадамъ Роланъ, замѣчательное мужество ко-

торой признавалъ даже Гете по способу ея участія въ политической злобѣ дня; ни Талльенъ, которая со страстью отдавалась политическимъ переворотамъ; ни мадамъ Букэ, которая вступала въ отчаянную борьбу съ господствовавшимъ тогда владычествомъ якобинцевъ, такъ какъ бѣглые жирондисты возбуждали состраданіе въ ея сердцѣ, состраданіе столь же великое, какимъ обладала мужественная мадамъ Легро, невольно содѣйствовавшая разрушенію Бастиліи; ни Шарлотта Кордэ, съ полнымъ сознаніемъ совершившая политическое убійство; ни жены враждебныхъ и преслѣдовавшихся государственныхъ дѣятелей, какъ Кондорсэ и Демулэнъ,—ни одна изъ нихъ не была такъ непонята своими политическими друзьями и не пережила такой политической ненависти, какъ Теруанъ де-Мерикуръ.

Столь интересна, превратна и трагична была жизнь Теруани де-Мерикуръ, что было-бы весьма несправедливо писать исторію французской революціи, ничего не упоминая объ ней. Это явилось бы значительнымъ пробѣломъ. Но правда и то, что нѣкоторые эпизоды ея политической славы, о которыхъ упоминаютъ иные, исторически до настоящаго времени ничѣмъ не подтверждены. Такъ, говорятъ, будто она была одна изъ первыхъ въ рядахъ, штурмовавшихъ Бастилію, что ее даже видѣли влѣзавшею на одну изъ ея башень! Ей приписываютъ главную роль въ событіяхъ 5 и 6 октября! Все это основано лишь на выдумкѣ.

Въ Императорско-Королевскомъ главномъ государственномъ архивѣ въ Вѣнѣ хранится нѣчто вродѣ автобіографіи, которую написала Теруанъ де-Мерикуръ на клочкахъ бумаги карандашемъ, во время своего томительнаго пребыванія въ Куфштейнской тюрьмѣ для своей защиты. Обстоятельства, которыя въ ней описаны о событіяхъ французской революціи и съ которыми ей приходилось сталкиваться, изложены несомнѣнно вѣрно. Ей пріятнѣе было бы, казалось, прославиться во всѣхъ приписываемыхъ ей дѣяніяхъ, нежели скромно умалчивать о нихъ. Къ тому же, она не имѣла никакого повода скрывать въ своемъ, вообще правдивомъ, описаніи обстоятельства, которыя не могли имѣть никакого вліянія на исходъ судебного процесса, къ которому ее привлекали. И какъ легко было бы тогда все это установить, или, если бы что оказалось невѣрнымъ, опровергнуть, когда событія были еще такъ свѣжи у всѣхъ въ памяти.

Она была идеалисткой, отзывчивой на все хорошее, воодушевленной стремленіями къ свободѣ и, конечно, могла ежеминутно подвергать свою жизнь опасности. Но все то, что ей приписываютъ, хорошее или дурное, безусловно невѣрно.

Уже болѣе столѣтія хранится эта цѣнная автобіографія, представляющая собою прекрасный историческій документъ; и однако, Теруанъ до сихъ поръ еще изображается многими какъ куртизанка, какъ зараженная вслѣдствіе развратнаго образа жизни дурною болѣзнію личность.

Въ виду того, что она владѣла большими деньгами, полагали, что она имѣла много любовниковъ, такъ какъ о богатствѣ, подаренномъ ей ея женихомъ, не знали, и отсюда то возникли всѣ эти излюбленные сплетни. Равнымъ образомъ, нѣтъ ни одного слова правды и въ рассказахъ о ея гнусной болѣзни. Знаменитый психіатръ Эскироль, долгое время наблюдавшій ея душевную болѣзнь, во время нахождения ея въ Сальпетріерѣ, рассказываетъ въ своихъ запискахъ, что тѣломъ она была очень здорова, и выражаетъ даже удивленіе, какъ могла она сохранять свою жизнеспособность, въ виду ея пребыванія въ сырой, мрачной, маленькой камерѣ безъ всякаго признака благоустройства, какъ не распалось ея здоровье и отъ другихъ не менѣе вредныхъ вліяній. Даже зимой ходила она босикомъ по холодному каменному полу своей камеры, почти безъ всякой верхней одежды. На полъ она проливала воду, которая отъ холода замерзала. Никогда нельзя было ее уговорить, даже въ сильные морозы, что-нибудь надѣть на себя или на ночь укрываться потеплѣе. Если во время морозовъ ей недоставало воды, то она разбивала въ своей камерѣ ледъ и находившеюся подъ нимъ водою мыла себѣ ноги и все тѣло. Она ѣла все, что ей попадало: солому, хлѣбныя крошки и корки, пила даже помой и, несмотря на это, почти двадцать пять лѣтъ провела такимъ образомъ въ домѣ умалишенныхъ. Какъ могло бы выдержать такой образъ жизни цѣлую четверть

вѣка разстроенное болѣзною тѣло? Чтобы столь долго жить при такихъ пагубныхъ условіяхъ, она должна была имѣть желѣзное физическое здорье, и она, дѣйствительно, обладала таковымъ.

Теруанъ де-Мерикуръ писала свою автобіографію за тюремными стѣнами въ Куфштейнѣ съ единственною цѣлью упростить словесный допросъ; она при этомъ вовсе не думала ни о потомствѣ, ни о своей посмертной славѣ, ни о злословіи. Какъ могла она хотя бы одну минуту подумать, что эти убогіе, карандашемъ написанные, листки будутъ такъ бережно сохраняться. Это, конечно, не приходило ей въ голову. Ей нужно было тогда заботиться только о томъ, чтобы добиться своего освобожденія и установить доказательство, что она ничего не замышляла противъ жизни Маріи Антуанетты, въ чемъ она такъ измѣнически обвинялась передъ верховнымъ судомъ.

Поэтому-то и должно всего болѣе вѣрить тому, что она сама про себя писала, а не тѣмъ описаніямъ ея пережитковъ, которые изобрѣтены ея современниками и ея многочисленными врагами *).

*) Къ подлинному изданію Эммы Адлеръ дано приложение этой замѣчательной автобіографіи Теруани де Мерикуръ, которая читается не безъ содраганія и удивленія. Какая сильная любовь къ человѣчеству и какое тонкое чувство красноты проходятъ черезъ нее, и какимъ своеобразнымъ и изящнымъ языкомъ изображала Теруанъ все пережитое ею, хотя она, проведшая свои юношескіе годы въ черной работѣ и нуждѣ, и не обладала такимъ образованіемъ, какое получили ея болѣе счастливыя сверстницы. Но, надо читать эту автобіографію въ подлинникъ, чтобы проникнуться ея красотами. Мы не приводимъ ея потому, что это было бы отчасти повтореніемъ, хотя и въ сокращенномъ видѣ, того, что дано уже авторомъ на страницахъ этой книги. Кромѣ того, эта автобіографія не могла заключать въ себѣ описанія дальнѣйшихъ изключеній Теруани, и свѣдѣнія о нихъ для помѣщенной ниже біографіи почерпнуты, конечно, изъ другихъ источниковъ.

* * *

„Кто употребляет мѣры устрашенія, тотъ осужденъ или употреблять ихъ постоянно, или погибнуть, коль скоро онъ отъ нихъ откажется. На жестокостяхъ нельзя основывать общественную свободу, и вотъ почему: если вы предадитесь жестокостямъ, то должны будете продолжать ихъ всегда и держать для этого въ своихъ рукахъ неограниченную власть. Жестокостью вы возбуждаете противъ себя и своей системы непримиримую ненависть, чувство мести, скрытую, затаенную злобу, и все это будетъ только ждать случая, чтобы разразиться. Если вы, постоянно употребляя топоръ или изгнаніе, хоть на одинъ день останетесь безоружными, накопившіяся злоба и чувство мщенія опрокинутся на васъ же и уничтожатъ васъ, смѣнивъ вашу тираннію своею. Такимъ образомъ, вы принуждены постоянно быть во всеоружіи открытаго или замаскированнаго деспотизма и не можете отступить отъ него иначе, какъ предоставивъ вашимъ врагамъ возможность захватить его въ свои руки. Съ своей стороны, враги ваши не могутъ обойтись безъ него изъ боязни, чтобы онъ снова не перешелъ къ вамъ, если вы остались живы, или къ вашимъ единомышленникамъ, если таковые имѣются у васъ“.

Такъ характеризуетъ состояніе борьбы изъ-за свободы Эдгаръ Кинэ въ своей книгѣ „Революція“.

Да, это, дѣйствительно, заколдованный кругъ, выйти изъ котораго можно будетъ только тогда, когда всѣ люди признаютъ, что они равны между собою, что человѣческія права для всѣхъ одинаковы и что каждый изъ насъ имѣетъ право совершать свой кратковременный путь жизни такъ, какъ ему удобнѣе.

Одно изъ величайшихъ затрудненій, съ которыми сопряжено достиженіе свободы, заключается именно въ томъ, что сильные, прикрываясь закономъ, тѣснятъ слабыхъ, властные самоуправствуютъ надъ подчиненными. Такъ, правители, захвативъ власть въ свои руки, угнетаютъ народъ; мушны, сильный полъ, тоже самое проявляютъ надъ женщинами, пользуясь ихъ слабостью.

Вотъ почему одной изъ главныхъ заботъ людей, думающихъ о благѣ народномъ, должна быть забота о лучшихъ порядкахъ, о болѣе совершенныхъ законахъ, чтобы въ нихъ было больше правды. Но, это великая мечта, которую проповѣдуютъ лишь очень немногіе, великодушные и мужественные люди.

Французская революція, несмотря на сопровождавшій ее ужасъ, тѣмъ и замѣчательна, что она подала всему міру великій примѣръ выступленія, въ числѣ такихъ проповѣдниковъ, и мужественныхъ женщинъ, что, въ свою очередь, ясно доказываетъ ихъ полную способность работать наравнѣ съ мужчинами въ устроеніи блага общественной жизни, въ указаніи путей къ правдѣ. Какъ бы ни былъ великъ по своимъ добродѣтелямъ мужчина, природа, надѣливъ его превосходящей физической силой, все же ограничила во многомъ изъ того, чѣмъ наградила женщину. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы супруговъ Роланъ.

Свобода застала Ролана совершенно готовымъ, словно приспособленнымъ для нея. Онъ былъ человѣкъ строгихъ правилъ и испытанныхъ убѣжденій, восторженно любилъ свободу и былъ способенъ безкорыстно посвящать ей всю свою жизнь, или погибнуть за нее, безъ тщеславія и сожалѣнія. Этотъ человѣкъ хотя и заслуживаетъ того, чтобы родиться въ республикѣ, но во время революціи онъ былъ не на своемъ мѣстѣ и мало способенъ былъ выдерживать смуту и борьбу партій; дарованія его были не особенно блестящи, характеръ

нѣсколько упрямъ; онъ не былъ способенъ ни узнавать людей, ни управлять ими. При всѣхъ своихъ трудолюбіи, дѣятельности и образованіи, онъ прошелъ бы едва замѣченнымъ безъ своей жены. *Всѣмъ тѣмъ, чего не доставало ему, надѣлена была мадамъ Роланъ: силой, ловкостью, возвышенностью характера, предусмотрительностью.* Мадамъ Роланъ была душою жиронды; вокругъ нея собирались всѣ блестящіе и смѣлые люди этой партіи для совѣщанія о нуждахъ и опасностяхъ родины; *она подстрекала на дѣятельность тѣхъ, которые способны были дѣйствовать, и посылала на трибуну тѣхъ, которыхъ знала за людей краснорѣчивыхъ.*

А какъ краснорѣчива была Олимпія де-Гужъ, въ своей брошюрѣ „Права женщины“ (см. стр. 242—243), какъ гениально просто, естественно и сердечно обращалась она къ разсудку мужчины и съ какою убѣдительною находчивостью сравнивала она оба пола; но какъ тяжело было слово Амара въ Конвентѣ по поводу образованнаго Розою Лакомбъ „женскаго союза республиканокъ“ (см. стр. 256), какими неудачными сопоставленіями мужской и женской природы приходитъ онъ къ заключенію о невозможности предоставить женщинамъ одинаковыя съ мужчинами права! То и другое слова были обращены къ мужчинамъ; и если они до сихъ поръ еще остаются глухи къ требованіямъ женщинъ признанія за ними равныхъ правъ въ дѣлахъ общественной жизни, изъ одного только эгоизма, мы не можемъ себѣ, тѣмъ не менѣе, представить, чтобы, въ глубинѣ души своей, они не прочувствовали и не признали убѣдительности обращенія Олимпіи де-Гужъ, и убожества доводовъ Амара.

Французская революція дала сильный толчокъ женскому освободительному движенію, и теперь мы видимъ уже многочисленные плоды его побѣдъ. Но, многіе годы нужны еще, конечно, для того, чтобы всѣ пришли къ убѣжденію необходимости достойной оцѣнки трудовъ

какъ Олимпіи де-Гужъ, такъ и послѣдовавшихъ за нею другихъ проповѣдницъ женскаго права; и эти годы, несомнѣнно, приблизятся къ такому моменту, если вы, женщины, сами, будучи хорошими матерями, начнете неуклонно внушать вашимъ дѣтямъ ихъ гражданскія обязанности, уважать себѣ подобныхъ, безразлично ихъ пола, и тѣмъ самымъ постараетесь развить въ нихъ сознательное отвращеніе къ страстямъ, клопочущимъ въ заколдованномъ кругѣ, такъ правдиво и мѣтко охарактеризованномъ Эдгаромъ Кинэ.

Въ заключеніе, замѣтимъ, что французская революція выдвинула еще нѣсколько женщинъ, оставившихъ по себѣ нѣкоторый слѣдъ, хотя въ настоящей книгѣ, не говоря уже о посвященіи имъ болѣе или менѣе пространныхъ біографій, вовсе ничего не упомянуто даже и въ предисловіи автора. Таковы, напримѣръ, Цецилія Рено, мадамъ Сталь, Рекамье, Дюбарри и т. п. Это происходитъ потому, что ихъ дѣятельность имѣла или отрицательное значеніе для освободительнаго движенія вообще, или оказала только второстепенное вліяніе на ходъ дальнѣйшихъ событій. Описаніе жизни такихъ женщинъ представляетъ собою скорѣе интересъ для общаго изученія психологическихъ явленій въ извѣстныхъ всемірныхъ переворотахъ, нежели даетъ имъ право занять мѣсто на поляхъ величественныхъ картинъ минувшаго.

Каз. Богдзевичъ.

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.

Мадамъ Легро.

Мадамъ Легро, хозяйка небольшой мелочной лавочки, однажды нашла на улицѣ объемистый пакетъ, заключавшій въ себѣ какую-то рукопись; конвертъ былъ совсѣмъ мокрый и сургучная печать размякла. Съ ужасомъ прочитала она слѣдующую надпись: „Мазеръ де-Латюдъ, проводившій около 32 лѣтъ въ Бастилии, Венсенъ и въ настоящее время безвинно томящійся въ Бисетрѣ на шесть футовъ ниже поверхности земли, на хлѣбѣ и водѣ“ *). Сгорая отъ любопытства, она тотчасъ же вернулась домой, закрыла свою лавочку и съ жадностью принялась за чтеніе описанныхъ Латюдомъ страданій. Потомъ она переписала эту рукопись для себя, а подлинникъ поручила мужу отнести къ его адресату, президенту Гургу.

*) *Бастилія*—общее названіе во Франціи для укрѣпленныхъ замковъ съ башнями. Болѣе извѣстна была Бастилія въ Парижѣ, построенная Карломъ V (1370—1383), для защиты отъ англичанъ и обращенная потомъ въ тюрьму для государственныхъ преступниковъ. Ее защищали бастионы, рвы и 4 башни. Въ 1789 г., Бастилія, ненавистная народу, какъ оплотъ деспотизма, была разрушена.—*Венсенъ*—небольшой городъ въ 4 верст. отъ Парижа (теперь предмѣстье), знаменитый своимъ арсеналомъ и древнимъ замкомъ, построеннымъ въ 1137 г., который при Людовикѣ XI былъ обращенъ въ государственную тюрьму а съ 1808 г. преобразованъ въ крѣпость. Въ 1804 г. тутъ, во рву, былъ разстрѣлянъ герцогъ Энгиенскій—весьма темное пятно въ исторіи Наполеона I, до сихъ поръ неразъясненное.—*Бисетръ*—древній французскій замокъ близъ Парижа, построенный въ царствованіе Карла V и возобновленный при Людо-

Кто былъ этотъ Латюдъ и въ чемъ заключалось его преступленіе? Мазеръ де-Латюдъ родился 23 марта 1725 года въ замкѣ Крансешъ, неподалеку отъ замка Монтаньякъ въ провинціи Лангедокъ, въ имѣніи, принадлежавшемъ маркизу де-Латюдъ. Его отецъ былъ кавалеромъ королевскаго ордена и имѣлъ одинъ изъ высшихъ воинскихъ чиновъ. Воспитаніе Латюдъ получилъ дворянское, такъ какъ онъ предназначался для службы своему отечеству при королѣ. Лишь только ему исполнилось 23 года, онъ тотчасъ-же былъ отправленъ въ Парижъ, чтобы довершить свое образованіе. Попавъ тамъ въ среду такихъ-же знатныхъ дворянъ, имъ овладѣло сильное честолюбіе, и онъ началъ къ чему-то стремиться, хотѣлъ играть какую-то роль въ государствѣ.

Средство, которое онъ избралъ для изысканія себѣ покровительства, было не только несимпатично, но настолько безразсудно и глупо, что привело его къ суровому 35-лѣтнему заключенію въ различныхъ тюрьмахъ. Во всякомъ случаѣ, однако, оно было только плодомъ молодого легкомыслія и, при другихъ условіяхъ, не могло бы привести къ такому ужасному наказанію.

Въ одинъ прекрасный день, это было въ 1749 году, Латюдъ находился въ Тюильери и случайно подслушалъ разговоръ двухъ господъ, которые свободно выражали свое презрительное мнѣніе о маркизѣ Помпадуръ *), въ то время пользовавшейся еще неограни-

викъ XIII; при Людовикѣ XIV превращенъ въ госпиталь для престарѣлыхъ гражданъ. Затѣмъ Бисетръ былъ перестроенъ и приспособленъ къ помѣщенію въ немъ богадѣльни для стариковъ, дома для умалишенныхъ и темницы для преступниковъ. Въ немъ замѣчательнъ колодезь въ 165 фут. глубины, построенный Боффрандомъ.

К. Б.

*) Жанна-Антуанетта Пуасонъ де-Помпадуръ (1720—1764) незаконная дочь откупщика Ленормана Турнегеймъ, даваго ей хорошее воспитаніе. Была замужемъ за Ленорманомъ д'Этиолъ; по смерти фаворитки Шатору, сама явилась къ Лю-

ченною властью. И вотъ, Латюду вдругъ пришла въ голову дикая мысль: выдумавъ цѣлую исторію предостоявшаго на Помпадуръ покушенія, онъ рѣшилъ самъ предостеречь ее отъ него, и этимъ способомъ заручиться ея расположеніемъ и покровительствомъ. Онъ написалъ ей письмо, насыпалъ въ конвертъ вполнѣ безвредный порошокъ, опустилъ пакетъ въ почтовый ящикъ и во весь опоръ помчался въ Версаль. Добившись того, что его допустили къ ней, онъ рассказалъ придуманную имъ-же самимъ исторію, предостерегая отъ угрожающаго маркизѣ покушенія, и заклиналъ ее пакетъ, который былъ чѣмъ то наполненъ, вскрыть съ большой предосторожностью. При этомъ онъ добавилъ, что прослѣдилъ обоихъ заговорщиковъ до почты, видѣлъ, какъ они сдали тамъ посылку, содержащую въ себѣ, по всей вѣроятности, что-либо опасное, и, судя по ихъ разговорамъ, предназначавшуюся, конечно, для нея. Въ первый моментъ Помпадуръ сильно встревожилась и предложила Латюду богато наполненный золотомъ кошелекъ, чтобы выразить ему свою благодарность; но онъ съ гордостью отклонилъ подарокъ и сказалъ, что вправѣ разсчитывать на вознагражденіе, болѣе соотвѣтствующее какъ его, такъ и ея достоинствамъ!

довикъ XV. Онъ далъ ей званіе при дворѣ и квартиру въ Версалѣ, гдѣ она и оставалась 24 года. Мужа отправили въ Воклюзъ, а ей дали званіе маркизы Помпадуръ, такъ какъ родъ этотъ прекратился. Она старалась занимать короля, истощеннаго всякими излишествами, набирала для него гаремъ, устроила олений паркъ, между тѣмъ какъ сама захватила всю власть въ свои руки и распоряжалась самовластно; изгнала іезуитовъ изъ Франціи, переписывалась съ Маріей-Терезіей, объявила войну Пруссіи. Вступила въ союзъ съ Австріей, съ бурбонами въ Италіи и Испаніи и присоединила Корсику къ Франціи. Покровительствовала писателямъ, философамъ и художникамъ, но жестоко мстила за памфлеты, сыпавшіеся на нее, изгоняла непочтительныхъ и щедро одаряла льстецовъ.

К. Б.

Тогда Помпадуръ, хитрая, недовѣрчивая и подозрительная тиранка, потребовала, чтобы онъ написалъ ей свой адресъ и общала извѣстить его о своемъ рѣшеніи. Слишкомъ молодой и легкомысленный Латюдъ не могъ, конечно, догадаться о томъ, какую западню ему готовили.

Пакетъ, о которомъ ей было сообщено, аккуратно доставленъ, порошокъ изслѣдованъ химиками и найденъ вполне безвреднымъ, почерки сличены и признаны принадлежащими одной и той-же рукѣ. Усмотрѣвъ въ этомъ кровную для себя обиду, даже преступленіе, Помпадуръ дала строжайшій приказъ арестовать Латюда. Онъ беззаботно сидѣлъ въ своей квартирѣ и рисовалъ въ своемъ воображеніи всевозможныя картины будущаго своего положенія, когда къ нему пришли, чтобы арестовать его и отвести въ Бастилію, а потомъ въ другія тюрьмы, которыя онъ покинулъ только по прошествіи 35 лѣтъ, благодаря смѣлымъ и великодушнымъ хлопотамъ одной совершенно чужой для него женщины.

Въ теченіе этой мучительной и превратно сложившейся жизни, которую столь долгое время ему пришлось проводить, Латюдъ нѣсколько разъ пытался спастись бѣгствомъ: но, всегда неудачно! Въ первый разъ побѣгъ ему почти удался. Одновременно съ нимъ въ тюрьмѣ содержался нѣкій священникъ, по имени Сенъ-Соверъ, чрезвычайный добрякъ, который стремился облегчить тяжесть заключенія другимъ узникамъ своими бесѣдами и своими книгами. И вотъ, однажды, послѣ девятимѣсячнаго сидѣнія, какъ только въ Латюдѣ сильно пробудилась жажда свободы, онъ воспользовался всеобъемлющей добротою священника, чтобы легче проскользнуть изъ тюрьмы.

Латюда ежедневно выводили на два часа для прогулки въ саду Бастиліи, и когда приходилъ за нимъ тюремный надзиратель, то онъ всегда торопился сбѣ-

гать съ лѣстницы ранѣ послѣдняго. Въ тотъ день, когда онъ возымѣлъ въ мысляхъ попытку къ бѣгству, онъ бѣшенно поскакалъ съ лѣстницы и, вмѣсто сада, устремился въ противоположную сторону, къ запертымъ воротамъ подъ одной изъ башенъ. На его сильный стукъ, стража немедленно открыла дверь. Онъ наскоро сообщилъ, что разыскиваетъ аббата Сенъ-Совера и уже два часа бѣгаетъ за нимъ по всѣмъ направленіямъ тюремнаго двора, такъ какъ священникъ общалъ ждать его въ саду, но тамъ его нѣтъ. Придуманная имъ такимъ образомъ исторія отвлекла подозрѣніе стражи, предположившей, что видитъ передъ собою не арестанта, а тюремщика и потому она безпрепятственно пропустила его бѣжать далѣе. Точно такъ-же отвлекаетъ онъ подозрѣніе еще у трехъ сторожей, свободно пропускавшихъ его, и лишь достигъ до четвертаго какъ очутился уже за стѣнами тюрьмы. Но, не надолго; вскорѣ же его выслѣдили и привели обратно.

Другая попытка къ побѣгу также удалась ему. Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ свивалъ онъ изъ разорванныхъ въ лоскутья своихъ многочисленнаго гардероба и запаса бѣлья веревки для лѣстницы, чтобы потомъ, съ ея помощью, черезъ дымовую трубу изъ своей камеры, по крышамъ и башнямъ Бастиліи, съ тысячею опасностей для жизни, достичь земли за тюремными стѣнами! Но, какъ и послѣ первыхъ попытокъ, благодаря своей неосторожности, онъ былъ снова пойманъ.

Преслѣдователи Латюда обвинили его въ обыкновенной кражѣ, но сдѣлали это уже послѣ того, какъ онъ, вслѣдствіе своего неудачнаго побѣга, былъ снова водворенъ въ тюрьму и лишенъ возможности защищаться. Эта новая подлость сразила его. Онъ все перенесъ: и мученія голода, и ужасы непогоды въ сильную зимнюю стужу, и всѣ другія лишенія вмѣстѣ взятыя; но подлости и прочихъ ужасныхъ пытокъ угнетаемой невинности—нѣтъ, онъ не могъ быть ихъ без-

молвной жертвой. Онъ обращался за содѣйствіемъ къ своимъ родителямъ и родственникамъ, чтобы они помогли ему доказать его невинность; но тѣ отвѣчали ему, что, обманувъ ихъ надежды и расчеты, онъ самъ добровольно порвалъ всѣ отношенія, которыя до того связывали его съ его семействомъ, такъ что теперь они не желаютъ признавать его. Почувствовавъ себя, такимъ образомъ, всѣми оставленнымъ, онъ палъ духомъ, потерялъ всякую надежду на лучшее будущее и какъ-бы надолго лишился сознанія своего земного существованія. Въ разныхъ тюрьмахъ онъ назывался ложными именами, чтобы не наложить пятна на свое собственное.

Президентъ Гургъ отъ времени до времени навѣщалъ тюрьмы; однажды прибылъ онъ также въ Бастилю и посѣтилъ камеру Латюда. Выслушавъ подробный рассказъ Латюда, онъ сказалъ ему, что только безчувственный не тронется его судьбой; затѣмъ онъ предложилъ ему весь рассказъ изложить на бумагѣ, а тюремному смотрителю приказалъ немедленно же, по окончаніи описанія, доставить ему таковое. Это и была та самая печальная повѣсть, которую нашла на улицѣ мадамъ Легро! Увѣжая, президентъ Гургъ сказалъ Латюду:

— Положитесь на меня; ваши страданія настолько велики, чтобы можно было легко забыть ихъ. До свиданія.

Латюдь принужденъ былъ продавать часть своего хлѣба, чтобы добыть себѣ необходимыя письменныя принадлежности. Онъ описалъ все съ полною откровенностью, своимъ чувствамъ далъ полную волю и съ полнымъ довѣріемъ отнесся къ этому доброму, сочувствующему покровителю; онъ изобразилъ свои муки съ краснорѣчіемъ страдальца, изложилъ все безъ лишней горечи, вс и безъ всякой утайки. Однако, онъ не отваживался довѣрить рукописи тюремному смотрителю, а продалъ остатки своей лучшей одежды и бѣлья, хра-

нившихся имъ въ надеждѣ прилично одѣться, когда наступитъ день освобожденія, и вырученные деньги отдалъ сторожу за то, чтобы тотъ вручилъ рукопись президенту Гургу. Но, къ несчастью, или лучше сказать, къ счастью, Латюдь не замѣтилъ, что сторожъ въ это время былъ пьянъ.

Президентъ Гургъ принялъ господина Легро, доставившаго ему пакетъ, весьма любезно и благодарилъ, что черезъ него онъ овладѣлъ рукописью Латюда, которую самъ отъ него потребовалъ. Онъ увѣрялъ, что очень тронутъ содержаніемъ рукописи и въ то же время смущенъ; что онъ давно уже интересовался судьбою Латюда, но, къ своему прискорбію, недавно узналъ, что Латюдь съумасшедшій, по меньшей мѣрѣ онъ страдаетъ періодическимъ помѣшательствомъ, и такъ какъ болѣзнь эта длится уже 32 года, то нельзя надѣяться на выздоровленіе. Поэтому, Латюдь долженъ считаться вообще опаснымъ, и его друзьямъ ничего не остается, какъ сожалѣть о немъ и печалиться о его злополучной долѣ. Послѣ этого нетрудно понять, какія послѣдствія произошли бы для Латюда, еслибы тюремщикъ, когда принималъ рукопись для передачи господину Гургу, былъ случайно трезвымъ!

Когда господинъ Легро возвратился и сказалъ женѣ, что президентъ Гургъ не желаетъ принять на себя защиту Латюда, она вышла изъ себя. Перечитывая вновь описаніе его несчастій, она все болѣе убѣждалась въ справедливости содержаемаго рукописи и вполне прониклась тѣмъ духомъ, который диктовалъ Латюду; по тому способу, какимъ онъ изображалъ свои муки, она познала, что онъ чувствовалъ всю горечь своего положенія; она понимала, что съумасшедшій никогда не могъ бы выражаться такъ ясно, что онъ только горячился бы, всѣми силами стараясь освободиться отъ оковъ, которые такъ жестоко мучили его, но не могъ бы говорить такимъ смѣлымъ языкомъ невиннаго, ко-

торый не унижится до прошенія лишь милости къ преступнику. Всѣ эти представленія воспламенили ее и въ то же время объяснили ей дѣло въ настоящемъ видѣ, такъ что она не впала въ такую-же ошибку, какъ президентъ Гургъ.

Также и то обстоятельство, что Латюда не могли обвинять въ какомъ-либо преступленіи, а просто объявляли его помѣшаннымъ, опаснымъ безумцемъ, сильно дѣйствовало на нее. Описаніе столь многочисленныхъ нечеловѣческихъ страданій трогало ея чувствительное сердце и въ то же время ею овладѣло неизъяснимое возмущеніе. Сначала она скрывала свои намѣренія и, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ревностно производила разслѣдованіе, пока, наконецъ, ей удалось убѣдиться въ истинѣ рукописи и въ невиновности узника. Послѣ этого она рѣшила уже энергично дѣйствовать, совершенно забывъ о своихъ личныхъ обязанностяхъ и заботахъ, и цѣлыхъ три года подрядъ не предавалась другой мысли, какъ только о томъ, чтобы освободить совершенно ей чужого, столь сильно преслѣдуемаго несчастіемъ, человѣка. Она не имѣла ни вліятельныхъ родственниковъ, ни подходящихъ къ ея цѣлямъ друзей, не обладала ни средствами, ни какимъ-либо другимъ покровительствомъ; и все-таки она сполна предалась такому почти безнадежному предпріятію. Ей предстояло заинтересовывать участію Латюда важныхъ господъ, лицъ съ высокимъ положеніемъ. Когда ей это удавалось, то она шла къ нимъ и говорила съ такимъ задушевнымъ краснорѣчіемъ, передъ которымъ блѣднѣло краснорѣчіе разсудка. Сначала ее обнадѣживали, потомъ дразнили или грубо выталкивали. Но она продолжала упорствовать, не утомлялась возобновленіемъ своихъ походовъ, не отступала ни передъ какими затрудненіями. Немногіе друзья, которыхъ она успѣла пріобрѣсти своими отважными и столь безкорыстными домогательствами, дрожали за ея жизнь и, въ особен-

ности, беспокоились о возможности лишенія ея свободы, предвидя опасности, на которыя такъ слѣпо толкалась сама мадамъ Летро; но она была глуха ко всѣмъ увѣщаніямъ и предостереженіямъ. Не теряя надежды, послѣ семимѣсячныхъ неудачъ, на благопріятный исходъ, она рѣшила, въ одинъ холодный, зимній день, отправиться пѣшкомъ въ Версаль; но, изнеможенная голодомъ, холодомъ и усталостью, вечеромъ возвратилась домой въ угнетенномъ состояніи, такъ какъ во всѣхъ просьбахъ ей безповоротно было отказано. Всю ночь напролетъ она снова готовилась и на другой день утромъ опять отправилась въ Версаль, но также безуспѣшно. Только по истеченіи восемнадцати мѣсяцевъ, полныхъ самыми сильными напряженіями, трудами, утомленіемъ и лишеніями, ей удалось проникнуть въ тюрьму и познакомиться съ Латюдомъ, который въ это только время впервые узналъ о неизвѣстныхъ друзьяхъ, какіе были у него внѣ тюремныхъ стѣнъ. Когда она собственными глазами увидѣла его неимоверныя страданія, она нашла въ себѣ новыя силы, чтобы преодолѣть всѣ препятствія и опасности. Въ это тяжелое для нея время, она должна была родить; но вскорѣ она освободилась отъ своего ребенка, отдавъ его въ пріютъ, чтобы привести къ окончанію начатое ею дѣло.

Въ своемъ самоотверженіи для несчастнаго узника она не знала никакихъ границъ. Она бѣгала въ отдаленныя предмѣстья, повсюду, гдѣ только рассчитывала находить людей, которые могли бы заинтересоваться судьбой Латюда, голодала, нарочно заставляя черствѣть хлѣбъ, чтобы, такимъ образомъ, не имѣть большого расположенія къ ѣдѣ; многіе хотѣли облегчить ея предпріятіе денежными пособіями, но къ этому нельзя было ее склонить, такъ какъ она отказывалась принимать даже ничтожныя суммы. Хотя мужъ ея, учитель иностранныхъ языковъ, и самъ очень нуждался, но никогда не мѣшалъ женѣ выполнять однажды начатое

ею столь великодушное дѣло. Всѣ удивлялись выдержкѣ мадамъ Легро, изумлялись ея способностямъ и просто поражались ея искусствомъ, въ одинъ день преодолевать столько разнообразныхъ препятствій и избирать дороги, которыя вели ее въ противоположные кварталы города, при чемъ она пользовалась только самой ничтожной частью ночи для отдыха. Между тѣмъ, ей приходилось работать не только для поддержанія своего существованія, но чтобы съ честью покрыть и тѣ небольшіе долги, которые оставилъ ей въ наслѣдство отецъ, до франка и сантима. И все это она переносила со стоическою покорностью. Латюдъ-же огорчался тѣмъ болѣе, что не могъ ничѣмъ вознаградить ее за всѣ приносимыя ею для его освобожденія жертвы.

Всѣ три года, посвященные трудамъ освобожденія Латюда, мадамъ Легро находилась въ постоянномъ возбужденіи, въ постоянной охотничьей травлѣ. Она не давала покоя и тѣмъ людямъ, которые, какъ ей казалось, могли бы быть въ состояніи помочь Латюду; она безпрестанно сновала у ихъ дверей, у одного съумѣла вызвать желаніе совмѣстной работы, у другого возобновить сочувствіе; однимъ она льстила, другимъ обѣщала покровительство нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ изъ круга ея новыхъ знакомыхъ. Однажды мадамъ Легро удалось въ участіи Латюда заинтересовать одного придворнаго Маріи Антуанетты, и когда тотъ докладывалъ королевѣ о безвинномъ страдальцѣ, вошелъ другой придворный и весьма легкомысленно сказалъ, что Латюдъ сумасшедшій и что все представленіе о немъ ничто иное, какъ ложь. Бумага выпала изъ рукъ докладчика, и только что возбужденные интересъ и участіе королевы и двора моментально исчезли.

Но вотъ, въ судьбѣ Латюда принимаетъ участіе кардиналъ Роганъ. Мадамъ Легро дѣлала продолжительныя напрасныя попытки, чтобы ее допустили къ нему,

съ трудомъ заинтересовала Латюдомъ жену привратника и этимъ путемъ добилась, наконецъ, свиданія съ сановникомъ. Онъ былъ очень тронутъ рвеніемъ и великодушіемъ мадамъ Легро и обѣщалъ ей оказать свое вліяніе. Назначенная комиссія должна была еще разъ пересмотрѣть дѣло Латюда. Въ продолженіе 35 лѣтъ безвинно томился Латюдъ подъ адскими сводами тюрьмы, задерживавшими его дыханіе, и полная отчаянія душа его непрерывно терзалась нечеловѣческими муками. Всѣ члены его были разбиты и изранены тревненіемъ и тяжестью кандаловъ, тѣло изъѣдено отвратительными насѣкомыми; вмѣсто свѣжаго воздуха онъ вдыхалъ гнилыя испаренія. Въ довершеніе всего этого ужаса, ему постоянно казалось, что о поддержаніи его здоровья нарочно заботились, не допуская приближенія смерти, которая положить предѣлъ его невыносимымъ страданіямъ и освободить его отъ его подлыхъ мучителей. Таковъ былъ его жребій въ продолженіе длиннаго ряда лѣтъ. Тѣ, которые наслаждаются жизнью, живутъ на свободѣ и въ радости, полагаютъ, что время слишкомъ скоро проходитъ; но бѣдному узнику, который томится въ тюрьмѣ, оно кажется совсѣмъ неподвижнымъ. Можно представить себѣ, сколькими столѣтіями казались Латюду эти 35 лѣтъ заточенія, постоянно возобновляемые страданія котораго удесятворялись въ его мысляхъ и надрывали его бодрость и силы. Однажды, послѣ неудачной попытки къ бѣгству, Латюдъ снова сидѣлъ въ тюрьмѣ и не могъ выносить безсодержательности казавшагося ему неподвижнымъ времени. Тогда одинъ изъ его мучителей сжалился надъ нимъ и, уступая изъ сочувствія къ нему его просьбѣ, далъ ему разрѣшеніе взять къ себѣ частнаго служителя, съ которымъ онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, разговаривать, что, тѣмъ не менѣе, подъ строгимъ суроваго наказанія, запрещалось всѣмъ заключеннымъ. Но бѣдняга не могъ вынести такого суще-

ествованія и его здоровье съ каждымъ днемъ разстраи- валось все болѣе и болѣе; его, однако, не отпускали, несмотря на то, что объ этомъ усердно хлопотали онъ самъ и Латюдъ, обременяя начальство. Латюду стало казаться, что, предоставляя слугѣ умирать на его гла- захъ, тѣмъ самымъ находили поводъ усугубить его личныя страданія. Слугу удалили изъ камеры Латюда только послѣ того, какъ онъ испустилъ свой послѣд- ній вздохъ. Молодой человѣкъ не былъ въ состояніи выдержать и трехъ мѣсяцевъ тамъ, гдѣ Латюдъ дол- женъ былъ провести 35 лѣтъ; но эти три мѣсяца, какъ утверждалъ Латюдъ, сравнительно были еще лучшими, которые онъ тамъ пережилъ. Въ одномъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ Латюдъ говоритъ: „Мнѣ, собственно, слѣдо- вало бы каждый разъ, когда я говорю о своихъ без- человѣчныхъ, пристрастныхъ судьяхъ, во имя человѣ- колюбія и для поддержанія вѣры въ него, почаще на- зывать имя мадамъ Летро“.

Изъ числа многихъ добрыхъ людей, которые труди- лись надъ освобожденіемъ Латюда, особенно постара- лась мадамъ Неккеръ *), своею настойчивостью добив- шаяся почти невозможное превратить въ возможное. Наконецъ, министръ подписалъ приказъ объ освобож- деніи, даже поставилъ объ этомъ въ извѣстность ма- дамъ Неккеръ и поручилъ ей сообщить о томъ Латюду. Затѣмъ дано было распоряженіе приказъ объ освобож- деніи отослать въ полицейское управленіе, чтобы, на- конецъ, онъ попалъ по назначенію. Но полицейскій комиссаръ Ле-Нуаръ, который почему-то ненавидѣлъ

*) *Сузанна Неккеръ*, сама писательница и мать тоже писатель- ницы и видной дѣятельницы революціи, знаменитой мадамъ Сталь-Гольштейнъ, была женою Жака Неккера, бывшаго два- жды министромъ, и прославившагося любовью народа, особенно, по созванію генеральныхъ штатовъ. См. примѣчаніе къ біогра- фіи Люсиль Демулэнъ.

Латюда, не постыдился задержать эту бумагу у себя въ теченіе шести недѣль, и еслибы мадамъ Неккеръ не возобновила своихъ смѣлыхъ и энергичныхъ похо- довъ, то приказъ могъ бы быть и вовсе утаенъ, и бѣд- няга Латюдъ продолжалъ-бы оставаться въ тюрьмѣ и умеръ бы закованнымъ въ кандалы. Лишь только на- ступило освобожденіе, какъ новое несчастье постигло Латюда: одно изъ условій его помилованія состояло въ томъ, что ни одного часа онъ не смѣлъ оставаться въ Парижѣ и немедленно долженъ былъ отправляться на родину, доживать тамъ остатокъ своей жизни подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Что могъ онъ пред- принять на родинѣ, которая давно уже стала для него чужою, а родственники, такъ безсердечно отреклись отъ него? Тогда мадамъ Летро, со своими многочис- ленными новыми друзьями, предприняла послѣдній по- ходъ и, послѣ новыхъ трудовъ и испытаній, достигла того, что Латюду разрѣшили остаться въ Парижѣ. Она съ мужемъ взяли его къ себѣ и окружили такими за- ботливыми попеченіями, въ которыхъ отказали ему его родственники!

Мадамъ Летро не пережила осады и разрушенія Бастиліи; она не задолго передъ этимъ умерла. Но ей принадлежитъ слава въ томъ, что она помогла ея раз- рушенію. Это именно она дала толчекъ ко взрыву уже питавшаго ненависть и отвращеніе народа къ этой ужасной тюрьмѣ произвола, гдѣ томились многочис- ленные страдальцы за свои сердечное призваніе и лю- бовь къ правдѣ. Слабая рука бѣдной, измученной жен- щины потрясла массивныя желѣзныя рѣшетки Басти- ліи и разрушила ея укрѣпленія и адскіе своды.

Первое выступленіе женщины на поприще героизма, внѣ семейнаго очага, какъ и слѣдовало ожидать, сов- пало съ дѣломъ милосердія.

Такъ это было всегда, и во всѣ времена; но что уже дѣйствительно было ново и оригинально въ этомъ

дѣлѣ, такъ это та изумительная настойчивость въ необыкновенно опасномъ и чрезвычайно сомнительномъ предпріятіи, которую осуществила съ безстрашнымъ самоотверженіемъ, опасною борьбою со всѣми препятствіями и предубѣжденіями добрая, простая мадамъ Легро! Ея имя достойно быть упоминаемымъ наряду съ блестящими именами другихъ подвижниковъ великой революціи!

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие Каз.Богдзевича

Предисловие автора (Эммы Адлер)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово Каз.Богдзевича

[Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.](#)

Теруань де-Мерикуръ.

Теруань де-Мерикуръ, эта несправедливо оклеветанная и непонятая „амазонка французской революции“, родилась 13 августа 1762 года въ Маркурфъ, провинціи Люксембургъ.

Она называлась собственно Анной Юзефой Терванъ, часто встрѣчающимся въ Люттихѣ и Люксембургѣ именемъ, произношеніе котораго измѣнилось во французской передѣлкѣ.

Теруань пережила печальное дѣтство; ея отецъ, вслѣдствіе несчастнаго процесса и неудачныхъ предпріятій, лишился своего имущества. Прежде онъ былъ довольно состоятельнымъ фермеромъ и, кромѣ того, велъ небольшую торговлю, на средства отъ которыхъ онъ и его семья могли существовать безбѣдно. Теруань и ея братья были еще дѣтьми, когда умерла ихъ мать. Тетка, которую они имѣли въ Люттихѣ, взяла ихъ къ себѣ. Вначалѣ она держала дѣвочку при себѣ, затѣмъ помѣстила ее въ монастырь, гдѣ Теруань научилась немного шить. Когда, годъ спустя, тетка ея вышла замужъ, то не хотѣла далѣе платить въ монастырь за свою племянницу и взяла ее опять къ себѣ. Но она такъ дурно обращалась съ ней, что послѣдняя вернулась къ отцу, который, между тѣмъ въ это время, вступилъ въ новый бракъ. Но и тамъ Теруань не могла оставаться долго, такъ какъ мачеха дурно обращалась съ нею и ея братьями и потому дѣти вынуждены были покинуть

родительскій домъ. Дѣвочка и младшій братъ ея направились къ родственникамъ въ Ксорисъ; Териуани исполнилось тогда 13 лѣтъ, а братъ ея былъ еще совсемъ ребенкомъ. Но тамъ отъ нихъ требовалась такая работа, которая не соотвѣтствовала ни ихъ силамъ, ни возрасту; но она выносила ихъ гораздо охотнѣе, нежели преслѣдованія, которыхъ недавно избѣгла. Но, когда и работы стали невыносимы, она снова вернулась въ Люттихъ къ своей сердитой теткѣ, которая обращалась съ нею такъ же дурно, какъ и прежде, такъ что Териуанъ ушла отъ нея въ Лимбургъ, гдѣ она цѣлый годъ пасла коровъ. По истеченіи этого времени, она опять возвратилась въ Люттихъ и продолжала учиться шитью. Когда ей исполнилось 16 лѣтъ, она познакомилась съ одной англійской дамой, поселилась у нея, и та обращалась съ нею во всѣхъ отношеніяхъ хорошо. Благодаря ей, Териуанъ получила музыкальное образованіе. Двадцати лѣтъ она отправилась съ этой дамой въ Англію. Тамъ, въ ея домѣ, она познакомилась съ молодымъ, богатымъ англичаниномъ. Сначала онъ велъ себя въ отношеніи къ ней вполне добропорядочно, а потомъ все болѣе увлекался и, при каждомъ удобномъ случаѣ, старался показывать ей, какъ мила и дорога была она ему; равнымъ образомъ и ей становился молодой человѣкъ все болѣе симпатичнымъ, и постепенно въ обоихъ сердцахъ разгоралась пылкая любовь. Дама, съ чисто материнскимъ инстинктомъ, посоветовала ей прекратить сношенія съ богатымъ мужчиной, такъ какъ въ серьезность его намѣреній она не вѣрила и даже рѣшила отказать молодому человѣку отъ посѣщеній ея дома. Но онъ не прекращалъ своихъ домогательствъ. Однажды вечеромъ, когда дамы не было дома, пришелъ молодой англичанинъ къ Териуани и наговорилъ ей тысячу соблазнительныхъ вещей, говорилъ о своей любви и предложилъ ей бѣжать и выходить за него замужъ. Териуанъ испугалась, хотѣла скрыться отъ него, но онъ послѣ-

довалъ за ней, схватилъ ее и повлекъ въ свою карету. Сперва она разсердилась, наговорила ему массу упрековъ; но молодой человѣкъ возобновилъ свои клятвы, и любовь подавила, наконецъ, ея сердитое настроеніе, разсѣявъ и печаль о необходимости навсегда разстаться съ дамой, которой она столь многимъ была обязана.

Молодой влюбленный привезъ Териуанъ въ свое помѣстье близъ Лондона, гдѣ, по его словамъ, они должны были повѣнчаться. Териуанъ довѣрилась вполне его порядочности и нѣжнымъ чувствамъ. Такъ какъ онъ былъ дворянинъ и, по достиженіи совершеннолѣтія, ему предстояло получать 10000 ливровъ годового дохода, то и находился въ полной зависимости отъ своей семьи, а послѣдняя, по всей вѣроятности, не могла бы равнодушно отнестись къ тому, что онъ вознамѣрился жениться на дѣвушкѣ безъ всякихъ средствъ и незнатнаго происхожденія. Но молодой человѣкъ любилъ Териуанъ такъ страстно, что, несмотря ни на какія препятствія, тотчасъ бы и женился на ней, если бы она того потребовала; но, какъ всѣ влюбленные, она не думала о будущемъ и жила только настоящимъ.

Время шло и, съ наступленіемъ совершеннолѣтія молодого человѣка, уже вступившаго во владѣніе крупнымъ богатствомъ, исчезло и счастье Териуанъ. Съ этого времени измѣнились и его отношенія къ ней.

Онъ подарилъ Териуани 200000 ливровъ и повезъ ее въ Парижъ, гдѣ прожилъ съ нею нѣкоторое время и, вмѣстѣ съ тѣмъ, началъ вести крайне развратный образъ жизни. Териуанъ такъ была этимъ опечалена, что вскорѣ заболѣла. Казалось, что этимъ онъ былъ очень тронутъ и, можетъ быть, ей удалось бы еще вернуть его на истинный путь, если бы, къ несчастью, не туманило его головы огромное богатство и онъ не окружалъ себя товариществомъ испорченныхъ тварей, которыя употребляли всѣ средства, чтобы тянуть его на свою сторону. Постепенно, и все болѣе, утрачивалъ

онъ всѣ свои хорошія качества и опускался все ниже и ниже; несмотря на это, Теруанъ все еще любила его и дѣлала все, чтобы вытащить его изъ Парижа. Она надѣялась, что, если однажды высвободить его изъ рукъ низкихъ и безчестныхъ друзей и содержанокъ, то онъ снова поведетъ порядочный образъ жизни. Теруани удалось расшевелить его и возвратиться съ нею въ Англію; съ большимъ самоотверженіемъ она убѣждала его какъ можно скорѣе покинуть столь небезопасное для него мѣсто и такъ быстро собралась, что не успѣла продать мебели и прочаго имущества, оставивъ его въ чужихъ рукахъ.

Успокоенная и полная надеждъ готовилась она къ отъѣзду, но, къ несчастью, ей пришлось совершенно обмануться во всѣхъ своихъ расчетахъ. Ядъ распутства охватилъ его цѣликомъ. Онъ оставилъ ее одну на дачѣ, самъ же отправился въ Лондонъ и тамъ уже предался такой разнузданности, что въ конецъ распаталъ свое здоровье. Предвидя, что теперь уже всѣ старанія ея будутъ напрасны, что онъ никогда болѣе не исправится, и понявъ, что совершенно безсмысленно связывать себя съ мужчиной, который со дня на день становился все болѣе недостойнымъ ея, она рѣшила, что будетъ лучше предоставить ему идти своей дорогой, такъ какъ онъ не имѣлъ уже силъ преодолѣть себя, нежели раздѣлять его участь и самой навсегда сдѣлаться несчастной. Теруанъ покинула своего жениха въ 1787 году съ сердечной болью, такъ какъ продолжала еще любить его.

Теруанъ сначала направилась въ Лондонъ. А такъ какъ здѣсь у ней не было никакихъ знакомыхъ, то ей пришла въ голову мысль возвратиться къ своимъ роднымъ и подѣлиться съ ними своими деньгами. Она не хотѣла огорчать своего отца и рѣшила представиться вдовою, придумавъ себѣ англійскую фамилію, и объяснить, что деньги достались ей въ наслѣдство отъ покойнаго мужа.

На пути къ своему отцу, въ деревнѣ Жюпилль, въ Арденнахъ, она узнала, что онъ умеръ. Тогда она измѣнила планъ своей поѣздки и посѣтила на короткое время своихъ мачеху и братьевъ; первой она дала немного денегъ, а трехъ своихъ братьевъ взяла съ собою въ Парижъ, чтобы тамъ дать имъ образованіе, при чемъ одному изъ нихъ музыкальное, другимъ художественное. Но тутъ она попала въ руки одного недобросовѣстнаго учителя музыки. Онъ составилъ контрактъ, который та не читая, и безъ перевода такого хотя бы въ общихъ чертахъ (онъ былъ написанъ на итальянскомъ языкѣ), подписала. Учитель убѣдилъ ее ѣхать съ нимъ и братьями въ Италію, указывая на преимущества, которые представятся тамъ какъ для ея собственнаго, такъ и ея братьевъ, музыкальнаго образованія. Теруанъ, конечно, совершенно не подозрѣвала того, что имѣлъ въ виду старый негодяй, и согласилась на поѣздку въ Италію. Тамъ только узнала она содержаніе контракта; оказалось, что она сама обязывалась пѣть немного въ театрѣ, къ чему, однако, она не имѣла никакой склонности, такъ какъ въ то время театральныя пѣвицы вообще не пользовались большимъ почетомъ. Сумма, которую она должна была платить за ученіе, оказалась также преувеличенной. Но хитрый обманщикъ ошибся въ расчетахъ; Теруанъ обратилась къ адвокату и вскорѣ же освободилась отъ безчестнаго и наглаго человѣка.

И вотъ она опять въ нерѣшительности, не зная, куда ей направиться: въ Римъ, Лондонъ или на родину. Для приведенія въ порядокъ ея личныхъ дѣлъ, ей надлежало бы отправиться въ Парижъ. Въ это время она узнала, что тамъ скоро должно состояться великое національное собраніе, и она рѣшила ѣхать во Францію, чтобы стать свидѣтельницей такого великаго зрѣлища.

Сначала она жила въ Парижѣ совершенно одиноко. Свободное отъ занятій музыкой время она проводила за чтеніемъ ежедневныхъ газетъ, политическое содер-

жаніе которыхъ, какъ она сама сознавала, было мало доступно ея пониманію. Несмотря на то, что она не имѣла никакого представленія о правахъ народа, Теруанъ по своей природѣ любила свободу. Инстинктъ, природное дарованіе, въ которыхъ она не могла дать себѣ яснаго отчета, увлекали ее въ революцію. Въ то время какъ ей недоставало знаній, начиная правильныя посѣщенія національнаго собранія, она мало-по-малу стала вдумываться въ его настоящее назначеніе.

Объ осадѣ Бастиліи она сама рассказываетъ слѣдующее: „Я находилась въ Пале-Рояль, когда пришло извѣстіе, что Бастилія взята приступомъ. На всѣхъ присутствовавшихъ отразилось неизъяснимое удовольствіе, многіе плакали отъ радости и восклицали: нѣтъ болѣе Бастиліи, насталъ конецъ приказамъ о тайныхъ арестахъ. Когда прибылъ въ Парижъ король, не могу теперь съ точностью установить этого дня, я пошла ему навстрѣчу въ одной шеренгѣ съ солдатами и рада была сыграть роль мушны, такъ какъ меня всегда оскорбляло сознаніе рабства и предразсудковъ, въ силу которыхъ мушны угнетаютъ нашъ полъ. Хотя я каждый день ходила въ Пале-Рояль, я никогда не выступала публично, потому что ничего не сумѣла бы сказать. Ежеминутно я видѣла пушки, мѣшки съ мукой, которые туда привозились. Потомъ я видѣла французскихъ гвардейцевъ, освобожденныхъ изъ тюрьмы народомъ. Сильное впечатлѣніе производило на меня зрѣлище всеобщаго радостнаго настроенія. Духъ эгоизма какъ будто исчезъ, всѣ держали себя одинаково, безъ различія сословій. Въ этотъ моментъ всеобщее движеніе смѣшивало богатыхъ и бѣдныхъ и для первыхъ не считалось уже презрительнымъ вступать въ разговоры со вторыми, какъ съ равными себѣ. Всѣ лица казались мнѣ измѣнившимися, каждый стремился обнаружить свои достоинства и свои природныя склонности. Я видѣла многихъ, которые, несмотря на свои рубища, вы-

глядывали героями. Чувствуя весь этотъ великій подъемъ духа, нельзя было равнодушно смотрѣть на подобное зрѣлище“.

Воодушевленіе Теруани было очень велико и она рѣшила итти въ Версаль, чтобы быть свидѣтельницей того, что происходило на національномъ собраніи; она очень сожалѣла, что ей не пришлось присутствовать тамъ съ самаго начала и что она не пережила изъ-за этого лучшихъ его моментовъ. Она пришла въ то время, когда началось обсужденіе человѣческихъ правъ, и затѣмъ стала проводить тамъ время съ утра до вечера. По собственному ея признанію, ее ужасно сокрушало, что ей не удалось даже принять участія въ знаменитомъ шествіи женщинъ, 5 октября, которыя явились въ Версаль требовать отъ короля хлѣба. Она сама говоритъ, что присутствіе на ежедневныхъ засѣданіяхъ собранія производило на нее неотразимое впечатлѣніе и вызывало такой подъемъ духа, который совершенно преобразилъ ее. Теперь она убѣдилась, что ранѣе ничего не понимала и что только постепеннымъ развитіемъ своихъ мыслей постигла, въ чемъ заключаются потребности народа и привилегированныхъ сословій, и чѣмъ болѣе она замѣчала, что справедливость и здравый смыслъ на сторонѣ народа, тѣмъ болѣе росъ въ ней патріотизмъ.

Теруанъ, которая на галлерей національнаго собранія переживала происходившее на засѣданіяхъ, познакомилась тамъ съ такими же восторженными посѣтителями. Нѣкоторымъ изъ нихъ она предложила образовать вмѣстѣ съ нею политическій союзъ, который долженъ былъ называться „клубомъ человѣческихъ правъ“. Около двѣнадцати лицъ въ самое короткое время стали собираться въ ея квартирѣ. Этотъ союзъ поставилъ себѣ самыя широкія задачи, но привести ихъ въ исполненіе намѣревался лишь послѣ того какъ число его членовъ значительно увеличится. Однако, эти задачи никогда не осуществились, такъ какъ союзъ не достигъ даже 50 чле-

новъ, изъ которыхъ на засѣданія появлялось не болѣе девяти-десяти человѣкъ.

Камилль Демулэнъ, въ своемъ „Journal de Révolutions de France et de Brabant“ *), описываетъ, что произошло въ одномъ изъ засѣданій, состоявшемся въ клубѣ якобинцевъ, когда тамъ появилась Теруанъ де-Мерикуръ. Лишь только она показалась, какъ одинъ уважаемый членъ клуба торжественно воскликнулъ: „Это сама царица Савская пришла сюда навѣстить своего Соломона!“. Теруанъ, во вступительной части своей рѣчи, опираясь на это сравненіе, сказала: „Да, слухъ о вашей мудрости вводитъ меня въ вашу среду. Докажите, что вы Соломоны, что вамъ предназначено построить храмъ, а потому и торопитесь воздвигнуть таковой для національнаго собранія; вотъ, въ чемъ состоитъ мое предложеніе. Могутъ ли истинные патріоты допускать далѣе, чтобы деспотизмъ жилъ во дворцѣ, тогда какъ истинные представители законодательнаго учрежденія, избранники народные, могли засѣдать либо подъ шатромъ, либо въ помѣщеніи для придворныхъ увеселеній, или въ балъныхъ залахъ, либо въ манежѣ, какъ нѣкогда голубь, выпущенный изъ Ноева ковчега, не могъ найти мѣста, куда бы ему присѣсть? Послѣдній камень послѣдней тюрьмы Бастиліи пусть будетъ сланъ въ архивъ сената, гдѣ бы онъ могъ служить предметомъ обозрѣнія, какъ нѣкотораго рода достопримѣчательность. Площадь Бастиліи теперь свободна, 100.000 рабочихъ нуждаются въ работѣ. Зачѣмъ медлить намъ, почтенные кордельеры, вожаки партій, патріоты, республиканцы, братья, вы всѣ, кто меня слушаетъ? Торопитесь открыть подписку, чтобы на мѣстѣ прежней Бастиліи воздвигнуть національный дворецъ. Вся Франція будетъ торопить васъ и помогать вамъ. Вѣдь страна ждетъ только сигнала, такъ подайте же его ей; пригласите лучшихъ мастеровъ,

знаменитыхъ художниковъ, объявите конкурсъ для зодчихъ, срубите кедръ ливанскій, ели съ горы Иды! Если бы камни сами могли двигаться, то ихъ слѣдовало бы отвлечь отъ стѣнъ Оивъ и направить на сооруженіе храма свободы. Чтобы украсить и хорошо обставить это зданіе, пожертвуемъ все наше лишнее золото и драгоценные камни. Я первая подамъ этому примѣръ. Вамъ уже неоднократно говорили, что французы похожи въ этомъ отношеніи на евреевъ, народъ, который жертвовалъ свои драгоценности для сооруженія золотого идола. Простой народъ улавливается чувствомъ, онъ нуждается во внѣшнихъ знакахъ, на которыхъ останавливаетъ свое почитаніе. Отвлеките вашъ взоръ отъ Тюильери, Лувра, и обратите его на то, чтобы въ новомъ храмѣ примѣнить базилику, лучшую чѣмъ у св. Петра въ Римѣ и св. Павла въ Лондонѣ. Только тотъ храмъ достоинъ названія истиннаго, вѣчнаго, въ которомъ провозглашаются человѣческія права. Французы въ своемъ національномъ собраніи возстановили права народа и гражданъ. Вотъ великое зрѣлище, на которомъ, безъ сомнѣнія, будетъ покоиться благосклонный взоръ Провидѣнія; это и есть то истинное богослуженіе, на которомъ молитвы будутъ возноситься съ большимъ благоговѣніемъ, нежели при превосходно воспѣваемыхъ „Kyrie eleison“ или „salvum fac regem“. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвела на слушателей столь вдохновенная рѣчь, эта смѣсь образовъ изъ Пиндара и изъ священнаго писанія, въ особенности, когда она исходила изъ такихъ прекрасныхъ устъ. Бурные аплодисменты огласили залъ, когда она кончила. Тутъ же рѣшили напечатать воззваніе и разослать его въ 59 округовъ и 83 департамента. Подобно постановленію Никейскаго собора, признававшего, что и женщины имѣютъ такіе же душу и разумъ какъ мужчины, было бы хорошо, если бы и они въ своихъ рѣчахъ выказывали не меньшее вдохновеніе, чѣмъ эта неожиданная ораторша.

*) „Журналъ революціи во Франціи и Брабантѣ“.

Но, въ своемъ увлеченіи общественными событіями, Теруанъ не во всѣхъ нашла себѣ друзей; скорѣе, она приобрѣла себѣ больше враговъ. Уже на галлерей національнаго собранія послышался ропотъ, такъ какъ на присутствовавшихъ тамъ аристократовъ непріятно подѣйствовали ея рвеніе и искренность; они начали произносить колкія слова и каждый день досаждали ей новыми оскорбленіями. Но и товарищи по убѣжденіямъ, которые, вмѣсто того, чтобы быть къ ней справедливыми, высмѣивали ее и давали ей поводъ къ огорченіямъ. Къ этому присоединились еще несправедливыя подозрѣнія, что она виновна въ происшествіяхъ 5 и 6 октября; ее пробовали страшать угрозами, что противъ нея будетъ возбуждено дѣло. Несмотря на это, она сознавала себя ни въ чемъ невиновной, все-же не безъ страха задумывалась надъ возможностью преслѣдованія и вспоминала о случаѣ съ нѣкимъ безвинно осужденномъ въ Шаталѣ узникомъ. Въ одномъ она была убѣждена, что своею откровенностью она навлекла на себя много враговъ. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство.

Теруанъ привыкла жить роскошно, безъ разсчета, такъ что богатство, доставшееся ей отъ ея бывшаго жениха, съ теченіемъ времени значительно сократилось. Вдругъ она замѣтила, что можетъ совершенно обѣднѣть, и потому рѣшила покинуть Парижъ и переселиться, вмѣстѣ съ братомъ, въ Лютихъ, гдѣ считывала повести скромный образъ жизни.

Послѣ нѣкоторыхъ приключеній въ пути, достигла она, наконецъ, своей родной деревни Маркуръ. Она долго не могла притти въ себя отъ радости, снова увидѣвъ свою родину, домъ, въ которомъ она родилась, своихъ родныхъ и нѣкоторыхъ подругъ дѣтства. При наплывѣ своихъ дѣтскихъ воспоминаній она почти забыла революцію и совсѣмъ погрузилась въ прошедшее, возобновила съ своими подругами всѣ юношескія

игры съ безпечною радостью, какъ будто въ ея мірѣ не существовало опыта и пережитковъ между настоящимъ и прошедшимъ. Она такъ была поглощена деревенскою безмятежностью и созерцаніемъ красотъ природы, что надолго рѣшила тамъ остаться, вовсе не желая возвращаться въ Францію, и послала своего старшаго брата въ Парижъ за своими вещами. Она даже приобрѣла отъ своего дяди небольшой клочекъ земли и домикъ, при чемъ платежъ былъ отсроченъ до того времени, когда у ней снова будутъ деньги.

Между тѣмъ, она удалилась въ еще болѣе уединенное деревенское мѣстечко въ лѣсу, въ Ла-Бовери, чтобы тамъ на досугъ ожидать приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Но тутъ случилось нѣчто совершенно непредвидѣнное, нѣчто выходящее изъ ряда всѣхъ человѣческихъ разсчетовъ, о чемъ она не имѣла ни малѣйшаго предчувствія и отъ чего ничѣмъ не могла уберечься!

Въ ночь съ 15 на 16 января 1791 года, когда немногіе жители этой деревеньки находились въ глубокомъ снѣ, въ дверь Теруани сильно постучались; при повтореніи стуконъ, она проснулась и открыла дверь. И вотъ въ ея комнату вошли двое совершенно ей незнакомыхъ лицъ. Одинъ изъ нихъ былъ извѣстный кавалеръ де-ла-Валеттъ, другой графъ Сентъ-Малонъ. Кромѣ того, ихъ сопровождалъ унтеръ-офицеръ, по имени Лешу. Эти господа запаслись хорошими рекомендательными письмами и надѣялись на княжеское вознагражденіе, если имъ удастся спровадить эту опасную личность въ надежную тюрьму. Они изобрѣли цѣлый романъ, содержаніе котораго заключалось въ томъ, что она обвинялась въ покушеніи на жизнь Маріи-Антуанетты, а слѣдовательно и въ оскорбленіи его величества Леопольда II.

Когда, съ просонокъ, Теруанъ спросила ихъ, чему она обязана ихъ посѣщеніемъ, они стали увѣрять ее,

что, какъ истинные патріоты, движимые дружескимъ къ ней расположеніемъ и сильной заботой, пришли спасти ее отъ преслѣдованій аристократіи. Въ то время какъ она, въ ихъ присутствіи, одѣвалась, поторапливаемая однимъ изъ нихъ, другой сталъ вездѣ осматриваться, и такъ какъ онъ замѣтилъ пачку бумагъ и писемъ, то схватилъ ихъ и положилъ къ себѣ въ карманъ. Братъ Теруани чувствовалъ себя безпомощнымъ и, несмотря на возникшія у него сомнѣнія, ничему не могъ воспрепятствовать. Теруанъ не успѣла еще придти въ полное сознаніе, какъ уже садилась вмѣстѣ съ тремя мушкетерами въ карету; кучеръ ударилъ по лошадамъ и она, минуя всякія препятствія въ пути, помчалась въ неизвѣстность будущаго.

Первоначально Теруанъ была доставлена въ Фрейбургъ, въ Брейсгау, куда они прибыли 25-го февраля, и тамъ оставалась подъ наблюденіемъ своихъ провожатыхъ до 9 марта. Въ этотъ день былъ полученъ приказъ верховнаго военнаго совѣта доставить ее подъ строгимъ конвоемъ въ крѣпостную тюрьму въ Куфштейнъ, въ Тиролѣ. Ея конвой состоялъ изъ капитана барона фонъ-Ландреша, лейтенанта Краузе и двухъ унтеръ-офицеровъ. 9 марта, вечеромъ, съ этими новыми провожатыми она покинула Фрейбургъ. Во время этого длиннаго путешествія, которое тогда совершалось еще съ большими затрудненіями въ дорожной каретѣ, Теруанъ полагала, что ее привезутъ въ Вѣну, при чемъ всѣ свои надежды она возлагала на короля Леопольда II, отъ котораго рассчитывала снова получить свободу. Баронъ фонъ-Ландрешъ велъ себя въ отношеніи къ ней весьма предупредительно, и видя, въ какомъ душевномъ потрясеніи она находилась, оставлялъ ее въ этомъ пріятномъ заблужденіи, не открывая передъ ней настоящей цѣли путешествія. Наконецъ, 17 марта прибыли они въ Куфштейнъ. Можно представить себѣ ужасъ и отчаяніе Теруани, когда она очутилась передъ крѣ-

постью съ тяжелыми желѣзными воротами, башнями и рѣшетчатыми окнами, и когда окончательно убѣдилась, что она только арестантка. Въ ея возбужденномъ воображеніи тотчасъ-же представились всевозможные ужасы; быть можетъ, она уже никогда не получитъ свободы и за этими мрачными тюремными стѣнами подвергнется всевозможнымъ пыткамъ, жизнь же ея безнадёжно должна будетъ угасать.

Она судорожно заплакала, получила нервное потрясеніе и неоднократно восклицала: „Лучше умереть, нежели вести проклятую жизнь за этими стѣнами изгнанія!“. Тѣмъ временемъ подошелъ комендантъ крѣпости, капитанъ Шенигеръ, настолько привычный къ подобнымъ выраженіямъ отчаянія узниковъ, что къ настоящей сценѣ съ Теруанью остался совершенно равнодушнымъ.

Но вотъ они отправились черезъ мрачный дворъ, проходили по всевозможнымъ лѣстницамъ, мимо ряда сторожевыхъ постовъ; гремѣли ключи у тяжелыхъ дверныхъ замковъ, и казалось, что все было приспособлено нарочно къ тому, чтобы возбуждать отчаяніе и исключать всякую надежду на какое-либо избавленіе....

Наконецъ, достигли камеры и, послѣ тщательнаго обыска и описи находившагося при ней имущества, Теруанъ оставлена была тамъ одна со своимъ отчаяніемъ. Ея заточеніе продолжалось уже нѣсколько недѣль; но вотъ, въ концѣ мая, прибылъ въ Куфштейнъ столь томительно ожидаемый судебный слѣдователь, надворный совѣтникъ Францъ фонъ-Бланкъ. Благодаря его человѣколюбію и великодушію, слѣдствіе повелось энергично и въ болѣе короткое время, нежели это, вообще, было въ обычаѣ, такъ что процессъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сильно подвинулся впередъ и Теруанъ была оправдана верховнымъ судомъ. Слѣдствіе обнаружило, что все дѣло о покушеніи Теруани на жизнь Маріи Антуанетты было ничѣмъ инымъ, какъ

выдумкой двухъ французскихъ негодяевъ. Когда закончился процессъ, она поѣхала въ Вѣну, сопровождаемая сильнымъ конвоемъ; не желая подвергаться какому-либо излишнему любопытствамъ, она совершала свое путешествіе подъ именемъ Лахэ. По истеченіи нѣсколькихъ недѣль, она получила отъ короля Лепольда II вознагражденіе въ 600 флориновъ и ей было приказано затѣмъ немедленно покинуть Вѣну, чтобы никогда уже тамъ не появляться. Оба француза ничего не достигли и, въ концѣ концовъ, должны были еще радоваться, что получили отъ надворнаго совѣтника фонъ-Бланка небольшую сумму на обратный проѣздъ. Въ концѣ ноября 1791 года Теруанъ покинула Вѣну и предварительно направилась въ Люттихъ.

Въ началѣ слѣдующаго года она снова прибыла въ Парижъ, но уже не встрѣтила прежнихъ уваженія и вниманія. Ея обращенія и рѣчи стали неясны и сбивчивы.

26 января 1792 года она появилась въ клубъ якобинцевъ и ее привѣтствовали рѣчью, въ которой ее поздравляли съ избавленіемъ отъ мученій и преслѣдованій.

Но, бѣдная дѣвушка! могла-ли она предвидѣть, какіе ужасы ожидали ее; смерть для нея была-бы лучшимъ средствомъ избѣгнуть то, что перенесла она въ свои послѣдніе годы жизни.

15 мая 1793 года Теруанъ подверглась такой постыдной и жестокой пыткѣ, что умъ ея помутился и она помѣшалась. Въ эти смутныя времена, образовался довольно значительный кружокъ женщинъ, называвшихся членами „Société fraternelle“ *), цѣлью котораго было добровольное шпионство, и эти женщины нападали и задерживали людей, которые имъ казались подозрительными. Когда Теруанъ находилась на террасѣ

*) Братскій союзъ.

Фельянтинскаго монастыря, нѣсколько такихъ женщинъ набросились на нее и одна за другой кричали, что она послѣдовательница Бриссо и стали безпощадно бить ее; въ то время, какъ однѣ сорвали съ нея платье и бѣлье, раздѣвъ ее, такимъ образомъ, до-гола, и наносили ей удары хлыстомъ, другія неистовою толпою скакали вокругъ нея и кричали: „долой Бриссо съ его бриссотинкой!“). Съ большимъ трудомъ нѣсколькимъ мужчинамъ удалось отнять ее отъ разъяренныхъ женщинъ и спасти ей жизнь, такъ какъ онѣ повлекли ее въ паркъ, чтобы потопить въ прудѣ. Но, можно-ли назвать это спасеніемъ? Грубое нападеніе расшатало ея нервы, оскорбленіе ея чувства стыдливости помутило ея рассудокъ. Теруанъ де-Мерикуръ помѣшалась и никогда уже болѣе не могла придти въ сознаніе. Закутанную въ смиренную рубашку, ее доставили въ больницу для умалишенныхъ, сначала въ Сентъ-Марсо, позднѣе въ Сальпетріеръ, гдѣ она произносила какія-то совершенно непонятныя слова, безпрестанно двигала руками, какъ будто отражая нападеніе, и, объята своимъ изступленнымъ бредомъ, прожила такъ цѣлую четверть вѣка, не покидая больницы. Бѣдная Теруанъ походила на мертвый призракъ, о которомъ говорить

*) Жанъ Пьеръ Бриссо, по деревнѣ, гдѣ воспитывался, прозванный де-Варвилемъ, родился въ 1754 г. въ Шартрѣ; сперва адвокатъ, потомъ журналистъ; за ложно приписанный ему памфлетъ противъ королевы, сидѣлъ 4 мѣсяца въ Бастиліи. Связь съ герцогомъ Орлеанскимъ угрожала ему снова арестомъ, отъ котораго онъ спасся бѣгствомъ въ Лондонъ, гдѣ усердно дѣйствовалъ въ пользу уничтоженія торговли неграми. Возвратившись, принялъ дѣятельное участіе въ революціи, сперва какъ журналистъ, потомъ какъ членъ національнаго собранія и начальникъ партіи бриссотиновъ или жирондистовъ. Его умѣренность снискала себѣ довѣріе роялистовъ, но этимъ онъ навлекъ на себя подозрѣніе якобинцевъ и казненъ въ 1794 году.

Виргилій, и все время казалось, что принуждаетъ себя возстановить въ памяти предшествующую жизнь, но напрасно! Какъ трудно было узнать въ этой бѣдной, лепечущей, помутившейся въ своемъ разсудкѣ женщинѣ Теруанъ, произнесшую нѣкогда, въ клубѣ якобинцевъ, вдохновенную рѣчь, которая всѣ были поражены.

Прекрасная Теруанъ избѣгла эшафота, на которомъ погибло столько знаменитыхъ людей ея времени. Для нея-же припасли болѣе грубое наказаніе, такъ какъ ея безумныя бредни производили болѣе сильное впечатлѣніе, нежели смерть.

При звукахъ тысячъ трубъ, раздававшихся на праздникъ свободы, когда 3000 птицъ были выпущены на свободу съ прикрѣпленными на ихъ шеи ярлычками, съ надписью: „Мы свободны, послѣдуйте-же и вы за нами!“, долженствовавшей возвѣстить всему міру, что Франція свободна, бѣдная „амазонка революціи“ вела въ своей уединенной кельѣ нескончаемую войну съ привидѣніями, непонятая, забытая, презираемая, навѣки утратившая всякую способность мыслить.

Несчастная Анна Терванъ! зачѣмъ покинула ты свою безмятежную деревню, свои лѣса и нивы! Ты не познала-бы тамъ ни восхищенія триумфомъ, ни горечи обидъ и униженій. Твоя жизнь была-бы сплошною идилліей любви; какое же внутреннее побужденіе толкнуло тебя въ бурныя волны революціи?

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иохим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие Каз.Богдзевича

Предисловие автора (Эммы Адлер)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово Каз.Богдзевича

Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.

Шарлотта Кордэ.

Петионъ, Барбару, Гюаде, Лувэ, Бюзо и Ланжюинэ, депутаты національнаго Конвента, члены такъ печально закончившей свое политическое существованіе, отличававшейся замѣчательными талантами и возвышенными идеями, дѣлавшей честь рождавшейся республикѣ своимъ отвращеніемъ къ кровопролитію, къ преступленію, къ анархіи и старавшейся спасти революцію, не обатряя ее кровью, умѣренной партіи жиронды, послѣ событій 27 и 31 мая и 2 іюня 1793 года, спасаясь отъ преслѣдованій вожака одержавшей надъ нею верхъ партіи горы (монтаньяровъ), жестокаго, кровожаднаго Марата *), бѣжали въ Канъ, въ Кальвадосъ.

Возмущенные такимъ пораженіемъ жирондистовъ, граждане этого мирнаго городка и его окрестностей рѣшили предпринять походъ въ Парижъ противъ Марата, сговорившись собраться на лугахъ близъ Кана,

*) Жанъ Поль Маратъ, замѣчательное лицо французской революціи, родился въ 1744 г. въ Бодри, въ Невшателѣ. При началѣ революціи былъ ветеринаромъ у графа д'Артуа, отличался какъ неистовый якобинецъ и демагогъ, стремившійся для личной пользы привлечь массы народа на свою сторону, дѣйствуя на его дурныя страсти и склонности. Онъ издавалъ народный журналъ „Ami du peuple“ („Другъ Народа“), сдѣлавшій его идоломъ массы, и хотя онъ былъ нѣсколько разъ обвиняемъ, но каждый разъ избѣгалъ казни дерзостью или бѣгствомъ. Чрезъ Дантона былъ выбранъ въ члены муниципалитета, а потомъ въ комитетъ общественной безопасности. Ужасный законъ о подозрѣваемыхъ придуманъ имъ-же.

И это только один пример безграмотного либерального бреда: закон о подозрительных был инициирован и принят осенью 1793 года, спустя почти 4 месяца после гибели Марата. - ред. Vive Liberta.

чтобы отсюда тронуться въ путь. И вотъ, на этотъ исполинскій дерновый коверъ, могущій вмѣстить болѣе 10000 человѣкъ, въ назначенный день, 7 іюля 1793 года, явилось всего лишь 30 храбрыхъ добровольцевъ! Присутствовавшіе тутъ же, вмѣстѣ съ бѣглыми депутатами, любопытныя дамы были поражены такимъ ничтожнымъ числомъ и выражали по этому поводу различныя мнѣнія, сходявшіяся въ одномъ общемъ сожалѣніи, что выполненіе задуманной цѣли при такихъ условіяхъ состояться не можетъ.

Но, среди этихъ дамъ, находилась одна молодая дѣвушка, обратившая на себя вниманіе своимъ слишкомъ печальнымъ видомъ. Ей вдругъ пришла въ голову мысль, что ея бѣдное, изстрадавшееся отечество, Франція, окончательно погибнетъ, благодаря трусости мушницъ, отказавшихся выполнить священный долгъ спасенія республики изъ рукъ такого звѣря, какимъ, благодаря пламеннымъ рѣчамъ Петіона и его сообщниковъ, казался ей Марать, и что спасти ее должна рука слабой женщины, *ея рука*. Вдохновенная такою мыслью, сосредоточившаяся на ней всѣмъ своимъ существомъ, эта дѣвушка была Марія Шарлотта Кордэ д'Арманъ, молодая, красивая особа, пламенная республиканка, происходившая изъ благородной, но бѣдной, семьи и проживавшая въ Канѣ у своей тетки *).

Единственный сохранившійся портретъ Шарлотты Кордэ сдѣланъ очень неудачно, незадолго передъ ея смертью **). Онъ отражаетъ необыкновенную кротость

*) До этого мѣста, начало біографіи Шарлотты Кордэ, заключающее въ себѣ по подлиннику лишь нѣсколько строкъ, даетъ очень слабый намекъ на событіе 7 іюля 1793 года въ Канѣ, а потому пришлось его нѣсколько развить и изложить совершенно иначе.

**) Незадолго до прихода въ тюрьму палача, къ Шарлоттѣ вошелъ художникъ Хаузеръ, начавшій писать ея портретъ

лица и, вообще, лишь внѣшнія черты, но не даетъ ни малѣйшаго представленія о той связи оригинала съ кровавымъ воспоминаніемъ, съ которымъ соединено его имя. Это лицо молодой дѣвушки изъ Нормандіи, молодое женское лицо въ своемъ юношескомъ расцвѣтѣ. На портретѣ она выглядитъ гораздо моложе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ, какъ должна бы выглядѣть вообще дѣвушка въ возрастѣ 25 лѣтъ. Въ этомъ трагическомъ изображеніи она кажется необыкновенно скромной, сосредоточенной и строгой, какими представляются и всѣ женщины на ея родинѣ. А между тѣмъ, то, что пережила эта мужественная дѣвушка, вдохновенная мыслью о великомъ подвигѣ, приведенномъ ею въ исполненіе, казалось, должно было бы положить на лицо ея особый отпечатокъ героизма.

Она имѣла пепельнаго цвѣта волосы, носила бѣлый чепецъ и бѣлое платьѣ. Въ ея глазахъ замѣтны выраженія сомнѣнія и грусти. При сильномъ напряженіи воли, какъ это всегда бываетъ у отважныхъ людей, въ послѣдній моментъ передъ исполненіемъ задуманнаго, возникаютъ разнородныя сомнѣнія. Требуется большое напряженіе зрѣнія, чтобы на этомъ портретѣ разглядѣть въ ея грустныхъ и кроткихъ глазахъ еще нѣчто такое, что, быть можетъ, и объяснить всю ея судьбу: въ нихъ видна какая-то скрытность! Да, это и есть то единственно несомнѣнное, что въ портретѣ находятъ. Въ этомъ прекрасномъ, добромъ существѣ, дѣйствительно, таилась какая-то нездоровая сила, мрачный демонъ одиночества.

Она имѣла несчастье потерять свою мать, когда была еще ребенкомъ, и росла безъ материнскихъ ласкъ. Въ то же время она почти была лишена и отеческихъ

еще во время суда. Шарлотта согласилась позировать для него и попросила только сдѣлать съ портрета копію и передать ее роднымъ.

попеченій; ея отецъ былъ бѣдный благородный помѣщикъ, романтикъ и неисправимый мечтатель, писавшій противъ злоупотребленій властью дворянъ, много заботившійся о своихъ книгахъ и очень мало о своихъ дѣтяхъ. Тринадцати лѣтъ ее отдали въ женскій дворянскій монастырь въ Канъ. Монастырь этотъ находился въ весьма уединенномъ мѣстѣ; здѣсь раздавалось только карканье воронъ, кружившихся надъ его башнями, да завыванія вѣтра утомляли слухъ его обитательницъ. Тамъ ее всѣ чуждались, такъ какъ она была бѣдна; а извѣстно, какъ богатые пренебрегаютъ бѣдными даже и въ такихъ скромныхъ обителяхъ, гдѣ должны были бы существовать священные завѣты Христа о равенствѣ. Душа молодой Шарлотты требовала какой-либо привязанности, и если она не нашла таковой для себя, то сама почувствовала ее для двухъ другихъ находившихся тамъ бѣдныхъ благородныхъ дѣвушекъ. Въ пріемной комнатѣ аббатиссы часто собиралось общество, куда имѣли также доступъ и молодые люди изъ аристократическихъ фамилій; но легкомысліе ихъ побуждало Шарлотту избѣгать этого общества и все болѣе и болѣе удаляться отъ свѣтской пустоты и развивать свою склонность къ одиночеству.

Ея настоящими друзьями были книги. Философія проникла также и въ монастырь. Въ руки Шарлотты попадали случайныя и плохо подобранныя вещи для чтенія. Рейналь и Руссо, безъ разбора, прочитывались ею съ одинаковымъ интересомъ. Въ своемъ уединеніи, она представляла себѣ, что живетъ среди вѣчныхъ героевъ Плутарха, въ Элизіумѣ, увлекавшихъ и ея существо на какой-то невѣдомый подвигъ.

Когда монастыри были закрыты и отецъ ея снова женился, она направилась въ Канъ къ старой теткѣ, мадамъ де-Бретвилль. Тамъ охватила ея рѣшимость на подвигъ, осуществленіе котораго не заставило ее

медлить. Нѣкоторое время, впрочемъ, ее удерживала мысль о ея старой теткѣ, столь дружелюбно пріютившей ее у себя, чтобы своимъ поступкомъ не навлечь на нее несчастья; затѣмъ она все-таки вынуждена была открыться ей и тѣмъ самымъ очень озадачить ее.

Разъ какъ-то тетка застала ее плачущею и спросила о причинѣ ея слезъ.

— Я плачу о Франціи,—сказала Шарлотта,—о моихъ родныхъ и объ васъ. Пока Маратъ живъ, никто не можетъ быть ни одного дня спокоенъ за свою жизнь.

Со дня отъѣзда добровольцевъ изъ Кана, Шарлотта Кордэ имѣла только одну мысль, прибыть въ Парижъ ранѣе этихъ мушницъ, чтобы спасти ихъ жизнь, которою они такъ мужественно хотѣли пожертвовать, и сдѣлать ихъ любовь къ отечеству излишней, въ то время, какъ она предупредить ихъ въ избавленіи Франціи отъ тиранніи. Независимо отъ желанія пожертвовать собою для этихъ людей, ее побуждала къ этому шагу и ея собственная любовь къ отечеству.

Предчувствіе предстоявшаго ужаса въ то время уже распространилось по всей Франціи. Эшафотъ безъ устали работалъ въ Парижѣ; говорили даже, что онъ будетъ распространенъ по всей республикѣ. Власть Горы *) и Марата должна была побѣдить и могла держаться только при посредствѣ рукъ палачей. Говорили о томъ, что Маратъ уже составилъ списки лицъ, предназначенныхъ къ преслѣдованію, и установилъ ихъ предводителей, которые должны были пасть жертвой его злобы и жажды мщенія. Въ Ліонѣ отмѣчено было 2500 жертвъ, въ Марселѣ 3000, въ Парижѣ 2800, въ Бретани и Кальвадосѣ 3000. Имя Марата всѣхъ приводило въ ужасъ, какъ будто оно было однозначуще со словомъ „смерть“. Чтобы

*) Такъ называлась радикальная партія въ національномъ собраніи (монтаньяры), засѣдавшая въ верхнихъ рядахъ Конвента.
К. Б.

помѣшать такому потоку крови, Шарлотта и рѣшила пожертвовать собою.

Она хотѣла изучить жирондистовъ и понять ихъ, вникнуть въ ихъ стремленія, не открывая однако имъ своихъ намѣреній. Она настолько уважала ихъ, чтобы, не раскрывая передъ ними своего плана, на который они могли бы взглянуть какъ на преступленіе и осуществленію котораго могли бы помѣшать, имѣла достаточно самообладанія для приведенія его въ исполненіе самой, безъ ихъ поддержки и безъ всякаго для нихъ риска. Подъ разными предлогами она заходила въ интендантство, куда имѣли доступъ граждане, въ случаѣ надобности передать депутатамъ свои просьбы. Тамъ она разговаривала съ нѣкоторыми изъ нихъ, а съ Барбару даже нѣсколько разъ, что и подало многимъ поводъ къ несправедливымъ догадкамъ и подозрѣніямъ, такъ какъ оба они были красивы и молоды.

Однажды, когда Шарлотта Кордэ сидѣла въ вестибюлѣ и ожидала прихода Барбару, вошелъ Петіонъ и, замѣтивъ ее, подтрунилъ надъ ея страстью и смѣясь сказалъ:

— Здѣсь опять эта красивая аристократка, которая приходитъ навѣщать республиканцевъ.

Молодая дѣвушка поняла циническую насмѣшку и оскорбительный намекъ и, краснѣя, отвѣтила:

— Гражданинъ Петіонъ, вы судите такъ, не зная меня; но, вы вскорѣ же узнаете, кто я такая!

Шарлотта Кордэ просила для себя у Барбару рекомендательное письмо къ министру, чтобы хлопотать у него помощи для своей подруги юности, дѣвицы Форбэнъ, родители которой заставили ее отправиться вмѣстѣ съ ними въ ссылку, и она испытывала теперь въ Швейцаріи нужду и всякія лишенія. Барбару далъ ей письмо къ дю-Перрѣ.

Въ четвергъ, 11 іюля, около полудня, она прибыла въ Парижъ и остановилась въ домѣ № 17 на улицѣ

Вье Огюстенъ, въ гостинницѣ Providence. Она устала съ дороги, легла въ 5 часовъ дня въ постель и спала до утра слѣдующаго дня сномъ молодости и со спокойной совѣстью. Ея жертва намѣчена, дѣйствія обдуманы и она не ощущала ни безпокойства, ни сомнѣній.

Въ удачномъ исполненіи своего намѣренія она была такъ увѣрена, что не торопилась къ его осуществленію.

На другой день она отправилась къ дю-Перрѣ, котораго, однако, не застала; его дочь взяла къ себѣ рекомендательное письмо Барбару, такъ какъ возвращенія дю-Перрѣ ожидали только къ вечеру. Шарлотта Кордэ вернулась въ свою комнату въ гостинницѣ и провела тамъ день въ чтеніи и размышленіяхъ. Въ 6 часовъ вечера она вторично пошла къ дю-Перрѣ, сообщила ему подробности своего ходатайства и просила его представить ее министру Гарату, чтобы лично изложить ему дѣло Форбэнъ. Это былъ только предлогъ; она, собственно, хотѣла видѣть одного изъ тѣхъ жирондистовъ, ради которыхъ приносила себя въ жертву.

Дю-Перрѣ обѣщалъ ей представить ее на другой день министру и оказать содѣйствіе въ ея хлопотахъ. Она сообщила ему свое имя и адресъ. Но, прежде чѣмъ удалиться, она сказала:

— Дозвольте мнѣ, гражданинъ, подать вамъ совѣтъ: оставьте Конвентъ, вы тамъ ничего болѣе хорошаго уже не сдѣлаете, удалитесь въ Канъ, чтобы присоединиться къ своимъ братьямъ и товарищамъ. Но депутатъ очень опредѣленно отвѣтилъ ей:

— Мое мѣсто въ Парижѣ и я его не покину!

— Вы дѣлаете ошибку—сказала Шарлотта Кордэ и, почти умоляя, добавила:—бѣгите, бѣгите до завтрашняго вечера!—и быстро вышла, не дождавшись отвѣта.

Рано утромъ на другой день дю-Перрѣ послалъ за Шарлоттой, чтобы вмѣстѣ съ ней отправиться къ министру Гарату. Но министръ всетаки ее не принялъ. Дю-Перрѣ тогда сказалъ, что Гаратъ могъ скорѣе по-

вредить ей, нежели принести пользу, такъ какъ онъ навлекъ на себя подозрѣніе и что какъ разъ въ ночь передъ тѣмъ Конвентомъ были приняты противъ него мѣры. Шарлотта Кордэ не настаивала, такъ какъ при такихъ условіяхъ она уже не нуждалась въ предложѣ для достиженія своей главной цѣли. Дю-Перрэ разстался съ нею у подъѣзда при входѣ въ гостинницу.

Она сдѣлала видъ, какъ будто вошла туда. Но, вскорѣ она опять вышла и занялась изученіемъ улицъ, ведущихъ къ Пале-Роялю. На одной изъ нихъ она купила себѣ въ ножевомъ магазинѣ за 40 су кинжало-подобный ножъ и спрятала его къ себѣ за корсажъ. На обратномъ пути она зашла въ садъ и присѣла на скамейку. Первою мыслью ея, охватившею ее еще въ Канѣ, было убить Марата въ присутствіе членовъ партіи горы (монтаньяровъ), во время собранія, на глазахъ его приверженцевъ и поклонниковъ. Она была увѣрена, что тогда немедленно-же рѣшится и ея собственная участь, при чемъ разъяренною толпою она будетъ разорвана въ куски и не останется другого воспоминанія какъ о двухъ трупахъ и о погрязшей въ крови тиранніи. Она надѣялась, что имя ея останется неизвѣстнымъ, и полагала, что будетъ достаточно вознаграждена однимъ сознаніемъ удачно совершеннаго подвига, будь это позоръ или слава. Они могли имѣть оправданіе исключительно въ ея собственномъ сознаніи, пребывавшемъ въ состояніи полного душевнаго спокойствія. Но Марать не выходилъ на засѣданія и лежалъ дома больной. Когда она сидѣла въ паркѣ, неподалеку отъ нея игралъ ребенокъ, занятый пересыпаніемъ песку въ свой передникъ; по-видимому, лицо Шарлотты ему понравилось и онъ положилъ свою головку къ ней на колѣна. Шарлотта посадила его къ себѣ. Въ это время онъ замѣтилъ рукоятку ножа и вытащилъ его. Увидѣвъ это, Шарлотта быстро встала, бросила вокругъ себя безпокойный взглядъ, поставила ребенка на землю и удалилась, при

чемъ снова запрятала ножъ за свой корсажъ. Лишь только она пришла домой, какъ рѣшила выполнить свое намѣреніе безъ замедленія.

Такимъ образомъ, она должна была идти къ самому Марату, въ его домъ, проникнуть туда, не возбуждая подозрѣній у окружающихъ его лицъ. Она должна была обмануть ихъ, пробраться подъ ложнымъ предлогомъ. Это не входило въ ея расчеты и приводило ее къ сомнѣнію и угрызенію совѣсти, оскорбляло ея душу, такъ какъ мечъ превращало въ западню, храбрость въ подлость, самопожертвованіе въ коварное убійство!

Первое письмо, которое она написала Марату, осталось безъ отвѣта. Тогда она написала другое, въ которомъ, выражая полное сочувствіе къ его болѣзненному состоянію, дала понять, что она недовольна его невниманіемъ, такъ какъ должна была довѣрить ему значительную тайну, что ее преслѣдуютъ и что она несчастна. Однако, она передумала, и этого письма къ нему не послала.

13 іюля, въ 7 часовъ вечера, она вышла изъ гостинницы, наняла на Площади Побѣды фіакръ и поѣхала на улицу Кордельеровъ № 20, гдѣ жилъ Марать.

Лицо Шарлотты Кордэ не внушало недовѣрія; напротивъ, ея простой нарядъ провинціальной дѣвушки говорилъ скорѣе въ ея пользу. На ней было простое бѣлое платье, бѣлый кружевной чепецъ; ея щеки были румяны, голосъ увѣренный, ни малѣйшаго признака волненія.

Твердыми шагами прошла она мимо жены привратника, не обративъ никакого вниманія на ея окликъ, вступила въ пререканія съ недружелюбно отнесшейся къ ней Катериной Эвараръ, которая на услышанный ею шумъ на лѣстницѣ пріотворила дверь и старалась загородить ей дорогу. Эти пререканія были услышаны самимъ Маратомъ. Несмотря на то, что сидѣлъ въ ваннѣ, онъ повелительнымъ голосомъ приказалъ ее впустить.

Комната была мала и темна, Маратъ сидѣлъ въ ваннѣ, покрытый простыней, положивъ передъ собой доску, на которой писалъ, и можно было видѣть только его голову и правую руку. Волосы его были повязаны платкомъ. Худощавое костистое лицо и широкій ротъ, дѣлали его ужасно отвратительнымъ. Она сказала, что пришла сообщить ему извѣстія изъ Нормандіи; онъ сталъ разспрашивать ее, въ особенности, интересовался узнать имена бѣжавшихъ въ Канъ депутатовъ; она называла ихъ и онъ всѣхъ ихъ переписалъ. Когда списокъ быть готовъ, онъ добавилъ: „Прекрасно, всѣ они будутъ гильотинированы“. Эти слова предрѣшили его участь и придали силы Шарлоттѣ. Она быстро вытащила изъ-за корсажа ножъ и вонзила его прямо въ сердце Марата. Однако, онъ имѣлъ еще настолькоъ силы, чтобы вскрикнуть: „Ко мнѣ, дорогая моя подруга, ко мнѣ!“ Она ранила его смертельно, ножъ насквозь пронзилъ легкое и сердце и онъ всплылъ въ собственной крови. На его крикъ о помощи поспѣшно прибѣжали его секретарь Лоранъ Бассъ и горничная и схватили въ свои руки безжизненно склонявшуюся голову Марата.

Шарлотта Кордэ даже не пыталась бѣжать; она подошла къ окну, держась прямо, спокойно и неподвижно.

ассъ ударилъ Шарлотту Кордэ стуломъ и опрокинулъ ее, Катерина Эваръ топтала ее ногами.

Трупъ Марата вынули изъ ванны и понесли въ кровать, въ сосѣднюю комнату. Напрасно трудились врачи, чтобы остановить кровотеченіе и возвратить Марата къ жизни: онъ уже былъ мертвъ.

Тѣмъ временемъ Шарлотта Кордэ поднялась, опять приблизилась къ окну и спокойно въ него смотрѣла.

На улицѣ кричала собравшаяся уже толпа, выражая желаніе растерзать Шарлотту Кордэ, такъ какъ молва о происшествіи быстро распространилась.

— Бѣдные люди,—говорила она,—вы хотите моей смерти, но вы должны боготворить меня за то, что я

избавила васъ отъ этого изверга!—Толпа видѣла тиранію и освобожденіе воплощенными только въ одномъ человѣкѣ, и Шарлотта Кордэ раздѣляла это мнѣніе по своему. Тѣнь Марата заслоняла передъ ней всю республику.

Комиссія, состоявшая изъ депутатовъ Мора, Шабо, Друэ и Лежандра, которые были извѣщены полицейскимъ комиссаромъ о происшествіи, тотчасъ прибыла туда и немедленно же на мѣстѣ произвела допросъ. Когда депутаты спросили Шарлотту Кордэ о причинахъ, побудившихъ ее къ исполненію такого дѣла, она отвѣтила:

— Такъ какъ я видѣла, что во всей Франціи возгорается междоусобная война, и была убѣждена, что главный виновникъ этого бѣдствія Маратъ, то я предпочла принести въ жертву собственную жизнь для спасенія моего отечества.

Шабо и Друэ поѣхали съ ней въ военную тюрьму (въ Аббатствѣ). Но собравшаяся на улицѣ толпа была въ высшей степени раздражена тѣмъ, что у нея отняли ея добычу, и удвоила свой ревъ. Тогда Шарлотта упала въ обморокъ, такъ какъ ей казалось, что видитъ наступающимъ свой послѣдній часъ. Когда она очнулась отъ своего оцѣпененія, то была очень удивлена, что ей сохранили ея жизнь. Она была увѣрена, что толпа растерзаетъ ее.

Прибывъ въ военную тюрьму, она подверглась допросу Друэ и Шабо, который затянулся до полуночи. Подъ конецъ она сказала:

— Что касается меня, то я выполнила свою задачу; другіе сдѣлаютъ остальное.

Послѣ допроса, Шарлотта Кордэ была переведена изъ военной тюрьмы въ Консьержери. Еслибъ теперь жилище ея находилось даже внѣ міра, то для нея и тогда было-бы безразлично, въ какую тюрьму хотятъ ее оправить. Съ ангельскимъ спокойствіемъ выжидала

она теперь момента, долженствовавшего увѣнчать ея дѣло. Въ короткій промежутокъ между совершившимся и предстоящей ей смертной казнью ей уже никакого не было дѣла до того, какъ обращаются съ нею люди. Фукье-Тенвилль дважды напрасно пытался выслушать ее, но она уклонялась отъ всякихъ отвѣтовъ, такъ какъ рѣшила говорить только передъ судомъ. Она написала въ тюрьмѣ два прощальныхъ письма, одно къ отцу, другое къ Барбару. Вотъ первое письмо: „Простите меня, дорогой мой отецъ, что я своею жизнью распорядилась безъ вашего позволенія. Я отмстила за многія невинныя жертвы и предупредила многочисленныя бѣдствія. Народъ, у котораго скоро откроются глаза, обрадуется, увидѣвъ себя освобожденнымъ отъ своего тирана. Когда я внушала вамъ мысль, что отправляюсь въ Англію, то я надѣялась, что послѣ происшествія въ состояніи буду удержать свое инкогнито; но теперь я вижу, что это невозможно. Я надѣюсь, что васъ не будутъ беспокоить. Къ тому-же, я увѣрена, что вы найдетѣ въ Канѣ и защитниковъ“.

„Прощайте, дорогой мой отецъ; я прошу васъ забыть обо мнѣ, даже болѣе, не сокрушаться о выпавшемъ на мою долю жребіи. Вы знаете вашу дочь. Порочный поводъ никогда бы не заставилъ меня совершить такого проступка. Обнимаю мою сестру, которую люблю всею душою, какъ и всѣхъ моихъ родныхъ“.

„Не забывайте стиха Корнеля: „Постыдень не эшафотъ, а преступленіе“.

Содержаніе письма къ Барбару было слѣдующее: „Вы высказали желаніе узнавать объ отдѣльныхъ заключеніяхъ моей поѣздки, но я не буду рассказывать вамъ анекдотовъ. Повѣрите-ли вы мнѣ, Фошэ привлеченъ къ суду въ качествѣ моего соучастника, онъ, который не зналъ даже о моемъ существованіи! Меня допрашивали Шабо и Лежандръ. Шабо походилъ на сумасшедшаго. Лежандръ же утверждаетъ, что я была

у него утромъ, я, которая никогда и не думала объ этомъ человѣкѣ! Я не знаю за нимъ никакихъ достаточно крупныхъ талантовъ, чтобы представить его себѣ въ роли тирана страны, да я и не имѣла намѣренія наказывать весь міръ. Впрочемъ, они недовольны, кажется, тѣмъ, что приходится принести въ жертву останкамъ этого „великаго мужа“ лишь ничтожную женщину. Простите, мужчины! Это имя безчеститъ вашъ полъ: это былъ дикій звѣрь, жаждавшій уничтоженія уже разоренной Франціи, огнемъ междоусобной войны. Теперь пусть да будетъ миръ! Благодареніе небу, онъ не былъ французскимъ уроженцемъ. Я думаю, послѣднія слова Марата были напечатаны, но я сомнѣваюсь, чтобы всѣ они могли быть имъ произнесены. Но здѣсь я приведу дѣйствительно сказанныя имъ мнѣ послѣднія слова, послѣ того какъ онъ узналъ имена находившихся въ Эвре депутатовъ. Чтобы утѣшить меня, онъ сказалъ, что какъ васъ, такъ и находящихся въ Парижѣ депутатовъ онъ прикажетъ гильотинировать. И вотъ, эти-то послѣднія слова рѣшили его участь“.

„Въ Парижѣ не понимаютъ, какимъ образомъ постронная женщина, продолжительная жизнь которой не вела ни къ чему хорошему, могла хладнокровно жертвовать этой жизнью для спасенія отечества. Ахъ, если бы миръ могъ наступить такъ скоро, какъ я этого желаю. Теперь великій преступникъ устраненъ, безъ чего намъ никогда бы не пришлось достигнуть успокоенія. Я не сомнѣваюсь, что будутъ преслѣдовать моего отца, его, который и безъ того долженъ перенести немало огорченій изъ-за моей потери“.

„Я прошу васъ, гражданинъ, и вашихъ товарищей, взять подъ свою защиту моихъ родныхъ, если ихъ начнутъ беспокоить. Въ моей жизни я возненавидѣла только одно существо, и я показала, съ какимъ ожесточеніемъ разрослось во мнѣ это чувство; за то были тысячи другихъ, которыхъ я любила несравненно болѣе,

нежели ненавидѣла его. Я наслаждаюсь драгоцѣннымъ миромъ, уже два дня вселяющимъ въ меня радость о наступившемъ счастьи моего отечества“.

„Мое время я провожу въ сочиненіи стиховъ“.

„Пусть тѣ, кто могъ бы сожалѣть обо мнѣ, утѣшатся, когда узнаютъ, что меня ожидаетъ въ Елисейскихъ поляхъ въ обществѣ Брута и нѣсколькихъ другихъ героевъ древности; ибо современники не прельщаютъ меня, всѣ они столь мелкія души. Немного находится патріотовъ, готовыхъ умереть за отечество, всѣ они эгоистичны“.

„Ко мнѣ приставили двухъ жандармовъ, вѣроятно, затѣмъ, чтобы я не скучала; въ теченіе дня я нахожу это распоряженіе хорошимъ, но отнюдь не для ночи. Я уже жаловалась по поводу такого неприличія, но принять это къ свѣдѣнію не сочли нужнымъ. Мнѣ думается, что подобная охрана есть выдумка Шабо. Только капуцинамъ могутъ приходить въ голову такія мысли!“.

„Еслибы нѣкоторые друзья полюбостествовали содержаніемъ этого письма, то прошу васъ никому въ этомъ не отказывать. Я должна имѣть защитника, это, вѣдь, установлено и закономъ. Я избрала Густава Дусэ-де-Понтекулана. Мнѣ кажется, что онъ уклонится отъ этой чести, хотя ему и не представилось бы большого труда взять на себя это дѣло. Я думала также избрать Робеспьера. Я потребую также, чтобы мнѣ предоставлено было право распорядиться моими деньгами. Я предназначаю ихъ въ пользу женъ и дѣтей тѣхъ храбрыхъ жителей Кана, которые выступили оттуда для спасенія Парижа“.

„Я удивляюсь, что народъ, при переводѣ меня изъ военной тюрьмы въ Консьержери, держалъ себя довольно спокойно. Это служитъ лишь новѣйшимъ признакомъ его успокоенія“.

„Завтра утромъ, въ 8 часовъ, меня будутъ судить,

а въ полдень я уже доживу до разговора на языкѣ римлянъ“.

„Слѣдуетъ довѣриться мужеству обитателей Кальвадоса, такъ какъ тамошнія женщины способны быть твердыми. Впрочемъ, я не знаю, какъ пройдутъ послѣдніе моменты моей жизни, но конецъ вѣнчается дѣло. Я не нуждаюсь въ поддѣлкѣ нечувствительности къ моему жребію, такъ какъ до сихъ поръ не питаю ни малѣйшаго страха передъ смертью“.

„Я никогда не буду цѣнить жизнь иначе, какъ только по ея дѣйствительной полезности. Я надѣюсь, что дю-Перрэ и Фоше завтра будутъ освобождены. Утверждаютъ, что послѣдній приводилъ меня на галерею въ національное собраніе. Какъ могло придти ему въ голову вводить туда женщину? Какъ депутатъ, онъ не имѣлъ надобности ходить на галерею, а какъ епископъ, онъ не могъ даже водиться съ женщинами. Такимъ образомъ, онъ получилъ теперь надлежащій урокъ. Но дю-Перрэ ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя. Маратъ не появится въ Пантеонѣ, хотя онъ и очень заслужилъ этого. Я поручаю вамъ всѣмъ сочинить для него подобающую надгробную рѣчь и собрать для этого необходимые свѣдѣнія“.

„Я ничего не говорю другимъ друзьямъ моимъ; я требую лишь скорѣйшаго забвенія; ваша печаль оскорбитъ только память обо мнѣ“.

„Будьте счастливы, гражданинъ, я предаю себя памяти „друзей мира“. Заключение въ Консьержери, далекіе отъ того, чтобы порицать меня, кажется, даже сочувствуютъ мнѣ. Несчастье сближаетъ, и это является послѣднимъ почтеніемъ“.

Вотъ подробности допроса:

Вопросъ: „Правда ли, что вы проникли къ гражданину Марату, который въ то время находился въ ваннѣ, и что вы означеннаго Марата убили ножомъ, который мы вамъ здѣсь предъявляемъ?“

Отвѣтъ: „Да, я узнаю этотъ ножъ“.

Вопросъ: „Какое побужденіе заставило васъ привести въ исполненіе это убійство?“

Отвѣтъ: „Такъ какъ я видѣла возгоравшуюся во всей Франціи междоусобную войну и была убѣждена, что главнымъ виновникомъ этого бѣдствія является Маратъ, я рѣшила принести въ жертву мою жизнь, чтобы спасти мое отечество“.

Вопросъ: „Намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы вы однѣ рѣшили выполнить, руководствуясь собственнымъ побужденіемъ, этотъ достойный проклятія планъ. Назовите намъ лицъ, которыя склонили васъ на это дѣло, а также имена лицъ, съ которыми вы чаще всего сносились въ Канъ?“

Отвѣтъ: „Своего плана я не сообщала ни одному смертному. У меня давно уже имѣлся паспортъ для путешествій, который понадобился мнѣ только для поѣздки въ Парижъ. Когда я во вторникъ уѣзжала изъ Кана и покидала старую родственницу, у которой я жила, я говорила ей, что ѣду къ отцу. Очень немного людей ведетъ знакомство съ этой старой родственницей и никто изъ нихъ не былъ посвященъ въ мой замысел“.

Вопросъ: „Судя по вашему предыдущему отвѣту, слѣдуетъ принять, что вы покинули Канъ исключительно для того только, чтобы совершить это убійство?“

Отвѣтъ: „Признаю, что я имѣла въ виду только это намѣреніе и что не покидала бы Кана, если бы не чувствовала живѣйшей потребности исполнить его“.

Вопросъ: „Гдѣ вы приобрѣли этотъ ножъ, чтобы совершить убійство? Назовите лицъ, съ которыми вы видѣлись со времени вашего пребыванія въ Парижѣ? Что вы дѣлали здѣсь съ четверга, т.-е. со дня вашего пріѣзда?“

Отвѣтъ: „Я купила ножъ сегодня утромъ, въ 8 часовъ, въ Пале-Рояль. Я никого не знаю въ Парижѣ, гдѣ до сихъ поръ я никогда не бывала. Я пріѣхала въ

четвергъ около полудня и легла въ постель отдохнуть. Только въ пятницу утромъ я вышла и отправилась гулять на Площадь Побѣды и въ Пале-Рояль. Послѣ полудня я вовсе не выходила. Я кой-что писала, что вы и найдете у меня. Сегодня утромъ я вышла и около семи часовъ была въ Пале-Рояль. Купивъ ножъ, я наняла на Площади Побѣды фіакръ, чтобы ѣхать къ гражданину Марату, но не могла попасть къ нему. Тогда, возвратившись домой, я рѣшила послать ему по городской почтѣ письмо и подъ вымышленнымъ предлогомъ потребовала у него пріема для личныхъ переговоровъ. Около половины восьмого вечера, я опять взяла фіакръ и снова поѣхала къ Марату, чтобы получить отвѣтъ на мое письмо. Опасаясь новаго отказа, я заготовила другое письмо, находящееся въ моемъ портфелѣ. Я думала передать его гражданину Марату, но оно осталось безъ употребленія, такъ какъ Маратъ принялъ меня“.

Вопросъ: „Какимъ же образомъ, въ этотъ второй разъ, вамъ удалось пробраться къ гражданину Марату и въ какое именно время вы совершили преступленіе?“

Отвѣтъ: „Женщины открыли мнѣ двери, но не допускали меня къ Марату; а такъ какъ до его слуха достигли мои настойчивыя требованія, то онъ самъ приказалъ, чтобы меня впустили. Онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, разспрашивалъ о проживающихъ въ Канъ депутатахъ, требовалъ перечисленія ихъ, равно какъ и служащихъ въ муниципалитетѣ, по имени. Я ихъ назвала ему, и когда Маратъ сказалъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени всѣхъ ихъ подвергнетъ гильотинированію, я тотчасъ же вытащила изъ-за пазухи ножъ и вонзила его въ Марата, сидѣвшаго въ ваннѣ, и смертельно его ранила“.

Вопросъ: „Вы не пытались бѣжать послѣ совершенія этого преступленія?“

Ответъ: „Я бы убѣждала, если бы мнѣ не загородили дорогу“.

Вопросъ: „Есть основаніе думать, что вы хотите ввести насъ въ заблужденіе, утверждая, что никто не былъ посвященъ въ задуманное вами намѣреніе, принимая также во вниманіе массу наличныхъ денегъ, какими вы располагаете, въ особенности, много для дѣвушки вашего возраста“.

Ответъ: „Эти деньги составляютъ мою собственность, и я взяла ихъ, такъ какъ ни отъ кого не хотѣла ничего требовать“.

Вопросъ: „Вы дѣвица?“

Ответъ: „Да“.

Вопросъ: „Были ли вы сегодня въ Сентъ-Пелажи или въ какой-либо другой тюрьмѣ этого города?“

Ответъ: „Нѣтъ. Я даже не знаю, гдѣ находятся эти тюрьмы“.

Наконецъ, наступилъ ужасный день 17 іюля 1793 года, въ который Шарлотта Кордэ должна была выступить передъ революціоннымъ трибуналомъ.

Какъ только она была введена, ей предложили занять мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ и стали задавать обычные вопросы. Такъ какъ избранный ею защитникъ не явился, то предсѣдатель объявилъ подсудимой, что судъ самъ назначаетъ случайно находившагося тамъ Шово-Лагарда ея защитникомъ. Онъ приблизился къ ней. Она его не знала и осмотрѣла озабоченнымъ взглядомъ, какъ будто опасаясь, что онъ предприметъ защиту, которую она вынуждена будетъ тутъ же опровергнуть. Тотчасъ же начался разборъ дѣла. Первымъ свидѣтелемъ выступила Катерина Эварь. Она вполне добросовѣстно рассказала объ обѣихъ попыткахъ Шарлотты Кордэ проникнуть къ Марату; когда она хотѣла изобразить подробности покушенія, Шарлотта перебила ее такими словами: „Для чего же это; вѣдь я убила его“. Предсѣдатель спросилъ: „Кто под-

говорила васъ совершить это убійство?“ „Его преступность“, отвѣтила обвиняемая. „Что понимаете вы подъ словами „его преступность“, спросилъ онъ далѣе... „Зло, въ которомъ онъ виновенъ со времени революціи“.

Вопросъ: „Кто тѣ, которые убѣдили васъ совершить это убійство?“

Ответъ: „Никто; я сама прониклась этимъ замысломъ“.

Была прочитана газета, въ которой описывалось покушеніе. Шарлотта Кордэ подтвердила, что всѣ обстоятельства описаны вполне точно.

Показанія кухарки и привратницы Марата также признаны были ею правильными. На вопросъ, съ кѣмъ она имѣла сношенія въ Канѣ, она назвала нѣсколько отдѣльныхъ лицъ. Но такъ какъ всѣ они были незначительны, то слѣдственный судья неоднократно возвращался къ вопросу, не была ли она въ частыхъ сношеніяхъ съ бѣжавшими депутатами. Она отвѣчала на вопросы отрицательно и рассказала о своемъ лишь весьма поверхностномъ знакомствѣ и о ничего незначившихъ встрѣчахъ съ ними. На вопросъ, у какого духовника она исповѣдывалась, она отвѣтила, что вообще еще ни разу не была на исповѣди.

„Вы, конечно, узнали изъ газетъ, что Маратъ былъ анархистомъ“, продолжая допросъ, говорилъ слѣдственный судья. „Да, я знала, что онъ ведетъ Францію къ гибели“, отвѣчала Шарлотта Кордэ, и говорила далѣе: „я убила одного человѣка, чтобы спасти сотни тысячъ людей. Впрочемъ, я была республиканкой задолго до революціи и никогда во мнѣ не было недостатка въ силѣ воли“.

Вопросъ: „Что вы подразумѣваете подъ словами „сила воли?“

Ответъ: „Силу тѣхъ, кто пренебрегаетъ личной судьбой и умѣетъ жертвовать собою для отечества“.

Вопросъ: „Упражнялись ли вы для того, чтобы получить возможность такъ мѣтко попасть въ цѣль?“

Ответъ: „О, чудовище! онъ считаетъ меня обыкновеннымъ убійцей!“

Предсѣдатель: „Между тѣмъ, свѣдущими людьми установлено, что вы бы не убили его, еслибы ударъ пришелся не въ ширину, а въ длину“.

Шарлотта Кордэ: „Ударъ я направила именно такъ, какъ онъ пришелся; это простая случайность. Возмущеніе, наполнявшее мое сердце, вѣроятно, указало мнѣ дорогу“.

Вопросъ: „Передъ тѣмъ вы никогда не были въ Парижѣ?“

Ответъ: „Нѣтъ“.

Вопросъ: „Со дня вашего пріѣзда получали ли вы изъ Кана письма или какія нибудь туда посылали?“

Ответъ: „Нѣтъ“.

Появляется депутатъ Клодъ Фоше, бывший епископъ. Онъ не знаетъ вовсе обвиняемой, никогда ее не видѣлъ, а потому и никогда не могъ бы сопровождать ее на галерею Конвента.

Шарлотта Кордэ: „Я знаю Фоше только по слухамъ, смотрю на него, какъ на человѣка безъ убѣжденій и безнравственнаго, котораго я презираю“.

Затѣмъ былъ допрошенъ депутатъ дю-Перрэ. Шарлотта Кордэ совершенно отрицаетъ его вину. Это дало поводъ слѣдственному судѣ спросить дю-Перрэ, какое онъ составилъ себѣ мнѣніе о Шарлоттѣ Кордэ послѣ разговора съ нею. „Я замѣтилъ“, сказалъ дю-Перрэ, „въ ея рѣчахъ выраженія только хорошей гражданки. Она сообщила мнѣ много хорошаго о томъ, что дѣлаютъ депутаты въ Канѣ и совѣтовала мнѣ слѣдовать туда за ними“.

Вопросъ: „Почему вы считали женщину хорошей, которая совѣтовала вамъ отправиться въ Канъ?“

Ответъ: „Я объяснилъ себѣ это просто дѣломъ взгляда“.

Когда обвиняемой предъявили окровавленный ножъ, она отвернулась и на лицѣ ея изобразилось ощущеніе ужаса; она сдѣлала движеніе рукою, какъ бы желая освободиться отъ него, и упавшимъ голосомъ произнесла: „Да, это именно тотъ самый ножъ, который послужилъ мнѣ для убійства Марата“.

Были прочитаны оба письма, которыя она писала въ тюрьмѣ. Письмо къ Барбару было выслушано ею спокойно, она даже улыбалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности, гдѣ говорилось о капуцинѣ Шабо. Но глаза ея наполнились слезами и едва не сдѣлалось съ нею дурно, когда читали письмо къ ея отцу. Затѣмъ лицо ея приняло обычное ясное выраженіе и она сообщила революціонному трибуналу, что комитетъ общественнаго спасенія обѣщалъ ей непремѣнно отправить письмо къ Барбару, чтобы онъ могъ познакомиться съ его содержаніемъ своихъ друзей. Относительно второго письма, она заявила, что надѣется на человѣчность трибунала, который непремѣнно озаботится тѣмъ, чтобы оно дошло до ея отца.

Предсѣдатель въ немногихъ словахъ резюмировалъ все дѣло. Официальный обвинитель произнесъ свою обвинительную рѣчь и требовалъ смертной казни.

Онъ говорилъ о невознаградивой уtratѣ, которую понесла Франція, и когда дошелъ до восхваленія Марата, Шарлотта Кордэ перебила его слѣдующими словами: „Вашъ Маратъ былъ чудовище!“

Затѣмъ слово предоставлено было ея защитнику. Мы приведемъ здѣсь только позднѣйшее описаніе самого Шово-Лагарда того впечатлѣнія, которое онъ произвелъ своею рѣчью на слушателей: „Лишь только я всталъ, какъ послышался какой-то глухой и неясный ропотъ, какъ бы вслѣдствіе внезапнаго испуга, но затѣмъ тотчасъ-же наступило гробовое молчаніе, которое въ состояніи было оцѣпить не одно чувствительное сердце. Въ то время какъ говорилъ обвинитель, мнѣ сказали

присяжные, чтобы я молчалъ; но предсѣдатель требовалъ, чтобы я ограничился утвержденіемъ, что обвиняемая сумасшедшая. Всѣ они хотѣли, чтобы я унижилъ ее. Что касается ея самой, то лицо ея не мѣняло своего выраженія, и она посмотрѣла на меня только такъ, какъ будто хотѣла сказать, что вовсе не хочетъ быть оправданной“.

„Впрочемъ, послѣ допроса я уже не могъ сомнѣваться въ томъ, что было очевидно; независимо отъ ея собственнаго признанія, само слѣдствіе представило ясныя доказательства, что она впередъ обдумала убійство. Тѣмъ не менѣе, рѣшаясь приступить къ выполнению своей обязанности, я не хотѣлъ сказать ничего такого, что могли бы отвергнуть моя совѣсть и сама подсудимая. Вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль ограничиться только простымъ обозрѣніемъ обстоятельствъ, которое могло бы имѣть основаніе для всякой защиты въ національномъ или законодательномъ собраніи, и я сказалъ: „Подсудимая хладнокровно сознается въ существовавшемъ у ней замыслѣ, однимъ словомъ, она сознается во всемъ и даже не ищетъ повода къ оправданію. Вотъ, присяжные засѣдатели и сограждане, и вся ея защита. Это невозмутимое спокойствіе, это самоотреченіе, которыя даже передъ лицомъ смерти не ощущаютъ какого-либо раскаянія, такія спокойствіе и самоотреченіе, допускаемыя въ извѣстномъ состояніи, не существуютъ въ природѣ. Они могутъ проявиться только въ состояніи сильнаго политическаго увлеченія, которое и всучило въ ея руки кинжалъ. Вамъ, присяжные, надлежитъ обсудить, какое значеніе можетъ имѣть такое состояніе на вѣсахъ правосудія“. Шарлотта Кордэ казалась совершенно удовлетворенною такою защитой“.

Присяжные засѣдатели осудили ее единогласно. Предсѣдатель провозгласилъ ея смертный приговоръ слѣдующими словами: „На основаніи единогласнаго рѣ-

шенія присяжныхъ засѣдателей, во-первыхъ, вполне удостовѣрено, что Жанъ Поль Маратъ, депутатъ національнаго Конвента, 13 текущаго іюля мѣсяца, между 6 и 7 часами вечера, былъ пораженъ ударомъ ножа, вонзеннаго въ грудь, въ то время какъ онъ сидѣлъ въ ваннѣ, вслѣдствіе какового удара онъ немедленно скончался; во-вторыхъ, что виновницей этого убійства является Марія Анна Шарлотта Кордэ; въ-третьихъ, что дѣйствіе это она совершила съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и изъ преступнаго противореволюціоннаго побужденія, — присуждается Марія Анна Шарлотта Кордэ къ смертной казни. Надлежитъ сдѣлать распоряженіе, чтобы она, одѣтая въ красную рубашку, была отведена на мѣсто исполненія приговора, что ея имущество поступаетъ въ собственность республики и чтобы настоящій приговоръ, по предложенію оффиціального обвинителя, былъ приведенъ въ исполненіе на Площади Революціи“.

Взоры присутствовавшихъ были направлены на нее, въ ожиданіи, не оставитъ ли ее то непоколебимое спокойствіе, въ которомъ она пребывала во все время судебного разбирательства, передъ вѣрной и неизбѣжной смертною казнью. Но, ожиданіе оказалось напраснымъ; гордая республиканка осталась нечувствительной. Ея черты не выказывали ни малѣйшаго волненія; она не была потрясена ни ужаснымъ приговоромъ, назначившимъ ей эшафотъ, ни той леденящей тишиной, которая ее окружала, ни торжествомъ обстановки, которая сопровождала эти кровавыя рѣшенія суда. Глубокое спокойствіе отражалось на ея челѣ въ такіе моменты, когда самая непоколебимая бодрость невольно подчиняется природному движенію.

Предсѣдатель спросилъ ее затѣмъ, не имѣетъ ли она что либо замѣтить по поводу примѣненія закона. Ея единственнымъ отвѣтомъ было обращеніе къ жандармамъ просьбы подвести ее къ ея защитнику, къ

которому она, съ большой граціей и любезностью, обратилась со слѣдующими словами: „Милостивый государь, благодарю васъ за мужество, съ которымъ вы меня защищали, единственнымъ, достойнымъ васъ и меня, способомъ. Эти господа конфискують мое имущество; но я бы желала представить вамъ наивысшее доказательство моей къ вамъ благодарности тѣмъ, что рѣшаюсь просить именно васъ заплатить за меня то, что я осталась должна въ тюрьмѣ. Я рассчитываю на ваше великодушіе“.

Долгъ ея составлялъ 36 франковъ, которые Шово-Лагардь и уплатилъ тюремному смотрителю на слѣдующій же день.

По окончаніи судебного засѣданія, Шарлотта Кордэ была тотчасъ-же отведена обратно въ Консьержери, изъ котораго она уже вышла только для того, чтобы вступить на эшафотъ. Она все время оставалась спокойной и бодрой. Это продолжалось недолго, такъ какъ вскорѣ пришелъ палачъ въ ея камеру, чтобы сопроводить ее на мѣсто казни. Когда онъ связалъ руки Шарлотты Кордэ и отрѣзалъ ей волосы, она сказала: „Вотъ туалетъ, къ которому я еще не привыкла“.

Въ моментъ, когда она взбиралась на роковыя дроги, надъ Парижемъ пронесся страшный ураганъ, заглушившій ревъ и крикъ толпы, послѣдовавшей за нею къ мѣсту казни. Ничто не могло заставить непоколебимую душу потерять самообладаніе. Ея спокойные и кроткіе взгляды блуждали по толпѣ. Она высоко держала голову, но безъ гордости; она имѣла свободный, непринужденный видъ, но безъ пренебреженія; ея черты были оживлены и выразительны. Красная блуза, которая отвратительно выглядывала на ней, казалось, еще сильнѣе выдѣляла ея природный румянецъ. На всемъ пути, отъ Консьержери до Площади Революціи, ее ни на минуту не покидало геройское спокойствіе. Кровь бросилась ей въ лицо при взглядѣ на эшафотъ. Она

такъ скоро взбѣжала на него, какъ только позволяли ей это ея связанныя назадъ руки. Спокойно легла она на роковую доску. Водворилась глубокая тишина и ужасный топоръ опустился...

Презрѣнный палачъ, по имени Легро, оказался такимъ подлецомъ, что уже отрубленной и приподнятой имъ кверху головѣ Шарлотты далъ пощечину. Но такое издѣвательство палача возбудило въ толпѣ взрывъ страшнаго негодованія.

Казненная Шарлотта Кордэ приобрѣла себѣ поклонниковъ. Еще въ то время, когда ее препровождали въ тюрьму, туда быстро вошелъ молодой человѣкъ и настойчиво упрасивалъ посадить его въ тюрьму вмѣсто нея и подвергнуть его казни. Этотъ молодой человѣкъ, нѣкто Адамъ Люксъ, не постыдился публично изложить свое очарованіе въ изданной имъ брошюрѣ.

Онъ описывалъ, какъ она покинула свою тихую родину, какъ она никому не открылась и какою, не имѣя ни поддержки, ни совѣта, ни утѣшенія, она оказалась рѣшительной. Пренебрегая личнымъ существованіемъ, она шла на спасеніе тысячъ другихъ жизней. Только одна эта мысль придаетъ ей силу и твердость, которая не покидаютъ ее. Письмо ея къ Барбару вдохновляетъ автора брошюры и очаровываетъ полною неожиданностью своего содержанія. „Это письмо подѣйствуетъ на умы и создастъ героев“, писалъ онъ. „Шарлотта Кордэ, величественная дѣвушка, несравненное существо! чего только ни перечувствовалъ я при видѣ, когда тебя везли на мѣсто казни! тебя, такую красавицу, такую нѣжную! какъ любовался я твоею непоколебимою кротостью среди варварскихъ криковъ толпы! этотъ божественный, пропитательный взглядъ! Эти живыя, огненные искры, которые вылетали изъ твоихъ чудныхъ глазъ, откуда смотрѣла столь же нѣжная, сколь и безстрашная душа. Чарующіе глаза: камни должны были смягчаться отъ вашего взора! Ангельское выраженіе, проникшее вглубь

моего сердца, испытывавшее живое неизвѣданное мною доселѣ вдохновеніе, сладость котораго успокаиваетъ горечь страданій и ощущеніе котораго прекратится лишь съ моимъ послѣднимъ вздохомъ!“

Несчастный требовалъ для себя гильотины какъ алтаря, освященнаго кровью прелестной героини. Онъ изступленно домогался того, чтобы его кровь была пролита на немъ и слилась съ ея кровью: „Покройте и меня позоромъ, какъ ее, насытитесь вторично такимъ варварскимъ зрѣлищемъ. О, парижане! неужели въ границахъ вашихъ стѣнъ, мѣстѣ совершенія благородныхъ поступковъ встарину, могутъ твориться такія ужасныя дѣянія? Прости, о, Шарлотта, если мнѣ не удастся въ послѣдній моментъ моей жизни выказать мужество и кротость, подобныя твоимъ! Я въ восхищеніи отъ твоего превосходства, такъ какъ развѣ это не бесспорно, что существо обожаемое превосходитъ существо обожающее?“ Онъ былъ до такой степени обрадованъ, когда арестовали его, что могъ произнести только слова: „Я умру за нее“.

И дѣйствительно, онъ вскорѣ подвергся одинаковой же участи. Его послѣднимъ блаженствомъ было то, что тотъ же самый топоръ коснулся его шеи, который касался красивой шеи его возлюбленной героини. Вѣдь, на этой единственной мысли сосредоточились всѣ его силы, всѣ его природныя дарованія. Болѣе продолжительная жизнь съ момента ея смерти казалась ему уже невыносимой *).

Всѣ довольно многочисленныя біографы Шарлотты Кордэ приходятъ къ заключенію, что описаніе ея жизни и болѣе или менѣе ясная характеристика ея личности

*) Молодой человѣкъ, очарованный этой героиней, былъ депутатъ изъ города Майнца, Адамъ Люксъ. На судѣ онъ внимательно слѣдилъ за отвѣтами Шарлотты Кордэ и до такой степени былъ пораженъ ими, что образъ ея уже не покидалъ его ни на минуту.

представляетъ немало затрудненій. О ней сохранилось очень мало историческихъ данныхъ, представляющихъ собой скорѣе лишь матеріалъ для умозаключеній, нежели дающихъ готовую характеристику этой подвижницы. Она такъ же быстро сошла со сцены общественной жизни, какъ и появилась на ней.

По совершеніи казни, Шарлотту Кордэ похоронили на кладбищѣ Мадленъ, а въ 1815 году останки ея были перенесены на кладбище Монпарнасъ. Лѣтъ тридцать спустя, одинъ изъ изслѣдователей эпохи французской революціи, особенно заинтересованный выясненіемъ мужественнаго поступка неразгаданной Шарлотты Кордэ, отправился въ Канъ, мѣсто ея родины, чтобы тамъ собрать о ней свѣдѣнія, тѣмъ болѣе разсчитывавшій на успѣхъ своихъ изысканій, что руководился прочитанной въ одной изъ газетъ того времени („Chronique de Paris“) замѣткой, въ которой говорилось, что нѣсколько изступленныхъ добровольцевъ, изъ развращенной терроромъ толпы, намѣревались отправиться на ея родину съ цѣлью „разрушить ея домъ, посыпать почву солью, и на пустомъ мѣстѣ вбить столбъ съ надписью: здѣсь былъ домъ Шарлотты Кордэ“. Однако, за исключеніемъ знавшаго ее престарѣлаго кюрэ (священника), память о ней у ея земляковъ угасла и самое имя ея было предано полному забвенію. Напрасно искалъ онъ домъ, или мѣсто, на которомъ онъ находился, гдѣ жила Шарлотта; никто не могъ ему въ этомъ помочь.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что политическій кругозоръ Шарлотты Кордэ развился очень рано, хотя повидимому, направленіе онъ получилъ весьма одно-стороннее. Пораженная неслыханнымъ проявленіемъ злобы и гоненіемъ противъ несчастныхъ жирондистовъ, всегда отзывчивая къ человѣческимъ страданіямъ, она воодушевилась желаніемъ отомстить гонителямъ, рѣшивъ пожертвовать собой, чтобы уничтожить тираннію. Но, какъ это и всегда бываетъ, тираннія держалась не

однимъ человѣкомъ, а цѣлой партіей и, вообще, насильственнымъ состояніемъ республики. Шарлотта Кордэ, исполнивъ свой великодушный, но бесполезный, замыселъ, умерла съ невозмутимымъ спокойствіемъ, скромнымъ мужествомъ и увѣренностью, что хорошо поступила. Но, умерщвленный Маратъ сдѣлался для обольщенной массы еще большимъ предметомъ поклоненія и восхищенія, нежели былъ при жизни. Его имя призывали на площадяхъ, его бюстъ былъ поставленъ во всѣхъ народныхъ обществахъ, и Конвентъ принужденъ былъ воздать ему почести погребенія въ Пантеонѣ.

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя любопытныя оцѣнки поступка Шарлотты Кордэ изъ „Очерковъ изъ исторіи великой французской революціи“ Н. Мировича.

Такъ, говоритъ Н. Мировичъ, въ газетѣ „Le Dix D'écembre“ читаемъ: „Душѣ ея недостаетъ страсти, какъ поступку ея недостаетъ величія. Осмѣлюсь ли высказать всю мою мысль? Поэтъ жирондистовъ сравниваетъ Шарлотту Кордэ съ Жанной д'Аркъ. Геройство одной, какъ преступленіе другой, на мой взглядъ, имѣетъ вполне естественную причину. Но, кто признаетъ ее въ нашъ глупоспиритуалистическій вѣкъ?“ И далѣе авторъ указываетъ на безбрачіе, какъ на причину ненормальнаго состоянія, вызвавшего ненормальные поступки.

„Le National“ пишетъ: „Главный недостатокъ пьесы: стремясь сохранить историческую достовѣрность, которой любовь не особенно бы повредила, поэтъ принесъ въ жертву самый могущественный трагическій элементъ,—двигатель, который съ незапамятныхъ временъ оправдываетъ самыя крайнія, отчаянныя рѣшенія. Если бы Шарлотта дѣйствительно любила Барбару, если бы цѣль ея состояла въ томъ, чтобы спасти его, заколовъ врага своего любовника,—интересъ удвоился бы. Въмѣсто того, она старается закрыть свое сердце для любви. Она отрицаетъ ее, поэтому въ драмѣ

такъ же, какъ въ исторіи, мотивы, побудившіе ее къ убійству Марата, остаются неясными“.

Вотъ какъ современная газета, робкая и боязливая, какъ почти всѣ органы печати въ эпоху тиранніи, описываетъ казнь Шарлотты Кордэ: „Шарлотта Кордэ, отдавшая всѣми дарами природы, подверглась участи преступниковъ. Ея хладнокровіе въ послѣднія минуты, быть-можетъ, еще болѣе чѣмъ ея преступленіе, увѣковѣчитъ ея имя въ потомствѣ. Она сама положила голову подъ плаху. Кругомъ царило глубокое молчаніе. Палачъ, поднявъ отрубленную голову и показывая ее народу, ударилъ ее рукой. Въ отвѣтъ раздался почти единогласный ропотъ толпы: „Законъ наказуетъ, но не мститъ!“ Затѣмъ раздались крики: „Да здравствуетъ нація, да здравствуетъ республика!“ И всѣ разошлись подъ впечатлѣніемъ страшнаго преступленія Шарлотты Кордэ, а также ея мужества и красоты“.

Сознаніе напрасно принесенной жертвы встрѣчается и у современниковъ Шарлотты Кордэ, какъ разъ у тѣхъ, кого она мечтала спасти. Узнавъ объ ея смерти, Верньо воскликнулъ въ своей тюрьмѣ: „Она насъ убиваетъ, но въ то же время показываетъ намъ, какъ надо умирать!“

Мадамъ Роланъ, въ своихъ мемуарахъ, говоритъ: „Женщина изумительная, сообразовавшаяся лишь съ своимъ мужествомъ, казнила апостола убійства и грабежа: она заслуживаетъ восхищенія всего міра. Но, не зная положенія вещей, она плохо выбрала время и жертву... Смерть Марата лишь сослужила службу его послѣдователямъ; они превратили своего названнаго пророка въ мученика“.

Итакъ, представители жиронды первые осудили геройскій подвигъ этой женщины. Но, осудивъ его съ политической точки зрѣнія, они оцѣнили руководившіе имъ мотивы. Ни одинъ не заподозрѣлъ ихъ чистоту и безкорыстіе; ни одинъ не придалъ ея поступку личной окраски, связавъ убійство Марата съ романическими

побужденіями, — местию изъ-за любви къ одной изъ жертвъ Марата: ни одинъ не хотѣлъ допустить, чтобы тѣнь пошлости легла на строго цѣломудренныя, благородныя черты Шарлотты Кордэ. Это бережное отношеніе къ ея посмертной доброй славѣ особенно ярко выразилось, когда имя ея стало достояніемъ литературы. Поэты, беллетристы, историки, — всѣ, со смѣшаннымъ чувствомъ любопытства, удивленія и восторга, останавливали на ней болѣе или менѣе внимательный взоръ; особенно влекло къ ней драматурговъ. Даже Шиллеръ одно время серьезно замышлялъ писать о ней драму.

Вскорѣ послѣ казни Шарлотты Кордэ, Салль, имя котораго въ числѣ первыхъ стояло въ роковомъ списокѣ жертвъ, рѣшившемъ участь Марата, первый задумалъ увѣковѣчить ее въ драматическомъ произведеніи. Онъ писалъ свое произведеніе при ужасной обстановкѣ въ то время, когда принужденъ былъ скрываться въ окрестностяхъ Сентъ-Эмильона *); но, всѣ товарищи Салля съ глубокимъ вниманіемъ отнеслись къ его замыслу и обсуждали его въ своемъ заточеніи такъ же свободно и всесторонне, какъ если бы они собрались въ салонѣ мадамъ Роланъ, ревниво оберегая при этомъ свое представленіе о Шарлоттѣ Кордэ. Такъ, напр., Бюзо говорилъ: „Не надо умножать числа дѣйствующихъ лицъ. Интересъ раздѣлился бы; а въ пьесѣ ничего не должно быть великаго и прекраснаго, кромѣ самой Шарлотты Кордэ. Особенно, не надо любви въ такомъ произведеніи. Любовь мелка, она отняла бы часть его красоть; неумѣстность ея бросается въ глаза“.

Все это свидѣтельствуешь, какъ тонко поняли и оцѣнили Шарлотту Кордэ лучшіе представители жиронды. И это весьма понятно: при общности нравственныхъ стремленій, они были созданы, чтобы понять другъ друга.

Н. Б.

*) См. біографію „Мадамъ Букэ“.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",
впервые издана в 1900 году,
здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года
<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого
Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клавей и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро
Теруань де Мерикур
Шарлотта Корде
Мадам Ролан
Люсиль Демулен
Олимпия де Гуж
Роза Лакомб
Мадам Букэ
Мадам Тальен
Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

В этом файле - глава о мадам Ролан.

Другие части книги моно скачать в нашей библиотеке.

Мадамъ Роланъ.

Въ тюрьмѣ Сентъ-Пелажи, 9 августа 1793 года.

„Дочь художника, жена ученаго, сдѣлавшагося министромъ и остававшагося честнымъ и достойнымъ уваженія челоувѣкомъ, нынѣ арестантка, быть можетъ, обреченная уже на насильственную смерть, я научилась познавать счастье и скорбь, я была близка къ славлѣ и претерпѣла несправедливости“.

„Получивъ жизнь отъ честныхъ, хотя и низшаго сословія, родителей, я провела свою юность среди изящныхъ искусствъ, очарованная науками, не вѣдая иного преимущества, кромѣ достоинствъ, никакого другого величія, кромѣ добродѣтели“.

„Въ возрастѣ, когда рѣшаютъ вопросъ о бракѣ, я потеряла виды на богатство, которое могла бы мнѣ доставить соотвѣтствующая моему воспитанію партія. Союзъ съ почтеннымъ челоувѣкомъ, казалось, вознаградилъ меня за этотъ ударъ судьбы, но онъ же готовилъ мнѣ новые удары“.

„Кроткій характеръ, сила воли, здравый умъ, весьма нѣжное сердце, внѣшность, все то, что отличало меня. дѣлало меня любимой тѣми, кто меня зналъ. Положеніе же, которое я занимала, принесло мнѣ много враговъ, я же лично никого не имѣла; тѣ изъ нихъ, кто дурно говорить обо мнѣ, никогда меня не видѣлъ“.

„Правда, что вещи рѣдко бываютъ такими въ дѣйствительности, какими онѣ кажутся; что отдѣльные періоды моей жизни, въ которые я познала величайшія

радости или испытала наивысшее горе, по своему существу совершенно противоположны составлявшимся о них сужденіямъ, такъ какъ счастье болѣе зависитъ отъ чувствъ, нежели отъ обстоятельствъ“.

„Я хочу воспользоваться досугомъ моего заключенія, чтобы вызвать въ своей памяти все, что касается меня, начиная съ моего нѣжнаго дѣтства и до настоящаго времени. Прослѣдивъ, такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, всѣ событія своего жизненнаго пути, я буду, что называется, переживать вторично. И что можно сдѣлать лучшаго въ тюрьмѣ, какъ только какъ-нибудь иначе представлять себѣ свое существованіе, предаваясь счастливому обольщенію или интереснымъ воспоминаніямъ? Если опытъ вообще пріобрѣтается болѣе самими поступками, нежели размысленіемъ о томъ, что видятъ и что дѣлаютъ, то мой опытъ можетъ значительно расшириться посредствомъ затѣи, которую я теперь предпринимаю“.

„Текуція событія и мои собственные ощущенія, со времени моего двухмѣсячнаго ареста, помогли мнѣ обдумать и записать много матерьяла, безъ необходимости распространяться о болѣе отдаленныхъ временахъ. Первые пять недѣль были посвящены историческимъ замѣткамъ, сопоставленіе которыхъ могло быть весьма цѣннымъ, но именно онѣ-то и были уничтожены *)“.

„Я испытала всю горечь этой утраты, восстановить которую такъ хорошо я уже не могу; но мнѣ было бы досадно, еслибъ я допустила себя до отчаянія, какъ это часто случается. Во всѣхъ перенесенныхъ мною мученіяхъ, живѣйшее впечатлѣніе горя почти всегда сопровождалось во мнѣ стремленіемъ противопоставить тому страданію, предметомъ котораго я была, мои силы и преодолѣть его или посредствомъ рѣшенія дѣлать

добро другимъ, или посредствомъ укрѣпленія собственнаго духа. При такихъ обстоятельствахъ можетъ продолжаться меня несчастье, но оно не заставитъ меня придти въ отчаяніе. Тираны могутъ пытаться меня, но унижить—никогда! Мои замѣтки погибли, такъ я издамъ мои мемуары, и въ то время какъ я, съ сознаниемъ моей собственной слабости, примѣняюсь къ болѣзненно удручающему меня моменту, я займусь сама собою, чтобы легче отъ этого избавиться. Я буду изображать свои хорошія и дурныя стороны съ одинаковой откровенностью. Тотъ, кто не отваживается писать о себѣ хорошее, почти всегда трусъ, сознающій свои дурныя стороны и опасующійся того, что могутъ говорить о его личности. А тотъ, кто колеблется признать свои недостатки и не имѣетъ силы защищать себя, тотъ не въ состояніи отъ нихъ и освободиться. Я же буду говорить о другихъ съ тою же откровенностью, какъ и о самой себѣ. Отца, мать, друзей, мужа, всѣхъ я изображаю такими, какіе они суть на самомъ дѣлѣ, или какими они мнѣ казались“.

„Пока я пребывала въ состояніи покоя, уединенія, до тѣхъ поръ моя естественная чувствительность скрывала всѣ другія мои свойства, такимъ образомъ, что только она одна и замѣчалась или надъ всѣми другими преобладала. Первою моею потребностью было нравиться и дѣлать добро. Я походила немного на добродушнаго Курвиля, о которомъ мадамъ Севиньи говоритъ, что его любовь къ ближнимъ, когда онъ высказывался объ этомъ, заставляла его глотать половину словъ. И я постараюсь заслужить то, что говорилъ обо мнѣ Сентъ-Леттъ: „что я, при всей своей способности, заострять наитончайшія эпиграммы, ни одной не дала возможности сорваться съ моихъ устъ“.

„Съ тѣхъ поръ, какъ обстоятельства, политическія и инныя превратности, развили дѣятельную силу моего характера, я стала прежде всего откровенна, и не об-

*) Это ошибка. Одинъ отрывокъ былъ спасенъ и приведенъ въ началѣ I тома ея записокъ.

рашаю никакого вниманія на мелочныя придирки, считая ихъ мимолетными. Я не пишу болѣе эпиграммъ, такъ какъ онѣ допускаютъ удовольствіе предполагать, что критика оскорбляетъ, да я и не согласна бесѣдовать съ мертвыми о пустякахъ. Но я люблю усиливать значеніе истины; кому слѣдуетъ, я говорю ужасныя вещи прямо въ лицо, безъ страха, безъ раздраженія, даже безъ гнѣва, какое бы впечатлѣніе онѣ на него ни производили *)“.

Приведенныя строки составляютъ предисловіе къ третьему тому „Мемуаровъ“, которыми мадамъ Роланъ оставила по себѣ столь неувядаемый памятникъ.

Отецъ мадамъ Роланъ, по имени Гатъенъ Флипонъ, былъ граверомъ по профессіи и вмѣстѣ съ тѣмъ живописцемъ. Онъ хотѣлъ даже совсѣмъ посвятить себя живописи эмалевыми красками, не столько по призванію, сколько изъ любви къ самой работѣ. Но слабость зрѣнія принудила его отказаться отъ этого, и онъ ограничился только занятіемъ гравировкой на мѣди. Хотя онъ былъ весьма трудолюбивъ, къ тому же и мода какъ разъ въ это время выдвигала этотъ родъ искусства, такъ что онъ могъ давать работу большому числу мастеровъ, въ немъ проявилось сильное желаніе къ торговлѣ, съ цѣлью разбогатѣть. Онъ скупалъ драгоценности, брилліанты, или обмѣнивалъ таковыя на произведенія собственнаго труда, чтобы, при благопріятномъ случаѣ, перепродавать ихъ. Это стремленіе, извлекать изъ несвойственныхъ себѣ дѣлъ выгоды, мно-

*) Прочитавъ „Мемуары“ мадамъ Роланъ, въ 1820 году. Гете, въ „Tag-und Jahresheften“ написалъ о нихъ слѣдующее: „произведенія мадамъ Роланъ вызываютъ чрезвычайное удивленіе. Что появляются такіе характеры и таланты, это, безъ сомнѣнія, представляетъ ту существенную пользу, которая передается отъ несчастныхъ временъ потомству. Они, въ нашихъ глазахъ, придаютъ важное значеніе даже наиболѣе отвлеченнымъ днямъ всемірной исторіи.

гихъ, кажется, портить. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ какой-нибудь счастливецъ и пріобрѣтаетъ такимъ путемъ баснословныя богатства, соблазняя своимъ примѣромъ многихъ другихъ; но послѣдніе, начиная подражать ему, въ послѣдствіи позорно раззоряются. Его искусства было бы достаточно для безбѣднаго существованія; но онъ захотѣлъ сдѣлаться богатымъ, и кончилъ тѣмъ, что все дѣла свои привелъ въ упадокъ.

Господинъ Флипонъ былъ здоровый, сильный, трудолюбивый, словоохотливый человекъ, и имѣлъ склонность къ роскоши и украшеніямъ. Онъ не получилъ образованія и пріобрѣлъ нѣкоторую степень вкуса и знаній, благодаря занятіямъ изящнымъ искусствомъ, да и то только очень поверхностно. Но, придавая весьма большое значеніе богатству, а также и всему тому, что изъ него можно извлечь, съ купцами, однако, онъ имѣлъ только дѣловыя сношенія; дружбу велъ только съ художниками, живописцами и скульпторами. Онъ жилъ весьма аккуратно до тѣхъ поръ, пока его честолюбіе еще не выходило изъ извѣстныхъ предѣловъ и пока не испытывалъ никакихъ неудачъ. Нельзя было бы прямо утверждать, что онъ былъ человекомъ вполне безукоризненнымъ; но въ немъ не замѣчалось недостатка и чести. За свои произведенія онъ весьма часто бралъ значительно повышенныя противъ ихъ дѣйствительной стоимости цѣны; но онъ скорѣе могъ лишиться жизни, чѣмъ не заплатить долга за купленный имъ для себя какой-либо предметъ.

Его жена, Маргарита Бимонъ, принесла ему въ приданое немного денегъ; за то отдала ему свою божевѣнную душу и привлекательную внѣшность. Она была старшей изъ шести сестеръ, для которыхъ заступала мѣсто матери, и вслѣдствіе этого рѣшилась выйти замужъ только въ возрастѣ 26 лѣтъ. Ея чувствительное сердце и нѣжный характеръ могли бы сое-

динить ее съ болѣе просвѣщеннымъ и задушевнымъ человѣкомъ. Но ея отецъ представилъ ей честнаго чело-
вѣка, талантъ котораго обезпечивалъ ей достаточное
содержаніе, и она изъ скромности согласилась на этотъ
бракъ.

За неимѣніемъ счастья, на которое она могла бы
надѣяться, ей пришлось подчиниться доводамъ о воз-
можномъ согласіи, которое могло отчасти замѣстить
первое. Радости бываютъ обыкновенно рѣже, нежели
полагаютъ; но никогда не бываетъ недостатка утѣхъ и
въ добродѣтели.

Мадамъ Роланъ была вторымъ ребенкомъ отъ этого
брака. Всего эта супружеская чета имѣла семь дѣтей,
изъ которыхъ, однако, шесть умерли, частью вскорѣ же
послѣ рожденія, частью въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ.
Ее же отдали чужимъ людямъ въ деревню на воспи-
таніе по обычаю, существующему во Франціи еще и до
настоящаго времени.

Лишь только маленькой дѣвчкѣ исполнилось два
года, какъ она возвратилась къ чуждымъ для нея ро-
дителямъ и она долгое время плакала по своей мни-
мой матери въ деревнѣ. Большое умѣнье и доброта
понадобились мадамъ Флипонъ, чтобы сроднить дитя
съ ея родительскимъ домомъ. Вскорѣ пріобрѣла она
вліяніе надъ нѣжнымъ, мягкимъ характеромъ ребенка,
которое она всегда только и употребляла въ пользу
своей дочери. Но, дитя было все же настолько само-
стоятельнымъ, что мать, принимая всѣ мѣры къ его
смягченію и дѣйствуя постепенно на разсудокъ ребенка,
желая добиться покорности посредствомъ нѣкотораго
обольщенія, должна была первое время холодно назы-
вать дочь свою „барышней“. Часто, въ послѣдствіи, вспо-
миная объ обращеніи къ ней ея доброй, нѣжными гла-
зами смотрѣвшей на нее, матери со словомъ „барышня“,
мадамъ Роланъ невольно содрогалась.

Мадамъ Роланъ носила имя Манонъ-Жанна. Въ сво-

ихъ мемуарахъ объ этомъ имени она говоритъ слѣдую-
щее: „Да, Манонъ, такъ зовутъ меня, и мнѣ жаль лю-
бителей романовъ; это имя совсѣмъ не пристало къ
лицу героини высшаго значенія. Однако, оно мое, это
имя, и принадлежитъ моей исторіи, которую я пишу.
Впрочемъ, чувствительные люди примирились бы съ
именемъ, если бы они могли слышать, какъ произно-
сила его моя нѣжная мать, и если бы они видѣли ту,
которая носила его!“

Манонъ была очень подвижна, но не суетлива; ода-
ренная отъ природы богатымъ умомъ, она ни къ чему
такъ не стремилась, какъ постоянно быть чѣмъ-нибудь
занятой. Она быстро все воспринимала. Этотъ даръ въ
ней былъ столь великъ, что она скоро начала читать,
не будучи въ состояніи, однако, припомнить, когда же
именно она этому научилась. Когда ей исполнилось
четыре года, она уже прямо-таки зачитывалась. Послѣ
книгъ, въ ней развилась и любовь къ цвѣтамъ. Вспо-
миная о своемъ дѣтствѣ, она находила его счастли-
вымъ, такъ какъ могла проводить его среди книгъ и
цвѣтовъ. Даже въ тюрьмѣ, незадолго до своей смерти,
одинъ взглядъ на покрывавшія рѣшетку ея окна цвѣты
заставлялъ ее забывать людскую несправедливость, а
чтеніе книгъ облегчало ея душевные страданія. Она
настолько была любознательна, что легко изучила бы
коранъ, если бы къ этому представлялся какой-нибудь
поводъ.

Художники, посѣщавшіе родительскій домъ Манонъ,
съ большою охотою занимались съ красивымъ, живымъ,
любознательнымъ ребенкомъ и рассказывали ей разныя
интересныя сказки.

Съ семилѣтняго возраста, каждое воскресенье ее по-
сылали въ приходское училище, чтобы приготовить ее
къ конфирмаціи. Одинъ изъ братьевъ ея матери былъ
священникъ и занимался съ Манонъ въ этомъ воскре-
сномъ училищѣ. Онъ до такой степени поражался ея

страстью къ чтенію и живостью осмысленнаго воспріятія прочитаннаго, что ему пришла въ голову мысль обучить ее латинскому языку. Дѣвочка пришла отъ этого въ восторгъ и радовалась, что для нея нашелся новый предметъ изученія. Дома она занималась съ различными учителями чистописаніемъ, географіей, музыкой и танцами. Отецъ обучалъ ее рисованію. Но всего этого ей было недостаточно. Она вставала въ 5 часовъ утра, пока въ домѣ всѣ еще спали и, одѣтая въ легкую юбочку, не заботясь о чулкахъ и башмакахъ, безшумно прокрадывалась къ столу въ углу комнаты своей матери, гдѣ хранились ея работы, и съ такимъ рвеніемъ начинала переписывать или повторять заданные ей уроки, что дѣлала замѣчательные успѣхи. Всѣ учителя восхищались ею и съ большою охотою вели съ нею продолжительныя занятія; это обстоятельство еще болѣе увеличивало прилежаніе маленькой Манонъ. Она была такъ привѣтлива съ ними, что они считали себя даже обязанными способствовать ея развитію; съ своей стороны, она была имъ чрезвычайно благодарна за то, что они стремились удовлетворять ея любознательности. Не было ни одного учителя, который послѣ немногихъ лѣтъ занятій ни признавался, что Манонъ нуждалась только въ простомъ присмотрѣ, но чтобы родители позволили имъ посѣщать ихъ домъ и не прекращать собесѣдованій съ ихъ дочерью. Отецъ не проявлялъ почти никакого вліянія на ея воспитаніе. Ея умная и предусмотрительная мать вскорѣ же замѣтила, что ею руководить можно только посредствомъ разума, или дѣйствуя на ея чувства. Она старалась никогда не вызывать въ дочери сопротивленія, тогда какъ отецъ, какъ глава семейства, рѣдко бывалъ послѣдовательнымъ въ своихъ настоячивыхъ иногда требованіяхъ. Когда онъ поступалъ уже слишкомъ деспотически и наказывалъ свое дитя, то до тѣхъ поръ нѣжное созданіе превращалось въ маленькую львицу. Она становилась непокорной, спорила съ нимъ

и непремѣнно старалась дѣйствовать наперекоръ его желаніямъ.

Когда однажды Манонъ захворала, то отецъ хотѣлъ насильно заставить ее принять прописанное лѣкарство. Съ своей обычной добротой и терпѣніемъ мать еще ранѣе старалась напрасно склонить ее къ этому. Вмѣшавшійся въ это отецъ, объяснившій отвращеніе больной къ лѣкарству простымъ упрямствомъ, посѣкъ ее розгами. Послѣ этого онъ снова протянулъ ей лѣкарство; и какъ она опять воспротивилась принять его, то сѣченіе повторилось. Сначала она громко кричала, но затѣмъ, когда ощущеніе боли стало почти невыносимымъ, она вдругъ умолкла, перестала плакать и тихій столбнякъ напалъ на нее, сосредоточивъ всѣ ея силы къ одному рѣшенію. Она вскочила съ постели, направилась къ стѣнѣ, наклонила къ ней свою голову и сама подставила свое обнаженное тѣло для ударовъ. Она сама рассказываетъ, что у нея остановилось дыханіе и что ее могли бы убить на мѣстѣ, не вызвавъ изъ нея хотя бы одного вздоха! Матери, наконецъ, удалось уговорить отца удалиться изъ комнаты. Она уложила истерзаннаго ребенка въ постель и въ теченіе двухъ часовъ не безпокоила ее. По прошествіи этого времени, мать снова подошла къ ней. Она со слезами на глазахъ умоляла Манонъ принять лѣкарство, чтобы не подвергать себя опасности усиленія болѣзни. Дитя пристально взглянуло на нее, взяло стаканъ и въ одинъ пріемъ опустошило его.

Мадамъ Роланъ, вспоминая объ этомъ несправедливомъ наказаніи, говоритъ въ своихъ мемуарахъ: „Всѣ подробности этой сцены такъ памятны мнѣ, какъ будто я только недавно перенесла ихъ. Всѣ испытанныя тогда мною ощущенія жестокости до сихъ поръ такъ ясны мнѣ еще, что и теперь, съ приближеніемъ настоящихъ торжественныхъ минутъ, я не поступлю иначе, чтобы съ гордостью вступить на эшафотъ, какъ поступила тогда, допустивъ себя до варварскаго обращенія, кото-

рое могло скорѣе умертвить меня, нежели принудить къ покорности“.

Послѣ этого случая, отецъ уже никогда болѣе не наказывалъ ее и даже не дѣлалъ ей ни малѣйшаго выговора. Онъ сталъ ласкать ее чаще прежняго, старался предупредить нѣкоторыя ея желанія, ходилъ съ ней гулять, и все это съ такою сердечностью, что Манонъ снова почувствовала его достойнымъ ея уваженія и, съ своей стороны, обезпечила ему полное послушаніе.

Ея седьмой день рожденія, какъ переходъ въ возрастъ развитія умственныхъ способностей, былъ торжественно отпразднованъ. Ея существованіе мирно протекало въ тихой домашней обстановкѣ и въ большой умственной дѣятельности. Мать рѣдко выходила изъ дома и сносила только съ немногими лицами. Два раза въ недѣлю онѣ ходили къ родителямъ ея отца. Часто посѣщали онѣ также и бабушку Бимонъ; это была высокая, красивая женщина, но еще въ молодыхъ годахъ разбитая параличемъ. Съ годами разсудокъ ея помутился и она была слабоумной. Маленькая Манонъ всегда тамъ сильно скучала; она не понимала этой ужасной болѣзни, и сердилась, когда видѣла что бабушка могла громко смѣяться, если она падала или причиняла себѣ какую-либо другую боль, и затѣмъ плакала, если ей было весело и она чему нибудь радовалась. Когда ей объяснили, что это происходило вслѣдствіе ея болѣзни, то отъ этого ей не становилось менѣе скучно. Рыданіе и безумные крики производили на нее тяжелое впечатлѣніе и оттачивали ее отъ нея съ ужасомъ. Это былъ жестокой опытъ терпѣнія, которому подвергали Манонъ. Когда однажды она ни за что не хотѣла итти туда, то матери ея было достаточно привести ее къ сознанію, что съ ея стороны это будетъ необходимою и похвальною обязанностью, если она раздѣлитъ ее съ нею. Мадамъ Флипонъ такъ сумѣла убѣдить ее, что сердце дитяти тронулось такимъ внушеніемъ и она рѣшилась покориться.

Уроки заполняли часы ея дня такимъ образомъ, что, если она хотѣла предпринять что-либо другое, то они всегда оказывались короткими. Но, вскорѣ одинъ учебныя книги стали для нея недостаточными и она начала брать изъ домашней библіотеки одну книгу за другой, что представляло собою самое разнообразное чтеніе: библія, которая въ особенности привлекала ее, жизнеописаніе святыхъ, историческія произведенія, театральныя пьесы, словомъ все печатное, попадавшееся ей въ руки. Страсть къ чтенію такъ овладѣла ею, что однажды она принялась даже за сочиненіе о геральдикѣ. Но, наконецъ, она познакомилась со всѣмъ, что находилось въ библіотекѣ ея отца, и она стала искать новой пищи для своего ума. Случайно открыла она въ мастерской своего отца уголокъ, гдѣ ученики хранили свои книги. Она стала брать тайкомъ оттуда по одной книгѣ и, прочитавъ, клала ихъ всегда до прихода учениковъ обратно, такъ что тѣ ничего не замѣчали. Вообще, это были хорошія произведенія. Однажды Манонъ замѣтила, что и ея мать сдѣлала такое же открытіе какъ и она, причѣмъ въ рукахъ ея увидѣла уже знакомый ей томъ одного сочиненія. Послѣ этого она уже перестала стѣсняться и брала книги открыто.

Описаніе путешествій было для нея любимымъ чтеніемъ. Но ея главную духовную пищу составляли произведенія Плутарха.

Когда ей исполнилось девять лѣтъ, это было постомъ 1763 года, она по ошибкѣ, вмѣсто молитвенника, понесла съ собою въ церковь Плутарха! Съ этого времени начинаются у ней впечатлѣнія и мысли, которыя безъ ея вѣдома дѣлали ее уже республиканкой.

Нѣкоторое разнообразіе въ чтеніе Манонъ внесли Телемакъ и „Освобожденный Іерусалимъ“ Тассо. Чувствительный Фенелонъ затрагивалъ ея сердце, а Тассо воспламенялъ ея фантазію. Время отъ времени мать заставляла ее читать себѣ вслухъ, но та дѣлала это неохотно,

такъ какъ вслѣдствіе этого она отрывалась отъ излюбленныхъ ею авторовъ, да и не могла при этомъ сосредоточиваться на особенно интересныхъ мѣстахъ. Когда она читала про себя, то дѣйствительный міръ утопалъ для нея въ фантазіи, и она воплощалась то въ Евхарисъ Телемака, то въ Эрминію для Танкреда! Она углублялась въ созерцаніе только образовъ, самые же предметы получали въ ея воображеніи другія формы. Это былъ какъ бы сонъ безъ пробужденія!

Вслѣдъ за симъ въ ряды ея авторовъ попалъ Вольтеръ. Однажды у ея матери были въ гостяхъ пожилыя дамы и играли въ пикетъ. Манонъ сидѣла въ углу комнаты и читала „Кандида“; лишь только ея мать на нѣсколько минутъ покинула комнату, одна изъ пожилыхъ дамъ подозвала ее къ себѣ и попросила показать ей книгу, которую она только что читала. Тогда она обратилась къ вошедшей въ комнату мадамъ Флипонъ съ выраженіемъ своего удивленія относительно выбора предмета для чтенія Манонъ. Не отвѣчая ей, мадамъ Флипонъ сказала дочери, чтобы та поставила книгу на то мѣсто, откуда взяла ее. Съ этого времени маленькая, старая, чопорная дама уже не привлекала къ себѣ ни одного дружелюбнаго взгляда со стороны Манонъ. Но добрая, умная мадамъ Флипонъ нисколько не перемѣнилась въ своихъ отношеніяхъ къ ней и позволяла своей дочери продолжать читать все, что попадало ей въ руки, дѣлая видъ, какъ будто ничего не замѣчала, хотя и отлично все знала.

Къ тому же, въ домѣ вовсе не было книгъ безнравственнаго содержанія, и потому въ руки любознательнаго ребенка не могло попасть ничего развращающаго.

Господинъ Флипонъ дарилъ своей дочери почти исключительно книги. Но, какъ она сама говоритъ, въ выборѣ таковыхъ онъ не всегда былъ счастливъ; такъ, на примѣръ, онъ принесъ ей однажды Локке „О воспитаніи дѣтей“, или, въ другой разъ, Фенелона „Раз-

сужденіе о воспитаніи молодыхъ дѣвушекъ“. Книги, предназначенныя для руководства воспитателей, давали воспитанницѣ! Но она была такъ не по лѣтамъ развита, любила самоуглубляться, изучала склонности своей души для самоопредѣленія; и вышло такъ, что нечаянный случай оказался для нея болѣе благоприятнымъ, нежели могли бы пособить ей въ этомъ самые точные расчеты. Она начала чувствовать, что въ жизни ей предстоитъ выполнить большое назначеніе и что поэтому она должна привести себя въ состояніе быть къ тому достойной. Это были неясныя предчувствія; но путь, по которому ей пришлось идти, былъ весьма замѣчательнъ, полонъ всякихъ приключеній и превратностей.

Она обладала совершенно особеннымъ даромъ къ изученію языковъ; на примѣръ, итальянскій—она изучила безъ всякой посторонней помощи и безъ затрудненій. Отецъ обучилъ ее также гравированію; лишь только первыя затрудненія были преодолены, она сразу же поняла, какъ слѣдуетъ обращаться съ грабштихелемъ. Она дѣлала большіе успѣхи; отецъ поручалъ ей даже не слишкомъ сложныя работы и хотѣлъ заинтересовать ее тѣмъ, что барышни будутъ дѣлать съ ней пополамъ. Съ этою цѣлью Манонъ должна была вести книгу и въ концѣ каждой недѣли выводить расчетъ. Но, ей это надобно и, въ концѣ концовъ, она перестала интересоваться и самой работой, предпочитая читать по одной книгѣ, чѣмъ закупить сразу много томовъ на вырученныя деньги. Она не старалась скрывать своего отвращенія къ этому занятію и ей не возражали. Итакъ, грабштихель и флихтштихель были уложены въ рабочій ящикъ, съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе ихъ оттуда не вынимать.

Въ то время какъ мадамъ Флипонъ мало заботилась о своихъ костюмахъ, она большое вниманіе удѣляла этому въ отношеніи дочери. Мадамъ Роланъ не могла также равнодушно вспоминать и о тогдашней прическѣ,

которой украшали ея голову и которая каждый разъ раздражала Манонъ, хотя она на это и не жаловалась.

Итакъ, какъ мы уже видѣли, восьмилѣтнимъ ребенкомъ она читала серьезныя произведенія, умѣла обращаться съ грабштихелемъ, хорошо рисовала, была знакома съ астрономіей и въ обществѣ старшихъ дѣвицъ была лучшей танцовкой; неоднократно занимали ее и въ кухнѣ стряпаніемъ яичницъ, чистой овощей или сниманіемъ пѣнки съ супа. Благодаря заботливости мадамъ Флипонъ, Манонъ приобрѣла такія же хорошія познанія въ наукахъ, какъ и въ свободныхъ искусствахъ и домашнемъ обиходѣ. Это разностороннее воспитаніе, въ которомъ она ко всему проявляла необыкновенныя способности, могло напередъ предупредить возможность всякихъ превратностей въ ея судьбѣ и помогло ей все перенести. Она никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ ни въ чемъ не затруднялась и ее не считали лишней ни въ какомъ обществѣ. Даже всякую черную работу, будь это стряпаніе, колка дровъ, и этимъ она не пренебрегала, она выполняла съ такою расторопностью и умѣньемъ, что, заставъ ее за однимъ изъ такихъ занятій, можно было подумать, что ее ничему другому и не обучали.

Мадамъ Флипонъ была набожна, но безъ ханжества; она строго вѣровала или заставляла себя казаться вѣрующею. Съ полнымъ благоговѣніемъ однако передавала она Манонъ свои религіозныя воззрѣнія, которыя пробудили въ ней особое вниманіе и произвели на ея живую фантазію большое впечатлѣніе; хотя ея пылкий умъ и былъ смущенъ библейскимъ рассказомъ о превращеніи дьявола въ змѣю, тѣмъ не менѣе она старалась принять и его за истину.

Съ полнымъ сознаніемъ готовилась она къ конфирмаціи, обсуждая значеніе своихъ поступковъ и обдумывая свои обязанности. Лишь только заговаривали о приближеніи этого великаго момента, какъ она начи-

нала ощущать какой-то непонятный страхъ передъ предстоящимъ событіемъ; она усердно читала священное писаніе, стремилась постичь тайну безсмертія души, вѣчнаго блаженства или проклятія и, почти незамѣтно для себя, все болѣе и болѣе углублялась въ рѣшеніе религіозныхъ задачъ.

Большое вліяніе на эту склонность ея возымѣлъ, къ сожалѣнію, одинъ посторонній случай, побудившій ее къ очень важному рѣшенію.

Въ мастерской ея отца занималось много молодыхъ людей въ качествѣ мастеровъ и учениковъ. Манонъ часто вступала съ ними въ разговоры, когда заходила туда, чтобы показать свою работу отцу, или когда ей нужно было отточить грабштихель, что случалось еще чаще. Между учениками находился одинъ, родители котораго проживали далеко отъ Парижа. Госпожа Флипонъ была расположена къ нему болѣе другихъ и, такъ какъ онъ былъ еще очень молодъ, то она, оберегая его отъ вліянія дурного общества, по воскресеньямъ оставляла его проводить вечера въ своемъ домѣ. Вслѣдствіе этого и Манонъ относилась къ нему довѣрчивѣе и дружелюбнѣе, нежели къ другимъ ученикамъ своего отца. При немъ она совершенно беззаботно и безъ всякаго страха навѣщала мастерскую, даже отецъ ничего не имѣлъ противъ этого.

Однажды вечеромъ она опять пошла въ мастерскую и застала тамъ только одного этого ученика, который, казалось, чѣмъ-то занимался при свѣтѣ лампы. Она подошла къ нему, спросила о чемъ-то, какъ вдругъ онъ схватилъ ее за руку и съ неприличными цѣлями потянулъ къ себѣ. Она была поражена, громко вскрикнула, стараясь высвободить свою руку; но онъ, смѣясь и не отпуская ея, совершенно спокойно произнесъ: „Замолчите же! Чего вы испугались, вотъ еще глупости какія! Развѣ вы меня не знаете? я не злодѣй; вашимъ же крикомъ вы заставите придти сюда вашу мать, которая

и начнетъ бранить меня, что я васъ испугалъ“. Она замолчала, но была страшно раздражена и требовала, чтобы онъ немедленно освободилъ ее. Однако, онъ продолжалъ ее крѣпко держать, повернулся на своемъ сидѣннѣ, такъ что она едва могла сохранить равновѣсіе, чтобы не упасть. Тогда она опять громко закричала, стараясь освободиться отъ него и бѣжать, такъ какъ то, что онъ продѣлывалъ, было дѣйствительно ужасно.

Онъ началъ извиняться передъ ней и увѣрять, что не имѣлъ никакого намѣренія причинить ей непріятность, а между тѣмъ онъ можетъ пострадать изъ-за нея. „Ахъ, Боже мой! я ничего не скажу, только отпустите меня“, отвѣтила она ему. Послѣ этого онъ освободилъ ея руку и она поспѣшно выбѣжала изъ мастерской.

Сильно взволнованная, она едва достигла своей комнаты, какъ услышала голосъ своей матери, которая ее звала къ себѣ. Она нуждалась въ нѣкоторомъ времени, чтобы придти въ себя и успокоиться, а между тѣмъ, надо было отозваться и на окликъ. Мать тотчасъ же замѣтила ея возбужденное состояніе и озабоченно спросила, что съ нею случилось и отчего она такая блѣдная. Манонъ дала уклончивый отвѣтъ, что сама не знаетъ, что ей нужно выпить стаканъ воды. На вторичный вопросъ, что она чувствуетъ, она сказала только, что ей немного нездоровится. При этомъ она вся дрожала, но, выпивъ стаканъ воды, она пришла въ себя и овладѣла собою настолько, что могла успокоить свою мать и отвѣчать на ея вопросы.

Это непріятное посѣщеніе мастерской долго не могло изгладиться изъ ея памяти и увеличивало ея мученія, такъ какъ о происшествіи она не отваживалась сообщить своей матери. Она просто не знала, съ чего начать! Долгое время Манонъ не рѣшалась послѣ этого ходить въ мастерскую и видѣла молодого человѣка, вмѣстѣ съ другими двумя учениками, только въ присутствіе родителей за обѣденнымъ столомъ. Ученику

это не правилось и онъ какъ-то, какъ бы случайно, зашелъ къ Манонъ въ кухню, когда она тамъ была занята. Онъ хотѣлъ заставить ее сказать ему, почему она не посѣщаетъ болѣе мастерскую, началъ снова извиняться за свой поступокъ и убѣждалъ относиться къ нему съ прежнимъ довѣріемъ. Но она сказала только „да“ и выбѣжала изъ кухни.

Постепенно, почти незамѣтно для себя самой, она стала забывать свой страхъ и приключеніе и, какъ прежде, заходила въ мастерскую, чтобы переговорить съ отцомъ или принести туда что-нибудь необходимое. При этомъ молодой человѣкъ пользовался удобнымъ случаемъ, чтобы выбѣжать ей навстрѣчу при ея выходѣ оттуда и въ шутиливомъ тонѣ напомнить ей о происшествіи, какъ о простой ребяческой шалости; и онъ, наконецъ, довелъ ее до того, что она размѣялась. Послѣ этого, между ними установилась та искренность, которая, какъ это нерѣдко случается между молодыми людьми, возникаетъ по поводу, имъ однимъ только извѣстному, о чемъ они и дѣлятся своими впечатлѣніями, не довѣряя ихъ другимъ.

Однажды случилось, что Манонъ сидѣла въ мастерской рядомъ со своимъ отцомъ за работой, какъ вдругъ его вызвали оттуда; она намѣревалась тотчасъ-же послѣдовать за нимъ, но въ это время на улицѣ раздались звуки духовой музыки. Она немедленно поспѣшила къ высокому окну и взобралась на стоявшій тамъ рядомъ стулъ, такъ какъ иначе она не могла бы смотрѣть на улицу, будучи еще маленькой. Молодой человѣкъ посовѣтывалъ ей встать лучше на рабочій столъ и даже помогъ ей туда перебраться. Другіе ученики выбѣжали въ это время на улицу, чтобы посмотреть, что тамъ происходило. Лишь только Манонъ начала спускаться, какъ молодой человѣкъ схватилъ ее подъ руки, потянулъ къ себѣ и, снимая со стола, началъ усаживать къ себѣ на колѣна, опускаясь въ то же время на стулъ.

Когда она потребовала, чтобы онъ освободилъ ее, молодой человѣкъ затащилъ свою старую пѣсню, насмѣшливо спросивъ, ужъ не испугалась ли она опять; не отвѣчая на вопросъ, она сказала только, что хочетъ идти, но онъ отвернулъ ея платье, при чемъ безстыдно дотронулся до ея тѣла...

Она съ силой хотѣла отстраниться отъ него, ударила его, причемъ упала на полъ, и съ отвращеніемъ взглянула на него. Ея глаза, казалось, выступили изъ орбитъ, ноздри расширились и она была близка къ обмороку. Замѣтивъ это, онъ испугался, измѣнилъ свои намѣренія, засуетился и употребилъ всѣ усилія, чтобы успокоить ее и не хотѣлъ отпустить до тѣхъ поръ, пока это ему не удастся. Наконецъ, она могла подняться съ пола и удалиться. Съ этихъ поръ она смотрѣла на него не иначе какъ со злобой и присутствіе его вызывало въ ней отвращеніе. Долго она была скучной и озабоченной, чувствовала себя оскорбленной; она хотѣла все рассказать матери, но боялась и смущалась. Мадамъ Флипонъ стала серьезно беспокоиться, что Манонъ что то скрываетъ, и ея перваго вопроса по поводу перемѣны въ настроеніи дочери было достаточно, чтобы побудить ее рассказать все отъ начала до конца. Душевное волненіе и испуганный видъ матери причинили ей сильное огорченіе. Хорошая женщина была въ отчаяніи сознавать, что плоды ея попеченій и заботливости такъ неожиданно могли погибнуть; на нее напалъ страхъ и ей казалось, что дочь могла что-нибудь и утаить еще; она задавала ей тысячи косвенныхъ вопросовъ, опасаясь сказать болѣе того, что знала, и желая въ то же время удостовѣриться, что дѣло ограничилось только тѣмъ, что повѣдала ей сама Манонъ.

Мадамъ Флипонъ очень ловко воспользовалась отвращеніемъ и естественной стыдливостью дочери, разстроившими въ высшей степени ея спокойствіе; она упрекала Манонъ въ томъ, что та такъ долго скрывала

отъ нея это дѣло, какъ будто неслыханный поступокъ молодого человѣка могъ оставаться безнаказаннымъ. Но это послѣднее замѣчаніе, сдѣланное къ тому же не безъ излишняго порицанія его безнравственности, только усилило ея угнетенное душевное состояніе. Она говорила, что этотъ поступокъ противенъ религіи, разуму, чести, порядочности, но съ такою нѣжностью материнскаго сердца, какимъ она обладала, думая, что подобныя наставленія являются вѣрнымъ средствомъ предохранить дочь отъ подобныхъ случаевъ въ будущемъ и, неожиданно для себя, довела до того, что Манонъ почувствовала себя величайшей грѣшницей! Она не находила себѣ покоя, пока матери не пришло въ голову убѣдить ее идти на исповѣдь. Бѣдное дитя хотя и находило ужаснымъ, что должно рассказать на исповѣди подобныя вещи, но мысль, что это есть единственное средство спасенія, заставила Манонъ такъ или иначе воспользоваться совѣтомъ и, наконецъ, она рѣшилась; это значительно успокоило ее. Съ этого момента ею овладѣло религіозное настроеніе. Набожность, въ которую впала Манонъ, странно ее измѣнила. Глубокое смиреніе, сильная застѣнчивость напали на нее. На мужчинъ она смотрѣла съ какимъ-то ужасомъ, который еще болѣе увеличивался, когда они бывали съ нею любезны; этого было достаточно, чтобы она тотчасъ же насторожилась и мысленно уже рѣшала, что это непременно долженъ быть преступникъ.

Подъ разными предлогами мадамъ Флипонъ доби-лась того, что она и Манонъ перестали обѣдать за общимъ столомъ. Это было большимъ облегченіемъ для ребенка. Родители благоразумно рѣшили, что этимъ способомъ она совершенно устранялась отъ какого-либо общенія съ молодымъ человѣкомъ, которому предоставили продолжать его ученіе до назначеннаго срока, опасаясь непріятной огласки вслѣдствіе немедленнаго же удаленія его.

Замкнутая жизнь, которую вела Манонъ, казалась ей все еще довольно разсѣянной, чтобы достойно подготовиться къ причастію. Этотъ предстоящій великій шагъ къ спасенію ея души занималъ теперь все ея мысли. Она съ большимъ вниманіемъ сосредоточивалась на богослуженіи и торжественность его производила на нее сильное впечатлѣніе. Прилежно читала она объясненія церковныхъ службъ и ихъ символическаго значенія. Она съ увлеченіемъ читала жизнеописанія святыхъ и умилялась ихъ мученическимъ вѣнцомъ, который они претерпѣвали во времена язычества, благодаря твердости въ своей вѣрѣ. Однажды вечеромъ она упала передъ своими родителями на колѣни, умоляя ихъ согласиться отпустить ее на нѣкоторое время въ монастырь.

Добрая мать была растрогана и, навѣрное, испугалась бы, если бы не знала, что происходило въ душѣ ея дочери, такъ какъ въ послѣднее время она ни на минуту не покидала ее. Когда ее спросили, какія собственно причины привели ее къ такому намѣренію, она напомнила лишь, что до сихъ поръ вѣдь ни въ чемъ благоразумномъ ей не отказывали. Она сказала только, что подобное намѣреніе возникло у ней изъ желанія подготовиться къ принятію своего причастія съ полнымъ благоговѣніемъ. Отецъ похвалилъ ея набожное настроеніе и посовѣтовался съ матерью о выборѣ подходящаго монастыря. Вскорѣ послѣ этого, 7 мая 1765 года, 11 лѣтъ, вступила Манонъ въ монастырь Певъ. Сентъ-Этьенъ, въ предмѣстьѣ Сентъ-Марсель.

Вся въ слезахъ разставалась она съ матерью; это была ея первая продолжительная разлука съ ней. Но ей казалось, что она слѣдуетъ велѣнію Бога и этими слезами приноситъ ему великую жертву, на которую только была способна; это являлось, дѣйствительно, ея первую жертвою.

Первую ночь она провела въ довольно возбужден-

номъ состояніи. Она уже не находилась болѣе подъ отцовскимъ кровомъ, болѣзненно чувствовала отсутствіе своей доброй матери, которая, конечно, думала о ней; вездѣ господствовала глубокая тишина, наводившая на нее какой-то непонятный страхъ. Высокія деревья повсюду бросали свою могучую тѣнь и сулили ей надежное убѣжище въ ея тихой молитвѣ и размышленіяхъ. Когда она поднимала глаза къ ясному небу, она чувствовала присутствіе тамъ божества, которое привѣтствовало ея жертву, и видѣла въ этомъ награду, которую оно ниспосылало ей съ своей небесной высоты. Тихія слезы медленно текли по ея щекамъ и она съ святымъ благоговѣніемъ возносила свои молитвы къ Богу.

До слѣдующаго вечера своего пребыванія въ монастырѣ она еще не видѣла всѣхъ своихъ монастырскихъ товарищъ, которыхъ тамъ было тридцать четыре, все воспитанницы отъ шести до восемнадцатилѣтняго возраста. За столомъ Манонъ была присоединена къ старшимъ. Нѣжное материнское воспитаніе, сдѣлавшее ее довѣрчивой, установленный порядокъ, къ которому она привыкла, манера кротко и искренно выражаться значительно отличали ее отъ прочей заносчивой, суетной и плохо воспитанной молодежи. Дѣти смотрѣли на нее, какъ на взрослую; взрослые же не давали ей чувствовать большого различія въ возрастѣ и обращались къ пей даже съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Благодаря своему усердію къ ученію, она была образованнѣе многихъ находившихся тамъ старшихъ дѣвицъ. Скоро всѣ учительницы пришли въ восхищеніе отъ прилежанія и способностей Манонъ и охотно занимались съ ней внѣ урочныхъ часовъ. Это привело къ тому, что она сдѣлалась первой ученицей; но и при всемъ томъ она, благодаря своему усердію, находила еще достаточно свободнаго времени, чтобы не терять ни одной минуты на приобрѣтеніе новыхъ познаній. Въ часы отдыха она

не рѣзвилась съ другими и во время прогулокъ она почти всегда удалялась подъ тѣнь дерева съ книгой. Она любила природу и восхищалась ею; среди нея, какъ въ церкви, ею овладѣвало высокое чувство благодарности къ Творцу всего этого великолѣпія.

Уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ Манонъ жила въ тихой монастырской обители. Родители навѣщали ее только по воскресеньямъ и брали ее съ собою на прогулку. При разставаніи, она каждый разъ орошалась слезами; но это не были слезы горя въ ея положеніи, а слезы отъ избытка нѣжныхъ чувствъ, которыя она питала къ своимъ родителямъ. Когда она успокоивалась, то уходила въ себя, чтобы лучше воспользоваться своимъ уединеніемъ и часто садилась къ могилѣ какой-нибудь благочестивой монахини и читала эпитафію, которая была высѣчена на могильномъ камнѣ. Въ это время дѣвочка глубоко вздыхала и размышляла о завидной долѣ умершей въ ея вѣчномъ блаженствѣ! Къ такому меланхолическому настроенію присоединялся восторгъ и она начинала надѣяться, что когда-нибудь, также добьется подобнаго блаженства, въ которомъ она ощущала какую-то непонятную потребность.

Въ монастырь поступили двѣ новыя воспитанницы изъ Амьена; это были сестры Каннэ, съ которыми до самой своей смерти мадамъ Роланъ не прерывала дружественныхъ связей. Несмотря на то, что одной было восемнадцать, а другой четырнадцать лѣтъ, такая разница въ возрастѣ не мѣшала имъ все болѣе сближаться съ Манонъ: Въ одномъ имѣли сходство между собою всѣ воспитанницы: всѣ онѣ съ большою охотою вызывали Манонъ на бесѣды и спрашивали ее о чемъ-либо, но далеко не всѣмъ удавалось склонить ее къ откровенности. Истинно откровенной она могла быть только съ настоящими своими подругами; другія же могли ее только угадывать и лишь немногимъ наиболѣе ловкимъ изъ нихъ удавалось иногда узнавать отъ

нея что-либо изъ ея завѣтныхъ, хотя и не слишкомъ поразительныхъ мыслей.

При вступленіи въ монастырь, было установлено родителями, что Манонъ пробудетъ въ немъ одинъ годъ, такъ какъ она сама этого хотѣла, полагая, что этого срока будетъ достаточно для принесенія ею покаянія и жертвы разлученной жизни съ своею матерью. Когда срокъ этотъ прошелъ и ей пришлось разставаться съ излюбленнымъ уединеніемъ, съ хорошими подругами и съ привязавшимися къ ней воспитательницами навсегда, то всѣ были очень огорчены и плакали. Ей клялись въ вѣчной дружбѣ, и Манонъ общала часто навѣщать монастырь, чтобы имѣть тамъ свиданія съ дорогими ей лицами. Мадамъ Флипонъ, вслѣдствіе частыхъ дѣловыхъ отлучекъ мужа, должна была подолгу находиться въ мастерской и наблюдать за работами учениковъ, а потому и рѣшила на нѣкоторое время помѣстить свою дочь у матери господина Флипонъ. Манонъ согласилась на это, тѣмъ болѣе, что здѣсь она все-таки чаще могла видѣться съ матерью, нежели во время пребыванія въ монастырѣ. У этой бабушки проживала также одна тетка Манонъ, дѣвица Ротиссэ, которую она называла Анжеликой. Она страдала одышкой, была очень набожна, добра какъ ангелъ и невинна какъ дитя. Она держала себя у своей старшей сестры, бабушки Манонъ, какъ преданная служанка. Заботы о домашнемъ хозяйствѣ лежали исключительно на ней; два раза въ день къ нимъ приходила одна простая женщина для болѣе грубыхъ работъ, все же остальное выполняла сама Анжелика. Она даже съ особою почтительностью помогала своей сестрѣ одѣваться. Въ то же время она приняла на себя обязанности бонны для Манонъ, раздѣливъ такимъ образомъ участіе бабушки Флипонъ въ ея воспитаніи. Данное въ монастырѣ обѣщаніе было исполняемо такъ часто, какъ только оказывалось возможнымъ Манонъ направляться туда въ сопровожденіи своей тетки

Анжелики. Но болѣе продолжительныя свиданія съ сестрами Каннэ затруднялись отчасти вмѣшательствомъ другихъ подругъ, которыя появлялись въ пріемной комнатѣ, чтобы повидаться съ Манонъ. Дѣвицы порѣшили установить между собою переписку обо всемъ, чего нельзя было передать другъ другу въ слѣдствіе присутствія въ комнатѣ другихъ. Эта мысль была приведена въ исполненіе и послѣдствіемъ ея было то, что до сего времени сохранились два тома очень интересныхъ и замѣчательныхъ писемъ мадамъ Роланъ къ сестрамъ Каннэ.

Двѣнадцатый годъ своего рожденія Манонъ провела у бабушки. Царившій въ этомъ домѣ покой и набожность тетки Анжелики вполне соотвѣтствовали ея чувствительному сосредоточенному душевному настроенію. Каждое утро она ходила съ теткой Анжеликой въ церковь къ обѣднѣ. Въ ней все время таилось сокровенное желаніе посвятить себя монастырской жизни, навѣянное ей жизнеописаніемъ одного изъ самыхъ добродѣтельныхъ святыхъ рая, Франсуа де Салы. Но такъ какъ она была единственнымъ ребенкомъ у своихъ родителей, и думала, что они едва ли дадутъ ей на это свое согласіе, то рѣшила выполненіе своего завѣтнаго желанія отложить до наступленія совершеннолѣтія.

Наконецъ, Манонъ могла опять водвориться въ домѣ своей матери, такъ какъ отецъ сталъ рѣже отлучаться. Но и отсюда она не перестала также усердно посѣщать церковь, каждое утро отправляясь къ обѣднѣ вмѣстѣ съ матерью. Послѣ этого, день посвящался другимъ занятіямъ и одинъ учитель приходилъ вслѣдъ за другимъ. Пообѣдавъ, она удалялась въ свою комнату, гдѣ проводила время въ чтеніи, писаніи и размышленіяхъ. Длинные вечера посвящались рукодѣліямъ, при чемъ мадамъ Флипонъ всегда читала что-нибудь вслухъ. Изъ всего того, что передъ ней прочитывалось, въ особенности же изъ того, что она сама читала, Манонъ

дѣлала выписки, выбирая тѣ мѣста, которыя болѣе всего ей нравились. Однако, при всемъ ея усердіи къ ученію и страсти къ самообразованію, она поступала безъ всякой системы; она стремилась къ цѣли накопленія знаній, увлекаемая природной дѣятельностью своего ума и своими склонностями, полагая въ полномъ развитіи своихъ способностей найти счастье, и ей казалось, что она его непременно обрѣтетъ путемъ постоянного и упорнаго труда.

Послѣ долгаго размышленія, при изученіи установленій католической религіи, она никакъ не могла допустить понятія о вѣчномъ проклятіи и о догматѣ непогрѣшимости и, въ концѣ-концовъ, то и другое отвергла. Но, что же было истиной? Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ это было предметомъ ея усиленныхъ изысканій, производившихся съ такою ревностью и душевнымъ волненіемъ, которыя не поддаются описанію, тѣмъ болѣе, что самымъ любимымъ чтеніемъ ея тогда были преимущественно критическія, философскія, нравственныя и метафизическія сочиненія.

Незамѣтно проходило время, какъ вдругъ Манонъ вступила въ возрастъ совершеннолѣтія, когда удовольствіе правиться занимаетъ большое мѣсто въ мысляхъ.

Въ той части ея мемуаровъ, гдѣ она говоритъ объ этомъ, она такъ изображаетъ свою внѣшность: „Мое лицо, кромѣ юной свѣжести и большой нѣжности въ его чертахъ, не представляло ничего особеннаго; если разсматривать каждую черту въ отдѣльности, то можно задать вопросъ, въ чемъ же собственно заключается красота: нѣтъ ни одной черты правильной, сочетаніе же ихъ можетъ нравиться. Хотя мой ротъ и нѣсколько великъ, наблюдаются тысячи болѣе красивыхъ, но ни одинъ изъ нихъ не отражаетъ такой нѣжной и обольстительной улыбки. Глаза, напротивъ, не очень большіе и имѣютъ сѣровато-голубой цвѣтъ. Они выдаются нѣсколько впередъ и смотрятъ ясно, свободно, весело и

привѣтливо; брови темнорусыя, по цвѣту схожія съ цвѣтомъ волосъ, и хорошо обрисованы. Глаза мѣняются въ своемъ выраженіи, какъ и полная любви душа, волненія которой они отражаютъ; они иногда удивляютъ своимъ строгимъ и гордымъ взглядомъ, но послѣдній гораздо чаще бываетъ живымъ и ласковымъ. Носъ начинается мнѣ нѣкоторое огорченіе, я нахожу его слишкомъ заостреннымъ; но, если разсматривать всѣ черты лица вмѣстѣ, и, въ особенности, въ профиль, то онъ не портитъ остального. Широкій, открытый лобъ, сильно дугобразныя глазныя впадины, между которыми отчетливо выступаютъ очертанія жилъ, легко наполняющихся кровью при самомъ незначительномъ возбужденіи; это придаетъ ему больше выразительности, нежели у многихъ другихъ. Подбородокъ выдается кверху, кожа не столько бѣла, сколько нѣжна и мягка. Красивая, хорошо округленная рука, съ небольшою, но пухлою кистью, здоровые, хорошо содержимые, зубы, пышный станъ, вотъ тѣ сокровища, которыми надѣлила меня мать природа“.

Далѣе мадамъ Роланъ говоритъ, что съ нею часто писали портреты, но что ни одинъ изъ нихъ не дастъ настоящаго понятія о ея личности, которую трудно изобразить, такъ какъ въ ней замѣтно болѣе душевныхъ качествъ, нежели красота лица, и больше выразительности, нежели самихъ чертъ. Ея черты оживлялись въ соотвѣтствіи съ возбуждаемымъ ею къ чему-либо интересомъ и въ связи съ настроеніемъ, которое на нее находило. Такъ, передъ глупцами она чувствовала себя удрученной, и наоборотъ, старалась проявлять свой умъ передъ людьми развитыми; но такія движенія души приписывала болѣе вліянію этихъ людей. Не всѣмъ, однако, удавалось оцѣнить ее и понимать ея способности. Она сама говоритъ, что нѣкоторые знали ее болѣе десяти лѣтъ, но не представляли себѣ, что ея познанія простирались далѣе правила сложенія или умѣнья

сшить рубашку. Передъ нѣкоторыми она была молчалива, холодна, даже иногда дерзка. Ухаживателей она не выносила, такъ какъ ненавидѣла ни любезностей, ни низкопоклонства, очень навязчивыхъ она ловко конфузила.

Она прежде всего искала вниманія и расположенія, не придавая большого значенія вѣншнему обольщенію; она стремилась быть понятой и любимой, и это удавалось ей у всѣхъ, кто въ своемъ сердцѣ питалъ истинное чувство.

На изученіе философіи, на которую смотрѣла какъ на познаніе нравовъ и основаній для высшаго блага, она затрачивала все свое усердіе и время. Изъ древнихъ философовъ она отдавала предпочтеніе стоикамъ: она пробовала подражать имъ въ развитіи положенія, что болѣзнь не есть зло, и она упорно трудилась надъ тѣмъ, чтобы никогда ей не поддаваться. И попытки ея убѣдили ее въ томъ, что она въ состояніи переносить большія страданія безъ стоновъ.

Довольно продолжительное время она съ живымъ интересомъ занималась также физикой и высшей математикой; но эти науки не могли долго плѣнять ее и вскорѣ она снова вернулась къ литературѣ.

Лѣтомъ, каждое воскресенье посвящалось прогулкамъ въ привлекательныя окрестности. Совершенно особенно полюбился ей Медонъ; тамъ имѣлись дико растущіе лѣса, уединенные пруды, сосновыя аллеи, старыя исполинскія деревья. Объ этомъ простомъ покоѣ на лонѣ природы она всегда вспоминала съ глубокимъ чувствомъ. Послѣ скромнаго обѣда, которымъ семья всегда пользовалась во время этихъ прогулокъ въ небольшомъ лѣсномъ ресторанчикѣ, Манонъ шла отыскивать уединенную лѣсную прогалинку для отдохновенія и не рѣшалась смыкать глаза, любясь и наслаждаясь окружающимъ ее великолѣпіемъ, и предавалась грезамъ наяву, или открывала захваченную съ собою книгу ка-

кого-либо изъ своихъ любимыхъ авторовъ и погружалась въ міръ такихъ представленій: „Восхитительный Медонъ, какъ часто въ тѣни твоей я вдыхала ароматный воздухъ, прославляя Творца моего земного существованія, и, съ полнымъ очарованіемъ, тихо мечтала о наступленіи того дня, когда золотою лучъ надежды освѣтитъ неизвѣстность моей будущности. Какъ любила я отдыхать подъ твоими высокими деревьями! Пока отдыхали мои родители, я созерцала величіе твоихъ молчаливыхъ лѣсовъ, наслаждалась природой и преклонялась передъ Провидѣніемъ, благодѣянія котораго я такъ сильно чувствовала. Огонь ощущеній окрашивалъ мои влажныя щеки и прелести земного рая казались мнѣ заключенными въ этомъ деревенскомъ уголкѣ. Описаніе моихъ прогулокъ и того счастья, которое онѣ заставляли меня испытывать, составляетъ часть переписки съ моей подругой Софіей Каннэ, въ прозѣ и стихахъ, навѣянныхъ счастливымъ, невиннымъ дѣтствомъ и на всю жизнь сохранившихъ всю свою прелесть. Софія находилась въ такой обстановкѣ, которая не доставляла удовольствій, испытанныхъ мною въ моемъ уединеніи. Лишь только я познакомилась съ членами ея семьи, какъ вполне оцѣнила значеніе моихъ условій жизни“.

„Не подлежитъ сомнѣнію, что наше положеніе сильно вліяетъ на нашъ характеръ и на образъ нашихъ мыслей; но, можно сказать, что выпавшее на мою долю воспитаніе и пріобрѣтенныя мною идеи посредствомъ наукъ и сношеній съ людьми соединились для внушенія мнѣ республиканскаго духа, заставляя меня осуждать все смѣшное и чувствовать всю несправедливость привилегій и сословныхъ различій въ положеніи массъ людей. Если я читала объ этомъ, то мое особенное расположеніе привлекали поборники уничтоженія неравенства. Когда мнѣ случалось присутствовать при вѣздахъ королевы или принцевъ, или при поздравленіяхъ съ благополучнымъ разрѣшеніемъ королевы отъ бремени, то

я сильно страдала отъ этихъ азіатскихъ церемоній, отъ этого безстыднаго торжества на ряду съ бѣдствіемъ и униженіемъ привлекаемаго такими событіями народа, изнуряющаго себя и спѣшащаго собраться для созерцанія созданныхъ его же руками кумировъ, и для рукоплесканія блестящей пышности, расходы на которую производитъ онъ же, принося ей въ жертву собственную свою нужду!“

Испорченные нравы, главнымъ виновникомъ которыхъ являлся королевскій дворъ, наполняли негодованіемъ ея сердце. Въ то время не существовало еще ни малѣйшаго признака революціи и она просто задавалась неоднократно вопросами о томъ, какъ это можно, чтобы уживались такіа странныя противоположности. Изъ исторіи она знала, что государства, доходившія до такого состоянія испорченности, приходили въ упадокъ и распадались. Но теперь ей приходится слышать, какъ французы сами же смѣются и издѣваются надъ собственными страданіями! Недаромъ англичане считали французовъ наивными дѣтьми, и они были правы.

Мадамъ Флипонъ сознавала необходимость развитія умственныхъ способностей своей дочери и не препятствовала ей въ ея стремленіи къ наукамъ. Только два предмета, исторія и философія, почти исключительно возбуждали въ ней интересъ. Даже ослабленіе религіозности, проистекающее отъ изученія ихъ, не служило для мадамъ Флипонъ поводомъ мѣшать дочери заниматься ими. Ей легче было переносить возникавшія въ умѣ дочери сомнѣнія, нежели видѣть ее страдающей физически, и она говорила: „какой напрасный трудъ отвлекать ее отъ ея судьбы!“ Ко времени достиженія совершеннолѣтія, опредѣлившаго физическое и нравственное развитіе молодой дѣвушки, за ней начала увиваться толпа поклонниковъ, подобная пчелиному рою, жужжащему вокругъ распустившагося цвѣтка розы. Манонъ была очень нравственна и вела весьма

скромный образъ жизни; несмотря на это, она не чувствовала недостатка въ женихахъ. Затруднительность доступа въ ея домъ не смущала ихъ; они старались обходить его путемъ письменныхъ посланій и ея отецъ всѣ письма такого рода аккуратно передавалъ ей. Она отвѣчала на всѣ письма отказомъ, давая переписывать ихъ отцу, что тотъ и исполнялъ весьма тщательно. Предложенія были отклоняемы съ полнымъ достоинствомъ, безнадежно, но и безъ оскорбленія. Такимъ путемъ отклонены были предложенія всѣхъ молодыхъ людей предмѣстья, въ которомъ она жила. Это нравилось и ея отцу, который придавалъ значеніе только богатству; всѣ тѣ, которые не имѣли обеспеченнаго положенія, или не владѣли прочно установившимися торговыми домами, не пользовались его одобреніемъ. Но, вотъ, появился одинъ такой, соответствующій его видамъ, человекъ и онъ опасался, какъ-бы и ему не отказала его дочь.

Съ этого времени все болѣе начали обостряться отношенія между нею и ея отцомъ. Онъ любилъ и уважалъ торговую дѣятельность, такъ какъ видѣлъ въ ней источникъ богатства; она же, напротивъ, презирала ее, такъ какъ, въ ея глазахъ, это было только источникомъ жадности и обмана. Ея отецъ никакъ не могъ понять, почему, напримѣръ, изящный ювелиръ, соприкасающийся только съ драгоценными предметами, имѣвшій старинный, благоустроенный торговый домъ и которому предстояла блестящая будущность, не удовлетворялъ видамъ его дочери и даже не нравился ей.

Воспитавшись въ строго нравственномъ духѣ и проникнутая великими примѣрами древности, стоило ли ей стремиться къ постиженію героев Плутарха для того, чтобы сочетаться съ какимъ-то купцомъ, который не сталъ бы разсуждать или чувствовать такъ какъ она?

Мадамъ Флипонъ, какъ предусмотрительная мать,

желала, чтобы она въ одинаковой степени познала и кухню и гостиную, умѣла бы ходить на рынокъ, такъ же какъ и на прогулку, а потому и брала ее съ собой, или же предоставляла ей самой заботиться о необходимомъ. Случались при этомъ и комическіе эпизоды. Такъ, одинъ мясникъ, имѣвшій около 50000 франковъ капитала и рассчитывавшій еще значительно увеличить его, овдовѣлъ. Манонъ объ этомъ ничего не знала, но стала замѣчать, что въ его лавкѣ ей особенно служивали, и очень удивлялась, что этотъ господинъ постоянно встрѣчался ей, во время ея воскресныхъ прогулокъ, въ изящныхъ костюмахъ и отвѣшивалъ ей почтительные поклоны. Такъ продолжалось все лѣто. Когда однажды Манонъ захворала, мясникъ предупредительно посылалъ каждое утро узнавать о состояніи ея здоровья и о нѣкоторыхъ ея желаніяхъ, которыя могли касаться его услугъ. Это участіе замѣчено было и ея отцомъ, которому оно доставило недурной поводъ къ шуткамъ и нѣкоторому развлеченію, пресерьезно увѣрять дочь, что онъ далекъ отъ мысли принуждать ея чувства. Онъ говорилъ, что мясникъ дѣлаетъ ей предложеніе, и что онъ хочетъ только узнать ея рѣшеніе. Тогда она впадала въ тотъ же тонъ и увѣряла его, что въ своемъ настоящемъ положеніи чувствуетъ себя очень хорошо, не желаетъ измѣнять его еще много лѣтъ, но дальнѣйшіе шаги въ подобныхъ дѣлахъ представляетъ ему.

Тогда, въ очень вѣжливой формѣ, отецъ далъ ей понять, что она слишкомъ разборчива; какого-же, въ сущности, мужа она ожидаетъ и чего требуетъ? На это Манонъ ему возразила, что онъ же самъ поощрялъ развитіе ея умственныхъ способностей, и не хочетъ ли теперь, чтобы она забросила свое образованіе? Хотя она еще и не обдумала, какого мужа она себѣ изберетъ, но знала только то, что возьметъ непременно такого, съ которымъ она могла бы обмѣниваться своими

мыслями и съ которымъ она бы дѣлила свои чувства. Отецъ говорилъ, что и купцы получаютъ воспитаніе и образованіе. Манонъ этого не оспаривала, но находила, что они не отвѣчаютъ ея видамъ. Ихъ воспитаніе ограничивается вѣжливымъ обхожденіемъ и поклонами, всѣ же познанія ихъ касаются только денежныхъ оборотовъ. При такихъ условіяхъ она не можетъ найти человѣка по своему вкусу. Ей не нравилось также, что богатство купцовъ пріобрѣтается путемъ барышничества, т.-е. продажей дорогою цѣною предметовъ, достоящихся имъ дешево, и нерѣдко съ обманомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что они сильно притѣсняютъ своихъ бѣдныхъ работниковъ. Сама бы она никогда не могла предаться подобной дѣятельности, или быть въ состояніи уважать того, кто только этимъ и занятъ съ утра до вечера.

Манонъ находила весьма забавнымъ сочинять письма съ отказами и ей нравилось наблюдать, съ какою тщательностью переписывалъ ихъ отецъ. Она вела съ нимъ нѣкоторую игру, обсуждая общіе интересы съ такою важностью, какую заслуживало дѣло, какъ въ отношеніи ея лично, такъ и въ отношеніи поддержанія отцовскаго благоразумія.

Дѣлали предложенія также многіе писатели и ученые, но никто изъ нихъ не имѣлъ счастья понравиться Манонъ. Одинъ изъ ея учителей влюбился въ нее, но ему немедленно же было отказано, какъ только это замѣтили ея родители.

Съ нѣкоторыхъ поръ мадамъ Флипонъ стала прихварывать. Съ ней приключился даже легкій ударъ, но она не хотѣла называть свою болѣзнь иначе какъ ревматизмомъ, чтобы ея дочь не слишкомъ беспокоилась. Она сдѣлалась очень серьезной и неразговорчивой, съ каждымъ днемъ замѣтно ослабѣвали ея силы и она старалась удалять отъ себя всѣхъ, кто мѣшалъ ей сосредоточиться въ самой себѣ. Но съ Манонъ она чаще

стала говорить о замужествѣ, выражая сожалѣніе, что та до сихъ поръ еще не остановила ни на комъ изъ дѣлавшихъ ей предложеніе своего вниманія. Однажды она начала убѣждать ее принять предложеніе нѣкоего почтеннаго человѣка, торговца ювелирными издѣліями, восхваляла его высокую честность, его богатство и безукоризненное воспитаніе, увѣряя, что онъ хорошо понималъ Манонъ, цѣнитъ ея необыкновенныя способности и почелъ бы для себя счастьемъ подчиниться ея вліянію. Супружество во всякомъ случаѣ лучше, еслибъ оно даже и не вполнѣ отвѣчало исканіямъ дочери, нежели скучный жребій старой дѣвы! Она ссылалась на возможность своей скорой смерти и сокрушалась о томъ, что могло предстоять Манонъ, когда она останется вдвоемъ съ отцомъ; онъ еще молодъ, и она не можетъ безъ опасенія предвидѣть, какія заботы тогда выпадутъ на ея долю. Какъ бы она была спокойна, еслибъ ея дочь, прежде чѣмъ ей предстоитъ покинуть этотъ свѣтъ, согласилась бы выйти замужъ за уважаемаго человѣка!

Такія разсужденія матери заставили Манонъ содрогнуться; ей казалось, что мать пророчески вскрываетъ завѣсу того мрачнаго будущаго, мысль о которомъ еще ни разу не приходила ей въ голову. Она никогда не представляла себѣ, что можетъ потерять свою мать. Одно напоминаніе объ этой потерѣ, о которой она говорила такъ, какъ будто она была уже очень близка къ этому, наполнило ее страхомъ; дрожь пробѣжала по ея тѣлу и она, со слезами на глазахъ, посмотрѣла на мать такимъ тревожнымъ взглядомъ, что та улыбнулась и сказала:

— Какъ, ты уже безпокоишься? Развѣ нельзя говорить о возможности того, что неизбежно должно когда-нибудь случиться? Я вѣдь не очень еще больна, хотя и нахожусь въ такомъ переходномъ состояніи, когда необходимо считаться со всякими случайностями. Это

только подходящій поводъ къ тому, чтобы серьезно предостеречь тебя отъ нихъ. Хорошій и достойный человекъ интересуется тобой. Тебѣ теперь болѣе двадцати лѣтъ, и съ этихъ поръ ты уже не можешь рассчитывать на столько ухаживателей, какъ въ предшествовавшія пять лѣтъ. Я могу умереть... не отказывая жениху..., который, правда, не обладаетъ всѣми искомыми тобою достоинствами, а они, вообще, весьма рѣдки, даже у тѣхъ, у которыхъ можно вполне предполагать ихъ, но онъ будетъ любить тебя и ты будешь съ нимъ счастлива!

— Да, мама, такое счастье, какъ твое!—возразила Манонъ съ глубокимъ вздохомъ.

Мадамъ Флипонъ смутилась и замолчала. Съ этихъ поръ она уже никогда болѣе не говорила съ дочерью о бракѣ и не пробовала побуждать ее принять какое либо рѣшеніе. Вышеприведенный отвѣтъ Манонъ матери вполне ясно показалъ, какъ правильно она опредѣлила взаимныя отношенія своихъ родителей и, въ то же время, выразила свои чувства къ мужчинамъ, вообще. Посторонніе видѣли, конечно, съ перваго же взгляда разницу между матерью и отцомъ; но никто не могъ оцѣнить превосходство первой такъ, какъ Манонъ. Молодая дѣвушка не могла, конечно, даже приблизительно, судить о томъ, что испытывала бѣдная женщина въ своемъ бракѣ, такъ какъ съ ранняго дѣтства привыкла видѣть въ домѣ царившимъ глубокой миръ, но не догадывалась, насколько тяжело было матери поддерживать его. Отецъ всегда былъ внимателенъ къ женѣ и очень любилъ свою дочь. На лицѣ мадамъ Флипонъ никогда не замѣчали и тѣни укоризны или неудовольствія; если она иногда и не соглашалась съ мнѣніемъ мужа, хотя и не могла его измѣнить, то представляли себѣ, что она безъ всякаго затрудненія покорялась ему. Въ послѣдніе же годы, когда отецъ сталъ раздражительнѣе, въ споры вмѣшивалась Манонъ, на-

чинавшая пріобрѣтать надъ нимъ нѣкоторое вліяніе, и онъ охотнѣе подчинялся ей, нежели женѣ. Въ присутствіе Манонъ онъ не осмѣливался придирается къ ней. Манонъ съ большимъ тактомъ умѣла обходить молчаніемъ непріятности, вызывавшіяся случаями отлучекъ отца изъ дома, и дѣлала видъ, что забывала о нихъ. Во время его отлучекъ, она умѣла защищать его передъ другими, какъ супруга своей матери; а такъ какъ это былъ ея отецъ, то посторонніе умолкали, если находили, что защиты онъ не особенно заслуживаетъ.

Съ нѣкотораго времени Манонъ стала замѣчать, что отецъ все болѣе и болѣе утрачивалъ охоту къ работѣ и чаще отлучался. Въ немъ начинала развиваться страсть къ игрѣ подъ впечатлѣніемъ усилившагося въ немъ желанія разбогатѣть; использованіемъ своего искусства достигъ этого ему не удавалось и онъ возложилъ надежды на благопріятный случай въ игрѣ. Дѣло дошло до того, что онъ упустилъ почти всѣхъ своихъ кліентовъ и его предпріятіе пришло въ упадокъ. Мадамъ Флипонъ очень задумывалась надъ этимъ и все чаще высказывала дочери свои опасенія; но послѣдняя старалась успокоивать ее и въ то же время подыскивала способы, какъ бы отвлечь надвигающуюся опасность. Она старалась во всемъ угождать матери. Такъ какъ мадамъ Флипонъ уже рѣдко и неохотно выходила, то Манонъ рѣшилась сопровождать отца, что очень радовало и успокоивало больную. Но, господинъ Флипонъ скоро пересталъ этимъ довольствоваться и, погулявъ съ дочерью и проводивъ ее домой, вновь отлучался. „На одну минутку“, какъ говорилъ онъ; однако, возвращался не ранѣе полуночи. Тогда мать и дочь вмѣстѣ плакали. Иногда, при его возвращеніи, Манонъ упрекала его, но онъ не обращалъ на это вниманія или отшучивался; или же, иногда, ни слова не отвѣчая, немедленно же уходилъ опять. Такимъ образомъ, постепенно исчезало домашнее счастье въ этой

семьѣ, но наружный видъ спокойствія ничѣмъ не нарушался, и чужой равнодушный взглядъ не могъ бы замѣтить перемѣны, которая ощущалась со дня на день все болѣе и болѣе.

Мать быстро приближалась къ своей кончинѣ; тѣмъ не менѣе, ея нѣжная, заботливая дочь не предугадывала скорого наступленія этого жестокаго удара.

Однажды, томимая какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ, Манонъ вдругъ прервала свою прогулку и заторопилась скорѣе возвратиться домой, несмотря на то, что, при ея уходѣ, она оставляла мать, какъ казалось, сравнительно хорошо себя чувствовавшей. Приближаясь къ дому, навстрѣчу ей попалась сосѣдняя дѣвушка и закричала:

— Ахъ, мадемуазель! ваша мать почувствовала себя очень нехорошо!

Въ страшномъ испугѣ, издавъ какой-то звукъ, она быстро вбѣжала въ домъ.

Она нашла мать сидящею въ креслѣ съ опущенной головой и повисшими руками; глаза не имѣли выраженія, ротъ полуоткрытъ. Лишь только мадамъ Флипонъ увидѣла дочь, какъ лицо ея нѣсколько оживилось и она хотѣла заговорить, но могла только съ трудомъ пробормотать нѣсколько словъ, изъ которыхъ едва можно было понять, что она ожидала Манонъ съ нетерпѣніемъ. Съ усиліемъ подняла она одну руку и вытерла слезы съ лица дочери, погладила ее, какъ бы желая успокоить, и опять попробовала заговорить, но напрасно. Ударъ обезсилилъ ее. Манонъ послала за докторомъ, сама сбѣгала въ аптеку, дѣлала различныя распоряженія, но тотчасъ же сама и приводила ихъ въ исполненіе; однимъ словомъ, она выказала такую расторопность, что казалось, какъ будто она вовсе и не отходила отъ постели больной и въ то же время дѣлала все необходимое въ такихъ случаяхъ. Въ 10 часовъ ночи мадамъ Флипонъ почувствовала себя уже настолько дурно, что

пригласили священника для совершенія таинства миропомазанія. Манонъ стояла у кровати и держала подсвѣчникъ, не сводя глазъ съ своей возлюбленной, умирающей матери; она была поглощена только одной мыслью и, наконецъ, силы ея не выдержали. Подсвѣчникъ выпалъ изъ ея рукъ и она безъ чувствъ упала на полъ.

Когда Манонъ пришла въ себя, то увидѣла, что находится въ другой комнатѣ, окруженная разными лицами. Нѣсколько времени спустя, въ комнату вошелъ отецъ, блѣдный и безмолвный, и на тихо заданный ему вопросъ, могъ только отвѣтить движеніемъ головы, что у всѣхъ вызвало глубокий вздохъ. Манонъ незамѣтно выбѣжала изъ комнаты и поспѣшила къ матери, но ея уже не стало!.. Она не хотѣла вѣрить дѣйствительности, взяла руку матери, подняла ея рѣсницы и опять опустила ихъ, такъ какъ скрытые подъ ними глаза уже никогда не будутъ смотрѣть; но этому она не хотѣла вѣрить!

Манонъ охватилъ ужасъ; ее душили рыданія и она думала, что задохнется; это были даже не рыданія, а какое то хрипѣніе, столь громкое, что его можно было слышать даже на улицѣ. Прошла цѣлая недѣля, но Манонъ не въ состояніи была во все это время пролить ни одной слезы.

Отецъ, въ траурной одеждѣ, подошелъ къ ея постели и принялся по-своему утѣшать ее. Конечно,—говорилъ онъ,—утрата ничѣмъ вознаградима, но судьба все-таки распорядилась милостиво, отозвавъ мать, воспитательное дѣло которой закончено, и оставивъ ей отца, который будетъ болѣе полезнымъ для ея счастья. Такимъ страннымъ, сухимъ утѣшеніемъ, совершенно несоотвѣтствовавшимъ ея душевному настроенію, Манонъ была страшно поражена. Въ первый разъ постигла она все то, что отдаляло ее отъ отца; ей казалось, что онъ нарочно вскрылъ тотъ покровъ почтенія, подъ ко-

торымъ она его наблюдала. Въ этотъ моментъ она сразу почувствовала себя совершенно осиротѣвшей; ея матери не стало и она видѣла, что отецъ никогда не пойметъ ее. Новое горе залегло на ея сердце и ею вновь овладѣло состояніе жестокаго сомнѣнія. Только благодаря добротѣ и усиленнымъ попеченіямъ близкихъ родственниковъ, Манонъ была избавлена отъ неминуемой смерти. Объ этомъ она сама говоритъ такъ: „Ахъ, еслибъ могъ наступить тогда конецъ моему существованію! это было мое первое горе, за которыми послѣдовало уже сколько другихъ испытаній!“

Съ этого времени заканчивается мирная, свѣтлая эпоха счастливыхъ годовъ благоденствія, нѣги и любимыхъ наукъ, подобная прекрасному весеннему утру, когда ясное небо, чистота воздуха, рожденіе молодой листвы, благоуханіе растений, все что живетъ и дышетъ, развивается, приводитъ въ восторгъ и сулитъ безконечное счастье.

Когда Манонъ уже значительно оправилась, къ ней начали допускать знакомыхъ, чтобы снова поставить ее въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ. Казалось, что онъ вовсе пересталъ существовать для нея; она не обращала никакого вниманія на происходившее вокругъ, не отвѣчала на вопросы, или отвѣчала только на собственные мысли, хотя какъ будто зарождавшіяся и не въ ея головѣ, и ее можно было принять за душевнобольную. Образъ ея возлюбленной матери неотступно виталъ передъ ея возбужденнымъ взоромъ и вызывалъ въ ея памяти ужасную утрату. Она часто отчаянно вскрикивала, ея растопыренные руки костенѣли и мучился разумъ.

Но, наконецъ, здоровье ея совершенно возстановилось. Ей исполнился уже двадцать-одинъ годъ, какъ въ первый разъ въ ея руки попалъ томъ сочиненій Руссо. Она увлеклась ими съ такимъ восторгомъ, что казалось, какъ-будто они именно и были ея настоящей

духовной пищей. Во время своей болѣзни она находилась въ домѣ своихъ добрыхъ родственниковъ; по выздоровленіи же ей пришлось возвратиться къ отцу. Сердце ея болѣзненно сжалось при видѣ наполовину опустѣвшаго жилища. Во избѣжаніе опаснаго вліянія на состояніе ея духа, сочли умѣстнымъ удалить со стѣны портретъ ея матери; но она потребовала возвратить его на прежнее мѣсто. Теперь заботы о домашнемъ хозяйствѣ всецѣло легли на нее, но она ими нисколько не тяготилась.

Наиболѣе важнымъ обстоятельствомъ въ ея жизни теперь были заботы о ея личномъ будущемъ. Она хотѣла быть сама кузнецомъ своего счастья и не любила, когда другіе вмѣшивались въ ея частныя дѣла. Первое время своего вдовства господинъ Флипонъ проявлялъ стремленіе удерживаться дома; но это вскорѣ же ему наскучило. Манонъ пробовала бесѣдовать съ нимъ, но мысли ихъ мало имѣли между собою общаго; кромѣ того, онъ избѣгалъ съ нею разговоры о такихъ предметахъ, по поводу которыхъ могъ встрѣтить серьезные возраженія дочери. Онъ зналъ, что его дочь ненавидѣла игру въ карты, и если иногда и играла съ нимъ, то только изъ желанія ему угодить. При такихъ условіяхъ, конечно, господинъ Флипонъ, имѣвшій сильное пристрастіе къ карточной игрѣ, не могъ безъ скуки предаваться ей съ дочерью; общество же, въ которомъ онъ вращался, казалось ему не достаточно для нея личнымъ.

Мать всегда предпочитала одиночество и объ этомъ Манонъ писала слѣдующее: „Въ бракѣ, въ которомъ супруги не подходятъ другъ къ другу, не можетъ быть соблюдаема добродѣтель согласія и мира; зато недостатокъ въ счастіи рано или поздно усиливается и приводитъ къ болѣе или менѣе полному разочарованію. Прочность такихъ связей походитъ на нашу государственную политическую систему, которой недостаетъ

твердости, и, въ одинъ прекрасный день, она должна обрушиться, несмотря на примѣненіе искусства въ ея созиданіи“.

Такъ и въ сожителствѣ родителей Манонъ все шло хорошо до тѣхъ поръ, пока жена была молода и господинъ Флипонъ имѣлъ достаточно работы и находилъ утѣхи въ своемъ домѣ, что его вполне удовлетворяло. Но она была на цѣлый годъ старше его и рано начала прихварывать; самъ онъ, увлекаемый разными идеями и посторонними дѣлами, сталъ равнодушнѣе относиться къ настоящему своему призванію. Вскорѣ же по истеченіи годового траура онъ обзавелся любовницей, чтобы не дать своей дочери мачехи, и опять началъ вести игру, рассчитывая этимъ поправить свои разстроенныя дѣла. Но выходило такъ, что они еще болѣе приходили въ упадокъ. Манонъ видѣла, какъ въ рукахъ ея отца исчезало оставленное ей въ наслѣдство достояніе матери, но считала неприличнымъ дѣлать ему изъ-за этого упреки, молчала и избѣгала всякихъ столкновеній съ нимъ.

Итакъ, она была предоставлена самой себѣ, погруженная въ мелочи домашняго хозяйства и въ свои любимыя науки; но и отъ этихъ занятій ей приходилось постоянно отрываться, чтобы, въ отсутствіе отца, объясняться съ посѣтителями по его дѣламъ.

Научными занятіями она очень дорожила еще и потому, что въ нихъ находила единственное утѣшеніе. Оставаясь постоянно одинокой, часто грустно настроенная, она почувствовала потребность писать. Она любила отдавать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, и ея перо отлично помогало ей въ этомъ. Такихъ записокъ у ней накопилось довольно много и она дала имъ одно общее заглавіе: «Труды досуга и различныя впечатлѣнія». Но изъ этого не вытекало для нея никакого желанія сдѣлаться писательницей; она находила, что женщина, пріобрѣтшая такое званіе, скорѣе теряла, нежели

выигрывала. Мужчины не любятъ такихъ женщинъ, собственный ихъ полъ подвергаетъ ихъ критикѣ. Если работы ея плохи, то надъ нею смѣются, какъ это и быть должно; если, наоборотъ, онѣ оказываются хорошими, то ихъ у нея оспариваютъ.

Одинъ ея знакомый, Сентъ-Леттъ, съ которымъ она охотно вела бесѣды, такъ какъ онъ много путешествовалъ, много видѣлъ и умѣлъ хорошо рассказывать, однажды сказалъ ей:

— Мадемуазель, вы можете отнѣкиваться сколько вамъ угодно, но вы непременно издадите ваши сочиненія!

— Тогда они выйдутъ подъ чужимъ именемъ, отвѣтила Манонъ,—такъ какъ я лучше откушу себѣ пальцы, нежели сдѣлаюсь писательницей.

Въ декабрѣ 1775 года, когда Манонъ все еще не снимала траура по своей покойной матери, и находилась въ томъ грустномъ настроеніи, которое слѣдуетъ за страшнымъ горемъ, ей представился нѣкій господинъ и вручилъ рекомендательное письмо отъ Софін Каннэ; кто бы ни былъ являющійся при такихъ условіяхъ, могъ быть увѣренъ въ самомъ любезномъ пріемѣ. Подруга писала: „Податель настоящаго письма, философъ господинъ Роланъ де-ля-Платьеръ, о которомъ я часто говорила тебѣ. Это очень просвѣщенный и высоконравственный человѣкъ, которого можно упрекнуть развѣ только въ его излишнемъ пристрастіи къ древнимъ въ ущербъ современникамъ, которыхъ онъ не цѣнитъ, и, кромѣ того, за нѣкоторую слабость охотно говорить о себѣ“.

Манонъ нашла, что такое изображеніе было слишкомъ поверхностнымъ, но въ общихъ чертахъ выведено удачно и вѣрно. Господину Ролану въ то время было уже за сорокъ лѣтъ, онъ былъ высокаго роста, до нѣкоторой степени пренебрегалъ своей внѣшностью, не отличался особенной подвижностью, какъ человѣкъ, серьезно преданный наукамъ. Его обращенія были про-

сты и непринужденны, не обнаруживали свѣтскаго лоска; они были простою вѣжливостью благовоспитаннаго чловѣка въ связи со сдержанностью настоящаго философа. Онъ былъ худощавъ, имѣлъ смуглый цвѣтъ лица; его лобъ, благодаря недостатку волосъ казавшійся нѣсколько высокимъ, не вредилъ общимъ правильнымъ чертамъ его лица, но придавалъ ему видъ болѣе почтенный, нежели привлекательный. Тонкая улыбка и живое выраженіе глазъ обращали на себя особенное вниманіе. Его разговоръ былъ дѣловитъ, голова полна идеями и была занята обдумываніемъ услышаннаго настолько, насколько оно того заслуживало. Въ теченіе года Манонъ нѣсколько разъ видѣлась съ Роланомъ. Онъ приходилъ къ ней не часто, зато каждый разъ охотно засиживался; онъ совершалъ свои посѣщенія не исключительно для бесѣдъ, но какъ чловѣкъ, котораго тянетъ болѣе туда, гдѣ онъ пріятно себя чувствуетъ. Его поучительныя и откровенныя рѣчи не надѣдали молодой дѣвушкѣ, а ему нравилось имѣть умную слушательницу. Она имѣла способность вдумываться, что, какъ это нерѣдко бываетъ, не всегда встрѣчается, въ особенности у женщинъ. Когда господинъ Роланъ познакомился съ Манонъ, онъ только-что пріѣхалъ изъ Германіи; годъ спустя, онъ готовился къ продолжительной научной поѣздкѣ въ Италію. Передъ своимъ отъѣздомъ туда, онъ передалъ Манонъ объемистую пачку своихъ рукописей, для прочтенія и сохраненія, на случай какого-либо несчастія. Этимъ знакомъ довѣрія она была очень польщена. Къ тому же, изъ прочтенія рукописей она надѣялась лучше понять его характеръ и душевныя качества, нежели то же самое могли дать ей частыя съ нимъ личныя сношенія.

Твердая душа, строгая честность, непоколебимыя убѣжденія, глубокія познанія и вкусъ обнаружили въ его сочиненіяхъ съ полною ясностью. Господинъ Роланъ происходилъ изъ почтенной, знатной семьи.

Родившись въ достаткѣ, ему пришлось, еще молодымъ чловѣкомъ, пережить разореніе своихъ родителей; причиной тому было, съ одной стороны, неумѣніе вести хозяйство, съ другой — ихъ чрезмѣрная расточительность. Одно время, благодаря совѣтамъ и внушеніямъ родственниковъ, онъ очутился на перепутьѣ между монашеской рясой и званіемъ купца, и, безъ всякихъ средствъ, на девятнадцатомъ году своей жизни ему пришлось покинуть родительскій домъ. Стремленіе къ наукамъ и далекія путешествія привели его къ разностороннему образованію. Покидая родительскій домъ, онъ намѣревался совершить путешествіе въ Индію; но болѣзнь помѣшала ему выполнить задуманный планъ. Онъ отправился въ Руанъ къ одному родственнику, инспектору мануфактуръ, и поступилъ къ нему въ контору на службу, выказавъ себя весьма способнымъ и пригоднымъ въ этомъ дѣлѣ. По смерти родственника, Роланъ занялъ его мѣсто.

Вернувшись изъ Италіи, Роланъ нашелъ себя въ Манонъ подругу, которая очень обрадовалась его пріѣзду; его серьезность, обращеніе, образъ жизни, всецѣло посвященный наукамъ — все это дѣлало его въ ея глазахъ какъ бы безполымъ существомъ, или философомъ, который только и жилъ однимъ разсудкомъ. Какая-то особенная искренность установилась между ними, и онъ чаще сталъ навѣщать Манонъ. Прошло пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ познакомился съ ней, какъ вдругъ однажды онъ объяснился ей въ любви. Она не отнеслась къ этому равнодушно, такъ какъ цѣнила его выше всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ ей приходилось до сихъ поръ изучать. Она откровенно отвѣтила ему, что предложеніе его чрезвычайно льститъ ей, но не думаетъ, что можетъ составить ему хорошую партію, и разсказала, ничего не скрывая, о своемъ положеніи. Она говорила, что отецъ ея разоренъ, но сама она горда для того, чтобы подвергаться упрекамъ семьи, которая не

будетъ чувствовать особой чести отъ связи съ нею, или чтобы прикрываться великодушіемъ супруга, который вынужденъ будетъ терпѣть изъ-за нея только одни оскорбленія. Манонъ совѣтовала Ролану не думать о ней и не интересоваться ею, какъ-будто она была для него лицомъ постороннимъ. Но онъ настаивалъ. Ее это тронуло, и она дала свое согласіе, но съ тѣмъ, чтобы онъ просилъ ея руки у отца. Было рѣшено, что онъ отправится домой и оттуда пошлетъ къ ея отцу письмо.

Господинъ Флипонъ нашелъ письмо сухимъ; онъ не любилъ сдержанности Ролана, не хотѣлъ имѣть такого строгаго зятя, за взгляды котораго на жизнь онъ называлъ его судьей нравовъ. Онъ отвѣтилъ ему холодно и даже дерзко, но сообщилъ объ этомъ дочери уже послѣ того, какъ написалъ отвѣтъ. Въ свою очередь, она также рѣшила написать Ролану, что ея опасенія относительно отца сбылись и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая подвергать его непріятностямъ и со стороны его родныхъ, она проситъ его отказаться отъ своихъ намѣреній. Затѣмъ она сказала отцу, что его поведение ставить ее въ такое положеніе, которое заставляетъ ее принять нѣкоторыя мѣры, и предупредила, чтобы онъ не удивлялся послѣ этого ея рѣшенію удалиться въ тотъ монастырь, въ которомъ она провела цѣлый годъ, будучи еще ребенкомъ.

Это намѣреніе она не замедлила привести въ исполненіе и переселилась туда. При этомъ ей пришлось ограничиться тѣми небольшими средствами, какія были въ ея распоряженіи. Картофель, рисъ, бобы, съ небольшимъ количествомъ масла и соли, составляли ея пищу, не требовавшую большой затраты времени для ея изготавленія. Два раза въ недѣлю она выходила: одинъ разъ къ бабушкѣ, другой разъ къ отцу, чтобы помочь ему въ его хозяйствѣ и привести въ порядокъ его бѣлье; вещи, требовавшія починки, она брала съ собой. Остальное время она проводила въ своихъ четырехъ

стѣнахъ, всецѣло погружаясь въ любимыя науки. Она рѣшила покориться своей жестокой участи и какъ бы мстила себѣ за то, что вознамѣрилась отвоевать себѣ счастье, до котораго не хотѣла допустить ее судьба. Нерѣдко она впадала въ состояніе меланхоліи; но и оно имѣло для нея свою особую привлекательность, и если Манонъ не была счастлива, то, по крайней мѣрѣ, имѣла все необходимое, чтобы быть таковой. Она начала гордиться даже своимъ умѣніемъ обходиться безъ того, чего ей недоставало.

Господинъ Роланъ былъ очень удивленъ и огорченъ, но продолжалъ писать къ ней какъ влюбленный, не смотря на нанесенное ему отцомъ ея оскорбленіе. По прошествіи полугода, онъ появился у рѣшетки пріемной комнаты въ монастырѣ и, къ своему удивленію, нашелъ Манонъ въ цвѣтущемъ состояніи здоровья. Онъ просилъ ее покинуть монастырь и еще разъ предложилъ ей свою руку. Тогда ей пришла въ голову довольно оригинальная мысль. Она находила, что другой мужчина, если бъ не былъ въ возрастѣ сорока-пяти лѣтъ, не сталъ бы ждать цѣлыхъ полгода для возобновленія своего предложенія. Одно это такъ расхолодило ея чувства, что отъ иллюзіи не осталось уже никакого слѣда. Съ другой стороны, рассуждала она, такое благосклонное возобновленіе сдѣланнаго ей предложенія доказывало, что онъ цѣнилъ ее и преодолѣлъ свою обиду посторонними обстоятельствами, которыя долженъ былъ принять въ расчетъ при связи съ нею. Она сказала себѣ: „Если бракъ, какъ я его себѣ представляю, есть дѣйствительно честный союзъ и соглашеніе, когда женщина обыкновенно на себя переноситъ счастье обоихъ людей, то не лучше ли испытать свои способности и силу воли въ этой почтенной задачѣ, нежели глушить ихъ въ уединеніи, въ которомъ я живу?“

Итакъ, она рѣшилась и стала его женой. Чѣмъ болѣе онъ узнавалъ ее, тѣмъ сильнѣе разгоралась въ

немъ любовь къ ней. Она строго обсудила свое вступленіе въ бракъ и не нашла ничего, что бы могло ее отворотить отъ этого. Она посвятила себя ему всецѣло, руководствуясь скорѣе сердцемъ, нежели разсудкомъ. Но чѣмъ болѣе казался счастливымъ ея мужъ, тѣмъ сильнѣе она замѣчала, что чего-то недостаетъ для полноты ея счастья. Несмотря на это, она не переставала видѣть въ Роланѣ достойнѣйшаго изъ мужей, чувствуя, однако, что онъ не обладаетъ достаточною твердостью характера; между тѣмъ, такіа превосходства, какъ его властолюбивый нравъ и разница въ возрастѣ на двадцать лѣтъ должны были бы способствовать къ укрѣпленію ея. Размышленія надъ тѣмъ и другимъ мучительно занимали ея время, когда она находилась дома; когда же они вмѣстѣ отправлялись въ гости, то она замѣчала, что эти качества ея мужа могли быть для нея небезопасными. Поэтому она предпочитала болѣе сидѣть дома и погружаться въ его работы. Но отсюда проистекалъ другой вредъ. Онъ такъ сильно привыкъ къ ея сотрудничеству, что ни за что на свѣтѣ и ни одной минуты не хотѣлъ оставаться безъ нея.

Она любила и уважала своего мужа, какъ покорная дочь почитаетъ своего добродѣтельнаго отца, для котораго готова была бы пожертвовать даже своимъ возлюбленнымъ. Она оставалась вѣрна своему долгу, но ея невинность не позволяла ей скрывать тѣхъ чувствъ, которыя она къ нему питала. Роланъ же былъ чрезвычайно обидчивъ и самолюбивъ и не могъ выносить ни малѣйшаго нарушенія въ своемъ превосходствѣ. Онъ мучился предчувствіями, ея же сердца его ревность; онъ боготворилъ свою жену, она жертвовала ему собою, и оба были несчастливы!

Роланъ занимался просмотромъ и подготовкой къ печати своей рукописи объ Италіи. Мадамъ Роланъ была переписчицей и корректоршей печатныхъ оттисковъ и выполняла эту работу съ покорностью, но не

могла воздерживаться иногда отъ смѣха. Это тянулось годами, пока она, наконецъ, не возмутилась, постигнувъ, что онъ далеко не все знаетъ лучше, чѣмъ она!

Въ то время она ходила на лекціи общей естественной исторіи и специально ботаники, и это было единственнымъ развлеченіемъ трудолюбивой женщины между ея секретарскими и хозяйственными занятіями. Они жили въ Парижѣ, въ меблированномъ отелѣ. Такъ какъ здоровье Ролана было довольно слабое, то она сама стряпала для него кушанья.

Затѣмъ слѣдуютъ дальнѣйшіе четыре года, въ теченіе которыхъ они проживали въ Амьенѣ, гдѣ мадамъ Роланъ сдѣлалась матерью; сама ухаживая и вскармливая грудью своего ребенка, она не прерывала сотрудничества въ работахъ мужа, который принялъ тогда участіе въ составленіи многихъ отдѣловъ большой энциклопедіи. Участившіяся заболѣванія Ролана прибавили ей заботъ и работы; но, благодаря ея попеченіямъ, возникали новыя связи и онъ еще сильнѣе полюбилъ ее за ея самоотверженіе и ту доброту, которая она такъ беззавѣтно отдавала ему.

Затѣмъ они поселились въ Вилльфраншѣ, въ родительскомъ домѣ Ролана. Въ немъ проживала его мать вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ, и часть дома имъ пришлось уступить. Мадамъ Роланъ разсказывала, что могла бы очень многое написать по поводу обычаевъ этого маленькаго городка и ихъ вліянія на нее, въ особенности же о той страшной скукѣ, которая царила въ домѣ вслѣдствіе совмѣстной жизни со старою, но своенравной и прихотливой женщиной и ея неменѣе сумасброднымъ сыномъ.

Многіе больные, отчаявшіеся въ благотворной помощи мѣстнаго врача, обращались къ мадамъ Роланъ за медицинскими совѣтами, и послѣдніе часто приносили болѣе пользы, нежели предписанныя врачомъ лѣкарства. Такъ, вслѣдствіе своихъ усиленныхъ заботъ,

ей удалось, въ 1789 году, спасти отъ смерти и своего мужа. Двѣнадцать дней и ночей она безсмѣнно дежурила у его постели, не раздѣваясь, и, чувствуя сама себя нездоровой, продолжала въ теченіе шести мѣсяцевъ неотступно ухаживать за нимъ во время возстановленія имъ своихъ силъ.

Но, предоставимъ мадамъ Роланъ самой говорить о ея замужествѣ: „Боже мой! какую плохую услугу оказали мнѣ тѣ, кто открылъ завѣсу, за которой я любила пребывать. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ моей жизни я работала вмѣстѣ съ мужемъ такъ, какъ и ѣла, потому что для меня было естественно и то и другое. Когда кто либо ссылался на какое либо мѣсто его трудовъ, которое имѣетъ болѣе плавный стиль, нежели другое, когда хвалили ихъ академическій вздоръ, то мнѣ не нравилось воспоминаніе о томъ, что это я ихъ сочиняла. Если дѣло касалось необходимости сочинить для министерства длинную, обличительную рѣчь, то въ нее я вкладывала всю свою душу; само собою понятно, что отъ этого получались лучшія выраженія, нежели ихъ могли бы создать самыя усердныя старанія любого секретаря. Я любила свою страну, я была воодушевлена стремленіемъ къ свободѣ, и не знала никакого другого интереса, никакой другой страсти, которые могли бы сравниться съ этою любовью; мой способъ выражаться долженъ былъ быть яснымъ и вдохновеннымъ, такъ какъ онъ исходилъ изъ глубины моего сердца! Важность предмета захватывала меня такимъ образомъ, что я сама себя забывала!“

Зимой 1787 года, на 88 году своей жизни, умеръ отецъ мадамъ Роланъ. Онъ не женился вторично. Проматавъ свое имущество, а затѣмъ и имущество бабушки Флипонъ, ему пришлось прекратить свои дѣла, при чемъ Роланъ положилъ ему небольшую пенсію и уплатилъ его долги. Онъ былъ вообще недоволенъ своей дочерью и ея мужемъ и въ высшей степени несправедливъ къ

нимъ; это усиливалось еще тѣмъ, что онъ не могъ выносить сознанія необходимости очутиться въ зависимомъ отъ нихъ положеніи.

Когда возгорѣлась революція, Роланъ былъ еще генераль-инспекторомъ фабрикъ и заводовъ въ Ліонѣ. Отъ одной мысли о революціи онъ и его жена были въ сильномъ возбужденіи. Какъ друзья человѣчества и свободы, они вѣрили въ возрожденіе рода человѣческаго и надѣялись принять дѣятельное участіе при освобожденіи тѣхъ классовъ народа, о судьбѣ которыхъ они такъ часто печалились. Ихъ свободолюбивыя мысли смущали многихъ людей ихъ круга, привычныхъ къ своимъ торгашескимъ разсчетамъ и не понимавшихъ, что лица съ философскимъ взглядомъ могутъ одобрять преобразованіе существующаго порядка въ пользу однихъ и во вредъ другимъ; вслѣдствіе этого, онъ нажилъ себѣ много враговъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приобрѣлъ и нѣкоторыхъ друзей.

Роланъ и его жена всю зиму прожили въ Ліонѣ; они были членами ученыхъ и литературныхъ обществъ этого города. Ролану было поручено сельскохозяиственнымъ обществомъ составить нѣсколько наказовъ для собранія генеральныхъ штатовъ. Его характеръ и убѣжденія какъ разъ соотвѣтствовали тому, чтобы съ радостью встрѣтить революцію, которая обѣщала устраненіе столь тяжелаго положенія народа. Своими способностямъ и воззрѣніемъ онъ былъ обязанъ приглашеніемъ участвовать въ образованіи перваго собранія общиннаго совѣта, которымъ онъ былъ уполномоченъ представлять интересы города, находившагося тогда въ безвыходномъ положеніи задолженности.

Какъ чрезвычайный депутатъ учредительнаго собранія, онъ завязывалъ сношенія съ различными членами, которые посвятили себя народнымъ дѣламъ.

Ко времени его возвращенія домой, въ его положеніи произошла перемѣна, такъ какъ должность гене-

раль-инспектора, которую онъ до сихъ поръ занималъ, была упразднена и ему приходилось позаботиться объ устройствѣ своего положенія на будущее время. Учредительное собраніе, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ засѣданій, вообще упразднило много разныхъ должностей. Ему представлялся выборъ между переселеніемъ въ имѣніе, чтобы жить тамъ на счетъ своихъ литературныхъ трудовъ, и возвращеніемъ въ Парижъ, чтобы привести въ порядокъ накопившійся за его тридцативосьмилѣтнюю государственную дѣятельность матеріалъ для осуществленія своего права на вознагражденіе пенсіею. Онъ предпочелъ послѣднее, и въ декабрѣ 1791 года возвратился въ Парижъ. Но общее положеніе дѣлъ не было таковымъ, которое бы давало надежду, что законодательное собраніе, только на-дняхъ образовавшееся, тотчасъ же займется частными вопросами. Роланъ былъ знакомъ съ Бриссо и вслѣдствіе этого онъ могъ познакомиться съ разными членами законодательнаго собранія. Онъ часто также посѣщалъ засѣданія въ клубъ якобинцевъ. Вскорѣ онъ былъ избранъ секретаремъ этого общества. По вечерамъ онъ часто возвращался домой съ большимъ пакетомъ писемъ. Трудъ по составленію на нихъ отвѣтовъ большею частью принимала на себя мадамъ Роланъ, такъ какъ эта работа представлялась ей всегда пріятною и легкою. Такимъ образомъ, оба они очень усердно работали; но, со стороны казалось, что эту работу производилъ одинъ Роланъ и ее считали чрезвычайной.

По поводу назначенія Ролана министромъ въ своихъ мемуарахъ мадамъ Роланъ говоритъ слѣдующее: „Быть можетъ, меня спросятъ, знала ли я всѣ ближайшія обстоятельства, какимъ образомъ Роланъ былъ приглашенъ въ министерство. Могу увѣрить, что я, дѣйствительно, ихъ не знаю, и что мнѣ самой не приходила въ голову мысль наводить объ этомъ справки. Мнѣ казалось, что это произошло такъ же просто,

какъ и многое другое на свѣтѣ. Кому нибудь одному пришла такая мысль, другіе узнали объ этомъ и одобрили ее, и такимъ образомъ выдвинулся и онъ. Я не знаю, кто первый предложилъ Ролана, какъ единственнаго, о которомъ можно было подумать при назначеніи. Его имя пробудило воспоминаніе о свѣдущемъ человѣкѣ, который писалъ о различныхъ дѣйствіяхъ правительства, который въ этомъ отношеніи имѣлъ большой опытъ и который прежде всего пользовался извѣстностью по своей честности; его возрастъ, нравы, вполне выраженный характеръ, литературные труды еще до революціоннаго періода о его взглядахъ на порядокъ вещей громко и ясно свидѣтельствовали о немъ и показывали его приверженцемъ свободы, дѣлали его достойнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Конечно, и королю не были незнакомы всѣ эти соображенія или, по крайней мѣрѣ, были имъ приняты къ свѣдѣнію при своемъ рѣшеніи. Итакъ, все это вышло весьма естественно; но мы узнали объ этомъ лишь за три дня до образованія новаго министерства. Бриссо зашелъ ко мнѣ; я была одна и онъ повѣдалъ мнѣ, что думаютъ о Роланѣ. Я улыбнулась и спросила его, что дало ему поводъ для подобной шутки; но онъ увѣрилъ меня, что вовсе не шутитъ и что пришелъ именно справиться, согласится ли Роланъ взять на себя такую обузу. Я общала ему переговорить съ Роланомъ и на слѣдующій же день поставить его въ извѣстность о рѣшеніи послѣдняго. Разнообразіе дѣлъ не могло служить препятствіемъ къ усердію Ролана. (Роланъ, также какъ и я, былъ застигнутъ врасплохъ этимъ сообщеніемъ). Онъ, смѣясь, сказалъ мнѣ по этому поводу, что неоднократно видѣлъ посредственныхъ людей, облеченныхъ властью сановниковъ, и что не можетъ особенно удивляться обыкновенному ходу вещей, само же по себѣ дѣло это его не страшитъ. Критическимъ является оно только въ отношеніи интересовъ двора

и неизвѣстности намѣреній короля. Но каждому, кто не хочетъ ничего другого какъ выполненія своихъ обязанностей и кто мало беспокоится о потерѣ своей должности, не представляется опасности для принятія таковой. Кромѣ того, трудолюбивый человѣкъ, сознающій свои способности и надѣющійся своей службой принести пользу отечеству, не могъ бы оставаться равнодушнымъ къ этому. Такимъ образомъ, Роланъ рѣшилъ дѣло въ положительномъ смыслѣ и сообщилъ объ этомъ Бриссо. На другой день, въ 11 часовъ ночи, явился Бриссо въ сопровожденіи Дюмуре, по окончаніи засѣданія домашняго совѣта у короля, и сообщилъ Ролану о его назначеніи министромъ внутреннихъ дѣлъ. Дюмуре, самъ только недавно назначенный министромъ, говорилъ объ искренней благосклонности короля поддерживать конституцію, о его надеждѣ на хорошее состояніе механизма государственнаго управленія, если совѣтъ министровъ поведетъ дѣла съ полнымъ благоразуміемъ. Ролану онъ высказалъ свое особое удовольствіе, что къ управленію призывается такой добродѣтельный, какъ онъ, человѣкъ и явный патріотъ. Бриссо замѣтилъ, что департаментъ внутреннихъ дѣлъ въ настоящее время находится въ полномъ разстройствѣ и что для друзей свободы представится успокоеніе вслѣдствіе порученія его такимъ твердымъ и чистымъ рукамъ. Условились также о томъ, что какъ представленіе его королю, такъ и принесеніе присяги передъ вступленіемъ въ совѣтъ министровъ должны произойти на слѣдующій день. Когда Роланъ въ первый разъ явился во дворецъ въ своемъ обыкновенномъ, съ давнихъ поръ привычномъ ему, костюмѣ, съ вьющимися, просто причесанными, волосами, въ круглой шляпѣ на своей почтенной головѣ и въ башмакахъ со шнурками, то придворные лакеи, придававшіе большое значеніе питавшему ихъ придворному этикету, взглянули на него съ раздраженіемъ,

даже въ нѣкоторомъ родѣ съ отвращеніемъ. Одинъ изъ нихъ съ серьезнымъ видомъ приблизился къ Дюмуре и прошепталъ ему на ухо, указывая глазами на предметъ своего смущенія: „Боже мой, башмаки безъ пряжекъ!“ Дюмуре съ комичной серьезностью воскликнулъ: „Ахъ, все погибло!“ Вотъ, чѣмъ занимались еще при дворѣ; и какъ только эти слова стали извѣстными, они многихъ, кто былъ къ этому расположенъ, заставили смѣяться. Самъ же Людовикъ XVI, несмотря на несоотвѣтствующую этикету внѣшность, принялъ своего новаго министра чрезвычайно любезно.

Когда Роланъ сталъ министромъ, мадамъ Роланъ жила такъ же уединенно, какъ и прежде. Она работала вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и сохранила свои привычки. Такимъ образомъ, она придерживалась заведеннаго ею ранѣе порядка въ домашнемъ быту и уклонялась отъ неудобства быть окруженной толпой любопытныхъ, которые постоянно вьются около высокопоставленныхъ лицъ. Въ министерскомъ дворцѣ она никогда не окружала себя большимъ обществомъ. Два раза въ недѣлю она приглашала къ столу министровъ, депутатовъ и такихъ лицъ, съ которыми ея мужу нужно было переговорить или поддержать сношенія. Среди послѣднихъ она выказывала особое расположеніе къ жирондисту Бюзо. Въ ея присутствіи говорили о всѣхъ обстоятельствахъ, не стѣсняясь, такъ какъ она не имѣла обыкновенія вмѣшиваться; къ тому же, она образовала для себя такой кружокъ, который не могъ бы возбудить недовѣрія. Изъ всѣхъ обширныхъ покоевъ министерскаго дворца, она избрала для себя небольшую гостиную, куда помѣстила свои книги и свой письменный столъ. Часто случалось, что товарищи ея мужа, желавшіе говорить съ министромъ по секрету, вмѣсто того, чтобы итти въ офиціальныя комнаты, гдѣ ихъ могли окружать чиновники и другіе посѣтители, заходили къ ней и просили ее пригласить его сюда. Благодаря этому, она

всегда была осведомлена о текущих дѣлахъ, но не проявляла никакого желанія быть излишне любопытной. Къ тому же Роланъ самъ имѣлъ удовольствіе, въ частной затѣмъ съ нею бесѣдѣ, передавать ей обо всемъ съ тѣмъ довѣріемъ, которое постоянно господствовало между ними, и всегда охотно принималъ къ свѣдѣнію ея познанія и взгляды. Случалось также, что товарищи Ролана, имѣвшіе надобность сдѣлать какое-либо обыкновенное сообщеніе ему, приходили къ ней просить, какъ можно скорѣе самой передать извѣстіе ея мужу; часто въ ея комнатѣ происходило даже совѣщаніе министровъ. Всякая другая женщина могла бы оканзаться на ея мѣстѣ совѣмъ въ другомъ положеніи, но она вовсе не вмѣшивалась въ споры, большею частью садилась за свой письменный столъ, писала письма и, вообще, казалась занятою другими дѣлами, несмотря на то, что не теряла ни одного слова. Иногда она и проявляла желаніе вступить въ разговоръ, но воздерживалась, находя неприличнымъ выступать изъ границъ, свойственныхъ ея полу.

Присутствовавшій въ тайныхъ засѣданіяхъ совѣта министровъ, Людовикъ XVI держалъ себя всегда довольно странно. Онъ нелегко утверждалъ постановленія, никогда не дѣлалъ этого въ первомъ же засѣданіи и всегда откладывалъ свое утвержденіе на слѣдующее засѣданіе совѣта министровъ. Онъ всегда приходилъ затѣмъ съ своимъ уже готовымъ мнѣніемъ, но дѣлалъ видъ, какъ будто предоставляет вопросъ всестороннему обсужденію посредствомъ преній. Въ вопросахъ высшей политики онъ часто избѣгалъ подавать свое мнѣніе и уклонялся отъ ихъ обсужденія. Если толковали о войнѣ, онъ говорилъ о путешествіяхъ; когда касались дипломатическихъ вопросовъ, то онъ распространялся объ обычаяхъ въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ шла рѣчь, или же интересовался живописнымъ положеніемъ тѣхъ странъ. Когда говорили о состояніи внутреннихъ дѣлъ,

то онъ вдавался въ подробности о сельскомъ хозяйствѣ или промышленности. Ролана разспрашивалъ о ходѣ его работъ, съ Дюмурье говорилъ анекдоты и такъ далѣе. Тайный совѣтъ скорѣе походилъ на кафе-ресторанъ, въ которомъ время проводили въ болтовнѣ. Не имѣлось никакой книги для протоколовъ засѣданій, ни секретаря, который бы ихъ составлялъ. Послѣ трехъ или четырехъ часовъ засѣданія, удалялись ничего не сдѣлавъ, лишь подписавшись подъ нѣсколькими актами, и это происходило три раза въ недѣлю. Мадамъ Роланъ чувствовала себя этимъ очень удрученной. Ей хотѣлось, чтобы Роланъ заполнялъ свое время побольше размышленіями о важныхъ вопросахъ своего вѣдомства, нежели расточалъ его на пустую болтовню.

Между тѣмъ, внѣшніе враги готовились къ походу. Нужно было объявить войну; требовалось рѣшеніе, о которомъ съ живостью препирались, но на которое король согласился только послѣ упорнаго сопротивленія. Онъ слишкомъ затягивалъ утвержденіе рѣшенія и казался только вынужденнымъ уступить уже ставшему общезвѣстнымъ взгляду большинства учредительнаго собранія и единогласному постановленію совѣта министровъ. Вскорѣ нужно было принять мѣры противъ увеличившихся религіозныхъ волненій, чего министръ внутреннихъ дѣлъ уже давно требовалъ. Съ другой стороны, смѣлыя наступленія иностранныхъ войскъ были все болѣе угрожающими и безпокойными. Это заставило военного министра придти къ мысли, выставить войска, на что съ воодушевленіемъ согласилось и рѣшилось учредительное собраніе.

Правда, что оба постановленія, одно изъ которыхъ было выставить военный лагерь въ 20000 человекъ въблизи Парижа, а другое—принять мѣры противъ духовенства, представлялись весьма рѣзкими. Дворъ видѣлъ въ этомъ разрушеніе своего тайнаго замысла, рассчитаннаго на содѣйствіе религіознаго фанатизма и

вторженіе непріятельскихъ войскъ, которымъ онъ покровительствовалъ. Король былъ очень склоненъ отказать въ своемъ утвержденіи; онъ находилъ различные предлоги, въ силу которыхъ онъ могъ уклоняться отъ этого въ теченіе четырнадцати дней. Пренія по этому поводу возобновлялись неоднократно. Роланъ и Серванъ твердо настаивали на своемъ, такъ какъ каждый изъ нихъ понималъ важное значеніе постановленій для порученныхъ имъ департаментовъ. Общій интересъ былъ для всѣхъ очевиденъ, и всѣ шесть министровъ относились къ этому совершенно одинаково. Мадамъ Роланъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ: „Я испытывала нѣкоторое безпокойство, которое трудно выразить, очарованная революціей, и была убѣждена, что, несмотря на всѣ недостатки, конституція должна продолжаться. Проникнутая желаніемъ видѣть мое отечество процвѣтающимъ, я не могла спокойно относиться къ общественнымъ событіямъ, причинявшимъ мнѣ какую-то нравственную нервную горячку, которая не давала мнѣ покоя. Нерѣшимость короля доказывала его лживость, въ чемъ, наконецъ, пришлось убѣдиться и Ролану. Министру предстоялъ только одинъ исходъ, чтобы остаться достойнымъ уваженія человѣкомъ: выйти въ отставку, если король будетъ продолжать упорно отказываться отъ рѣшенія принимать необходимыя мѣропріятія на благо государства“.

„Этотъ простой и откровенный поступокъ явился бы вѣроятно достаточнымъ для признанія робкаго человѣка; но гражданину, готовому на самопожертвованіе, нельзя отказаться только отъ своей должности, гдѣ уже невозможно болѣе сдѣлать ничего хорошаго; онъ долженъ энергично высказаться, обличая несправедливость въ общественномъ управленіи такъ, чтобы его отставка также принесла пользу. Мы, Роланъ и я, были очень огорчены слабостью его товарищей. Мы полагали, что, при медлительности короля, имѣло бы большое значе-

ніе препровожденіе къ нему письма, содержащаго уже высказанныя въ совѣтъ основанія и подписаннаго всѣми министрами; при этомъ они всѣ должны были бы требовать для себя отставки, если бы его величество напелъ ихъ представленія недостаточно подходящими“.

Однако, каждый министръ избралъ для себя другой исходъ, такъ что Ролану предстояло ограничиться своимъ собственнымъ рѣшеніемъ. Мадамъ Роланъ сама сочинила это письмо и написала его сразу, какъ и всегда поступала такъ въ подобныхъ случаяхъ. Сознавать необходимость и умѣстность дѣйствій, обдумывать ихъ хорошія послѣдствія, желать ихъ осуществленія въ извѣстной формѣ для упроченія дальнѣйшихъ обстоятельствъ, всегда было для нея любимымъ дѣломъ.

Мадамъ Роланъ говорила, что многіе, умаляя достоинства ея мужа, приписывали исключительно ей большое вліяніе на разрѣшеніе важнѣйшихъ случаевъ въ его практикѣ, но что это безусловно не соответствовало дѣйствительности. Привычка и любовь къ научнымъ занятіямъ позволяли ей раздѣлять труды ея мужа, когда онъ былъ еще простымъ частнымъ лицомъ; такъ какъ она заботилась о его счастья, то дѣлала все, что могло доставить ему удовольствіе. Она не отрицаетъ того, что нѣкоторыя изъ поручавшихся ей работъ были довольно скучны. Когда же онъ сталъ министромъ, то она совсѣмъ не вмѣшивалась въ дѣла управленія, но случалось, что охотно составляла набросокъ какой-либо дѣловой бумаги, послѣ основательнаго взаимнаго обсужденія предмета. Она увѣряетъ, что тамъ, гдѣ нужно было проявить справедливость и сообразительность, самъ Роланъ, по своему характеру и убѣжденіямъ, легко преодолевалъ всякія затрудненія и что онъ могъ быть такимъ же хорошимъ министромъ и безъ нея. Его трудолюбіе, познанія и правдивость составляли его собственные свойства, и она скромно говоритъ только о томъ, что ея сотрудничество усиливало лишь его впе-

чатлѣнія, такъ какъ въ свои сочиненія она вкладывала ту смѣсь силы и нѣжности, авторитета, разума и привлекательности, которые, пожалуй, только и свойственны чувствительной женщинѣ съ здравымъ чело-вѣческимъ разсудкомъ. Она съ восхищеніемъ набрасывала дѣловыя бумаги, но дѣлала это втихомолку, находя въ этомъ болѣе удовольствія, нежели въ томъ, чтобы прослыть сочинительницей. Довольствуясь иска-ніемъ счастья въ стремленіи дѣлать добро, она совсѣмъ не гналась за славой. Мадамъ Роланъ говоритъ, что она не препятствовала злонамѣреннымъ людямъ объяснять такое ея признаніе дерзостью и не предпринимала ни одного шага къ тому, чтобы доказывать имъ про-тивное.

10 іюня Роланъ отправился въ тайный совѣтъ министровъ короля, съ письмомъ въ карманѣ, которое намѣревался прочитать вслухъ передъ товарищами и затѣмъ вручить королю. Открылись пренія по поводу утвер-жденія двухъ постановленій, но король перебилъ ихъ, сказавъ своимъ министрамъ, чтобы каждый изъ нихъ письменно изложилъ свое мнѣніе и представилъ его затѣмъ въ слѣдующее засѣданіе тайнаго совѣта. Роланъ могъ бы сдѣлать это немедленно же; но, не желая ста-вить въ неловкое положеніе своихъ товарищей, воздер-жался. По возвращеніи домой, онъ и мадамъ Роланъ порѣшили тотчасъ же отправить письмо къ королю съ нѣкоторой припиской.

На слѣдующій день вечеромъ къ мадамъ Роланъ пришелъ министръ Серванъ и сказалъ:

— Поздравьте меня; я получилъ отставку.

Мадамъ Роланъ отвѣтила:

— Я мучительно тронута, что эта честь оказана вамъ первому: но, я надѣюсь, что таковую не замедлятъ признать и за моимъ мужемъ.

Лишь только Роланъ получилъ секретное письмо, содержавшее объявленіе о его отставкѣ, онъ, смѣясь,

воскликнулъ, что его слишкомъ долго заставили ожи-дать свободы!

Злой рокъ руководилъ королемъ, когда онъ отка-зался поступить согласно указаніямъ Ролана. Событія теперь быстро слѣдовали одно за другимъ. Возстаніе 30 іюня поколебало королевскую власть, осада Тюилъери 10 августа окончательно ее уничтожила. День спустя послѣ этого законодательное собраніе составило новое министерство изъ Ролана, Клавьера, Сервана, Лебрэна, Монжа и Дантона.

Но обстоятельства, со времени перваго министерства Ролана, ужасно измѣнились. вмѣсто подвижной поли-тической жизни съ ея волненіями, наступила лихора-дочная, смертельная борьба двухъ партій изъ-за пре-обладанія. До 10 августа жирондисты съ якобинцами шли рука объ руку въ нападеніи на королевскую власть; но отъ этого числа послѣдніе открыли гоненіе на пер-выхъ и взяли верхъ надъ ними, что продолжалось до 31 мая 1793 года, когда имъ, нанесено было оконча-тельное пораженіе. Это была просвѣщенная, искренняя, честная партія, насчитывавшая въ своей средѣ не мало гордыхъ, безстрашныхъ и правдивыхъ характеровъ и выдающихся талантовъ; но это были не государствен-ные люди, которые могли бы правильно преслѣдовать опредѣленную цѣль.

На каждомъ шагу сталкивались они съ послѣд-ствіями своихъ собственныхъ дѣйствій. Среди этихъ сценъ борьбы, во время второго министерства Ролана, ма-дамъ Роланъ дѣйствительно являлась душою жирондист-ской партіи, но наружно она всегда казалась безразлич-ной, какъ будто не желала прослыть женщиной политики. Положеніе Ролана въ такомъ сосѣдствѣ съ самой выдаю-щейся женщиной, оставалось, такимъ образомъ, неза-мѣтнымъ. Она превосходила его словомъ и совѣтами, силою разсудка и вдохновеніемъ, изъ-подъ ея пера исходили прокламаціи и циркуляры; только одно про-

глядѣла разсудительная женщина: какъ она совершенно безсознательно предала своего мужа извѣстной о немъ шуткѣ! Дантонъ однажды сказалъ: „Нужны министры, которые смотрѣли бы не глазами своихъ женъ“. Во второе министерство Ролана начались неслыханныя сентябрьскія убійства. Уже къ 1 сентября распространился въ Парижѣ слухъ о взятіи Вердюна, и опасеніе, что враги, самое большее дня черезъ три, могутъ очутиться передъ Парижемъ, сдѣлалось всеобщимъ. Законодательное собраніе поэтому уполномочило городскія власти предпринять домовые обыски и всѣхъ, кто сколько-нибудь могъ казаться подозрительнымъ, арестовывать. Въ такіе моменты возбужденная и запуганная толпа соглашалась на все; но, представлялся вопросъ, могъ ли быть въ состояніи самъ Роланъ, даже если бы онъ проявилъ большую энергію, остановить убійства въ тюрьмахъ. 23 января 1793 года Роланъ подалъ въ отставку изъ министерства, такъ какъ долженъ былъ убѣдиться, что его взгляды не помогли ему противиться обстоятельствамъ. Ему слѣдовало бы лучше всего покинуть Парижъ, но онъ опасался, какъ бы изъ этого не усмотрѣли, что онъ желалъ избѣгнуть отчета, и, такимъ образомъ, они переѣхали въ свою прежнюю квартиру въ улицѣ де-ля-Гарпъ. Въ это время дружба мадамъ Роланъ къ Бюзо превратилась въ любовь. Несмотря на то, что тогда разводы и вторичные браки были обыкновеннымъ явленіемъ, мадамъ Роланъ не хотѣла покинуть своего мужа и сама говорила, что „такая душа, какъ моя, не можетъ принести неполную жертву“.

Она готова была на все, но только не на ложь или притворство, даже тѣнь измѣны приводила ее въ сдѣрганіе. Съ тою откровенностью, которая составляла лучшую черту ея характера, призналась она мужу въ своихъ новыхъ чувствахъ. Бѣдный супругъ былъ очень пораженъ этимъ сообщеніемъ, такъ какъ былъ самолюбивъ и сильно любилъ ее. Но ему льстила мысль о

жертвѣ съ ея стороны; когда же онъ совершенно ясно увидѣлъ, что ея жертва была слишкомъ велика, онъ почувствовалъ, что его счастье окончательно разрушено. Ему пріятнѣе было бы эту жертву удержать, нежели потерять. Ко времени революціи, мадамъ Роланъ достигла полнаго расцвѣта своей зрѣлости, не испытывъ еще страсти въ любви, но имѣла душу, которая сотворена была для этого.

Роланъ видѣлъ ея мучительную борьбу и заявилъ о своей готовности удалиться, если она не будетъ въ состояніи превозмочь своей страсти. Но она не хотѣла принять съ его стороны такой жертвы. Она имѣла миниатюрный портретъ Бюзо и на бумажкѣ, проложенной между портретомъ и картономъ, написала слѣдующій біографическій набросокъ.

„Франсуа Николай Леонардъ Бюзо родился въ 1760 году въ Эвре. Въ 1789 году онъ былъ депутатомъ учредительнаго собранія, председателемъ верховнаго уголовного суда департамента Эры, въ 1792 году депутатомъ національнаго Конвента“.

„Природа одарила его любвеобильной душой, гордымъ умомъ и благороднымъ характеромъ. Его чувства заставляли его предпочитать миръ и прелести уединенной, скромной жизни, къ его сердечной грусти присоединялась меланхолія, къ которой онъ имѣлъ нѣкоторую склонность. Обстоятельства вовлекли его въ политическое теченіе и онъ внесъ въ него неудержимое мужество и непреклонную честность“.

„Сотворенный для прекрасныхъ временъ Рима, напрасно надѣялся онъ создать таковыя же и для націи, у которой, казалось, зарождалась уже свобода; испорченные французы недостойны ея. Они не умѣли цѣнить своихъ заступниковъ, и тѣхъ, кого имъ слѣдовало бы любить и уважать, они, подъ руководствомъ собранія изъ малодушныхъ трусовъ приняли за шайку разбойниковъ. Бюзо былъ объявленъ измѣнникомъ оте-

честву, которому приносилъ себя въ жертву, домъ его былъ разрушенъ до основанія и все его имущество конфисковано. Но позоръ обратится на зачинщиковъ и пассивныхъ свидѣтелей этого злодѣянія. Бюзо будетъ продолжать жить въ воспоминаніи честныхъ людей. Его замѣчательныя мысли и мудрыя указанія будутъ еще осуществлены. Его оба письма отъ 6 и 22 января 1793 года къ своимъ избирателямъ будутъ постоянно перечитываться. Потомство будетъ чтить его память, современники же не замедлятъ пожелать его возвращенія. Когда-нибудь разыщутъ его портретъ и помѣстятъ среди другихъ портретовъ тѣхъ великодушныхъ друзей свободы, которые вѣрили въ добродѣтель, твердо провозглашали ее единственнымъ основаніемъ для упроченія республики и стремились доказать это на дѣлѣ“.

Ни мадамъ Роланъ, ни Бюзо не испытывали угрызений совѣсти изъ-за чувствъ, которыя они питали другъ къ другу. Это такое обстоятельство, въ которомъ одни видятъ характерную черту упадка нравовъ тогдашняго времени, другіе же, вѣроятно, посмотрятъ на него съ большею справедливостью, какъ на лучшее доказательство чистоты въ ихъ страсти.

Здѣсь мы приведемъ одно мѣсто изъ автобіографіи самого Бюзо, которое прекрасно его характеризуетъ: „Одаренный природой независимымъ характеромъ и мужествомъ, которое не можетъ подчиняться ни чьему приказанію, какъ могъ бы я совмѣщать понятія о насльдственномъ королѣ и неприкосновенномъ человѣкѣ? Наполнивъ голову и сердце исторіей Греціи, Рима и тѣхъ великихъ мужей, которые въ этихъ двухъ древнихъ республикахъ въ высокой степени почитали родъ людской, я почувствовалъ себя уже съ самаго ранняго возраста близкимъ къ ихъ убѣжденіямъ. Я погрузился въ изученіе ихъ добродѣтели. Въ юности я росъ почти дикаремъ; страсти клокотали въ моемъ горячемъ и чувствительномъ сердцѣ и они были бурны и безграничны;

если они сосредоточивались на какомъ-либо предметѣ, то посвящались ему всецѣло. Никогда распутство не запятнало моей души своимъ нечистымъ дыханіемъ; кутежи всегда вызывали во мнѣ отвращеніе и до настоящаго моего возраста ни одна безстыдная рѣчь не осквернила устъ моихъ. Очень рано я научился познавать несчастье, и потому сильнѣе привязывался къ добродѣтели, которая служила мнѣ единственнымъ утѣшеніемъ. Съ какимъ восторгомъ вспоминаю я еще ту счастливую эпоху моей жизни, которая уже не можетъ вернуться, когда я молчаливо бродилъ въ окрестныхъ горахъ и лѣсахъ моего родного города, при чемъ съ восторгомъ перечитывалъ произведенія Плутарха или Руссо, или предавался мыслямъ о морали и философій. Иногда я садился на цвѣтущій лугъ, подъ сѣнъ густолиственныхъ деревьевъ и впадалъ въ грустныя воспоминанія о попеременно тревожившихъ меня горѣ и радостяхъ въ первые годы моей жизни. Часто сочиненія Плутарха и Руссо были предметомъ занятій и бесѣдъ по вечерамъ, которые я проводилъ съ однимъ моимъ другомъ и сверстникомъ, разлученнымъ со мною смертью на тридцатилѣтнемъ возрастѣ, но уваженіе къ памяти котораго оберегало меня отъ нѣкоторыхъ заблужденій. Съ такимъ характеромъ и такими воззрѣніями, увлеченный возбужденіемъ человѣческихъ страстей, попалъ я въ водоворотъ революціи и въ учредительное собраніе“.

„То, что первоначально я тамъ замѣтилъ, не заставило меня потомъ переменить своихъ убѣжденій. Дворянство, духовенство, наиболѣе развращенный дворъ въ Европѣ. Я показалъ себя тамъ другомъ народа, неустрашимымъ поборникомъ человѣческихъ правъ. Вездѣ меня уважали, почитали и заискивали у меня; но вскорѣ я замѣтилъ, что не всѣ съ одинаковой душой стремились выполнить свое назначеніе и больше вниманія удѣляли своимъ личнымъ интересамъ. Тогда

я снова погрузился въ грустные размышленія и очутился на краю пропасти; въ моментъ, когда я замѣтилъ, что число истинныхъ патріотовъ чрезвычайно убавилось, я рѣшилъ снова заговорить, чтобы еще болѣе не уменьшить ихъ числа. Въ особенности, я началъ выказывать отвращеніе къ королевской власти и открыто возмущался бѣгствомъ короля. Какъ только учредительное собраніе привело къ концу свои засѣданія, я возвратился въ Эвре, гдѣ, по мѣрѣ силъ своихъ, старался дѣлать людямъ добро“.

Вернемся же опять къ сентябрьскимъ событіямъ. Въ воскресенье, 2 сентября, около 5 часовъ пополудни, мадамъ Роланъ показалось, что она слышитъ крикъ въ задней части своей квартиры. Она направилась въ выходившую на дворъ комнату и увидѣла большое стеченіе народа на просторномъ дворѣ. Она вышла въ сѣни и справилась о причинѣ этого. Ролана не было дома, но тѣ, которые о немъ спрашивали, остались недовольны полученнымъ свѣдѣніемъ, такъ какъ хотѣли говорить съ нимъ во что бы то ни стало. Слуги воспротивились попыткѣ народа проникнуть въ квартиру, при чемъ подтвердили, что Ролана дѣйствительно не было дома. Мадамъ Роланъ распорядилась вызвать десять человѣкъ, которымъ предложила войти въ комнаты. Когда они вошли, мадамъ Роланъ мягко спросила, что имъ нужно. Они начали увѣрять, что, будучи храбрыми гражданами, хотѣли бы отправиться въ Вердюнъ, но что у нихъ нѣтъ оружія, поэтому они явились къ министру, чтобы потребовать таковое отъ него. Мадамъ Роланъ замѣтила, что министръ внутреннихъ дѣлъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи оружія и чтобы съ такимъ требованіемъ они обратились къ военному министру. Тогда они сказали, что уже были у него и получили свѣдѣніе, что тамъ никакого оружія нѣтъ; что всѣ министры измѣнники и что они непремѣнно желаютъ говорить съ Роланомъ. Мадамъ Роланъ

еще разъ повторила, что Ролана нѣтъ дома, но что, безъ сомнѣнія, онъ сказалъ бы имъ то же самое. Она предложила этимъ людямъ отправиться вмѣстѣ съ ней обыскать министерскій домъ, чтобы убѣдиться въ его отсутствіи, что нигдѣ не спрятано никакого оружія и что здѣсь не такое мѣсто, гдѣ бы оно могло храниться. Она еще разъ предложила имъ обратиться къ военному министру и изложить передъ нимъ свои требованія. Роланъ долженъ былъ въ это время находиться въ морскомъ министерствѣ и если они непременно хотятъ говорить съ нимъ, то могутъ направиться туда. Но отъ этого они отказались и, проклиная измѣну министровъ, удалились, захвативъ съ собою одного изъ слугъ въ качествѣ заложника, котораго гоняли въ теченіе часа по улицамъ, затѣмъ пустили.

Лишь только толпа скрылась изъ глазъ, мадамъ Роланъ поспѣшно сѣла въ карету, чтобы ѣхать въ морское министерство и рассказать тамъ своему мужу о случившемся. Совѣтъ министровъ еще не былъ въ полномъ сборѣ; недоставало министровъ военнаго и юстиціи. Когда она говорила о происшествіи, каждый истолковывалъ его по-своему. Большинство разсматривало его, какъ непредвидѣнное слѣдствіе современнаго положенія дѣлъ и какъ простое броженіе умовъ. Министры окончили засѣданіе совѣта въ 11 часовъ ночи, но только на другое утро узнали о тѣхъ мерзостяхъ, свидѣтелемъ которыхъ была ночь и которыя имѣли свое продолженіе уже въ тюрьмахъ.

У Ролана и мадамъ Роланъ сердца кровью обливались по поводу этихъ постыдныхъ событій и полного безсилія въ распоряженіяхъ остановить ихъ, а равно и несомнѣнно очевиднаго соучастія въ нихъ городского совѣта и военнаго начальства. Они пришли къ заключенію, что для министра, какъ лица, долженствующаго внушать къ своей особѣ уваженіе, ничего не остается болѣе, какъ предать ихъ жестокому публич-

ному обвиненію, назначить собраніе, арестовать ихъ и возбудить противъ нихъ негодованіе всѣхъ честныхъ людей, смывъ съ себя этимъ способомъ пятно въ томъ, что они своимъ молчаніемъ какъ-бы способствовали такимъ мерзостямъ. Если понадобится даже, то лучше ужъ прямо подставить себя подъ ножи убійцъ, нежели какимъ-либо образомъ считаться ихъ соучастниками. Тогда то Роланъ и написалъ свое знаменитое письмо національному собранію. Мадамъ Роланъ подтверждаетъ это въ своихъ мемуарахъ: „Это, адресованное 3 сентября національному собранію, письмо было одинаково знаменито, какъ и то, которое было адресовано къ королю“. Национальное собраніе приняло его съ восторгомъ, постановило прочесть, отпечатать и развѣсить по городу.

Между тѣмъ, рѣзня продолжалась въ тюрьмахъ: въ Аббатствѣ съ воскресенья вечера до утра вторника, въ Ля-Форсѣ еще дольше, а въ Бисетрѣ четыре дня подрядъ и т. д. Возбужденный вслѣдствіе всѣхъ этихъ ужасовъ и мерзостей, Роланъ заболѣлъ, не могъ ни ѣсть, ни спать, и, несмотря на это, не переставалъ работать.

Когда Роланъ хотѣлъ сложить съ себя званіе министра, то къ нему явилось нѣсколько депутатовъ, съ цѣлью убѣдить его не покидать своего поста, краснорѣчиво доказывая ему, что его должность является жертвой, которую онъ долженъ принести отечеству. Но отставка Ролана не усмирила его враговъ. Онъ покинулъ министерскій дворецъ, несмотря на рѣшеніе прекратить мятежъ и не отступать ни передъ какими опасностями, такъ какъ совѣтъ министровъ въ возрастающей степени утрачивалъ свое значеніе и всѣ дѣйствія его казались ему глупыми или ошибочными, позорность которыхъ онъ не хотѣлъ дѣлать съ нимъ. Ему никакъ не удавалось достигнуть того, чтобы его мнѣнія и доводы, если они не согласовались съ рѣ-

шеніемъ большинства, были включаемы въ протоколы. Онъ отказывался подписывать проекты законовъ. Такъ случилось 15 января. Отъ Конвента онъ также не ожидалъ никакой поддержки, такъ какъ одного его имени было тамъ достаточно, чтобы вызвать волненіе и разногласіе. Дѣло дошло до того, что тамъ нельзя было произносить его безъ опасенія.

Послѣ отставки, Роланъ нанесъ своимъ противникамъ жестокой ударъ, обнародовавъ свой отчетъ такъ, какъ не сдѣлалъ этого еще ни одинъ министръ. Но онъ напрасно ожидалъ его провѣрки и утвержденія, такъ какъ это называлось бы признаніемъ несправедливости распространенныхъ противъ него клеветъ, которое обнаружило бы позоръ его извѣтчиковъ и слабость Конвента, не осмѣливагося защитить его. Нужно было продолжать его посрамленіе, не приводя доказательствъ, поколебать его положеніе, вслѣдствіе очернить его и ложно направить противъ него общественное мнѣніе, но свергнуть его, не подвергая наказанію, чтобы такимъ образомъ избавить себя отъ непріятнаго свидѣтеля столькихъ мерзостей, которыя нужно было бы скрыть или оправдать, чтобы сохранить виновникамъ ихъ деньги и власть, которую онѣ имъ доставляли.

Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, Роланъ семь разъ писалъ Конвенту, требуя разсмотрѣнія отчета о его административныхъ дѣйствіяхъ; но это было совершенно напрасно. Якобинцы продолжали называть его измѣнникомъ.

Роланъ написалъ Конвенту восьмой разъ, но и теперь письмо осталось не оглашеннымъ. Тогда мадамъ Роланъ, обдумавъ положеніе дѣлъ, порѣшила, вмѣстѣ съ дочерью, уѣхать на дачу, куда, къ тому же, призывали ее и домашнія обстоятельства, ея разстроенное здоровье и многія другія причины, вслѣдствіе чего она представила въ ратушу свой паспортъ для отмѣтки.

Между прочимъ, она принимала въ соображеніе и то, что Ролану, когда онъ останется безъ семьи, легче будетъ освободиться отъ преслѣдованія своихъ враговъ, если бы дѣло дошло до такой крайности.

Но отмѣтка паспорта замедлилась изъ-за ненужныхъ затрудненій слишкомъ усердныхъ чиновниковъ, въ глазахъ которыхъ мадамъ Роланъ казалась подозрительной. Когда, наконецъ, ей предложили взять паспортъ обратно, она слегла въ постель больная и въ теченіе цѣлой недѣли не могла покинуть ее. По прошествіи этого времени, она рѣшила сама отправиться за нимъ, это было въ пятницу; но, разслушавъ на улицѣ шумъ народнаго волненія, нашла моментъ неподходящимъ. Раздавалась пушечная пальба. Волненія дня возбудили въ ней тотъ интересъ, который навѣваютъ великія событія, но не поражаютъ своей мучительной чувствительностью. Энергичные характеры ничего такъ сильно не ненавидятъ, какъ неизвѣстность. Униженіе Конвента, его ежедневныя проявленія слабости и раболѣпства, казались ей столь прискорбными, что она даже предпочла происходившія смятенія, надѣясь, что они скорѣе выяснятъ положеніе дѣлъ. Къ ней начали забѣгать друзья, извѣщавшіе ее о состояніи волненій. Находили благоразумнымъ, чтобы Роланъ переночевалъ у друзей. Въ половинѣ пятого часа вечера, Ролану представились шесть вооруженныхъ мужчинъ. Одинъ изъ нихъ прочиталъ вслухъ приказъ „революціоннаго комитета“, въ силу котораго они объявляютъ его арестованнымъ.

— Я не знаю закона, устанавливающаго власть, на которую вы ссылаетесь,—возразилъ на это Роланъ,—и я не подчинюсь приказу, исходящему отъ нея. Если вы примѣните насиліе, то я могу оказать вамъ лишь слабое сопротивленіе мужчины моего возраста. Но, до послѣдней крайности, я протестую противъ этого.

Говорившій сказалъ, что онъ не получилъ приказа

примѣнить насиліе. Онъ отправится въ общественный совѣтъ для сообщенія тамъ отвѣта Ролана, товарищей же своихъ пока оставитъ здѣсь.

Лишь только этотъ человѣкъ ушелъ, какъ мадамъ Роланъ пришла въ голову мысль сообщить Конвенту о происшествіи и предупредить этимъ арестъ Ролана или, по крайней мѣрѣ, немедленно же освободить его, если бы онъ все-таки лишился свободы. Развить этотъ планъ передъ мужемъ, написать письмо председателю и отправиться, для мадамъ Роланъ было дѣломъ лишь нѣсколькихъ минутъ. Находившійся тутъ случайно одинъ изъ ихъ друзей согласился на всякій случай остаться при Роланѣ. Она наняла карету и поѣхала въ Каруссель. Дворъ въ Тюильери былъ наполненъ вооруженными людьми, черезъ толпу которыхъ ей едва удалось протиснуться; она была одѣта въ домашній капоть, накинула на себя только шаль и закрылась вуалью. Всѣ двери въ залъ были заперты. Она просила пропустить ее, но сторожа посылали ее напрасно отъ одной двери къ другой. Тогда она прикинулась сторонницей Робеспьера и сказала:

— Но, какъ же это, граждане, въ этотъ день спасенія отечества, среди измѣнниковъ, которыхъ мы должны опасаться, вы не хотите представить себѣ, что сообщенія, которыя я имѣю сдѣлать президенту, могутъ быть весьма важными!

Вдругъ она увидѣла одного знакомаго, нѣкоего Роза. Она рассказала ему обо всемъ, передала ему письмо и настаивала, чтобы онъ добился его прочтенія. Прошелъ цѣлый часъ, въ теченіе котораго она большими шагами измѣряла длину коридора въ оба направленія, заглядывая въ залъ каждый разъ, какъ только отворялась какая-нибудь дверь. Въ это время въ залѣ происходила страшная суматоха и когда Роза снова появился въ коридорѣ, то сообщилъ, что прочтеніе письма при господствовавшемъ шумѣ оказалось совер-

шенно невозможнымъ. Узнавъ, что предсѣдательское мѣсто занималъ теперь Геро-де-Сешелль, она поняла, что письмо ея вовсе не будетъ прочитано и просила вызвать къ себѣ Верньо.

Послѣдній вышелъ къ ней и тоже сказалъ о невозможности прочтенія письма. Онъ посовѣтовалъ ей самой войти въ залъ и стать за эстраду, что ей, какъ женщинѣ, принесетъ по всей вѣроятности больше пользы. Къ тому же, въ настоящее время обсуждается проектъ одного закона, состоящаго изъ шести статей, и прочтеніе ея письма врядъ ли можетъ произойти ранѣе, какъ часа черезъ полтора. Но она рѣшила воспользоваться этимъ промежуткомъ времени, чтобы съѣздить домой и посмотреть, что тамъ творится.

При входѣ въ подъѣздъ своего дома, привратникъ шепнулъ ей, что Роланъ отправился на квартиру хозяина дома, на заднемъ дворѣ; она спѣшитъ туда, обливаясь потомъ, взволнованная; ей предложили стаканъ вина и сообщили, что присланные съ приказомъ объ арестѣ приходили снова, не получивъ въ общественномъ совѣтѣ инструкцій по поводу протеста Ролана, а такъ какъ онъ и теперь на этомъ настаивалъ, то они, порѣшивъ составить объ этомъ протоколъ, снова удалились. Роланъ же куда то ушелъ, но ей непремѣнно хотѣлось повидаться съ нимъ, поставить его въ извѣстность о своихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ, и она направилась въ поиски. Найдя его въ домѣ одного изъ друзей, она рассказала ему обо всемъ и, несмотря на поздній часъ, было уже болѣе 10 часовъ вечера, и что такіе выходы ея слѣдовали за освобожденіемъ отъ перенесенной ею болѣзни, очутившись на освѣщенной, но опустѣвшей улицѣ, рѣшила снова ѣхать въ Каруссель. Но засѣданіе оказалось уже закрытымъ.

Садясь въ карету, она замѣтила довѣрчиво ласкающуюся къ ней не имѣвшую пристанища собаку, кото-

рую, изъ состраданія, взяла къ себѣ. Едва она проѣхала нѣкоторое разстояніе, какъ кучеръ, по оклику патрульнаго, долженъ былъ остановиться; дверцы кареты съ силою открылись.

— Кто тутъ?

— Гражданка!

— Откуда вы?

— Изъ Конвента.

Кучеръ подтвердилъ ея слова, какъ будто онъ бо-
ялся, что ей не повѣрятъ.

— Куда теперь вы направляетесь?

— Домой.

— Имѣете ли вы при себѣ цѣнности?

— Я ничего не имѣю, общите!

— Но, засѣданіе уже закрыто?

— Именно, что и причиняетъ мнѣ горе, такъ какъ я должна была доставить туда жалобу.

— Женщина, и въ такой часъ, это непонятно, это весьма неосторожно!

— Конечно, это не можетъ происходить ежедневно и для меня ничего пріятнаго не представляетъ; только весьма важныя причины вынудили меня къ этому.

— Но, мадамъ, вѣдь, вы совсѣмъ одна?

— Какъ, милостивый государь, одна? Развѣ вы не видите въ моемъ обществѣ невинности и правды? что же нужно болѣе?

— Такъ и быть, я уступаю вашимъ убѣдительнымъ доводамъ.

— И хорошо сдѣлаете, а то вы очень настойчивы,— сказала болѣе любезнымъ тономъ мадамъ Роланъ.

Наконецъ, она опять дома. Едва она успѣла при-
сѣсть, это было уже въ полночь, какъ въ дверь ея постучались. Ей представилась многочисленная депутація общественнаго совѣта и потребовала Ролана.

— Но, гдѣ же онъ можетъ быть, — спросилъ одинъ изъ этихъ людей въ офицерской формѣ;— вамъ должны

же быть извѣстны его привычки и вы не можете не представить себѣ времени его возвращенія?

— Мнѣ неизвѣстно, — отвѣчала мадамъ Роланъ, — уполномочиваетъ ли васъ вашъ приказъ задавать мнѣ подобные вопросы; но я знаю, что ничто не заставитъ меня отвѣчать вамъ на это. Роланъ вышелъ изъ дому въ то время, когда я была въ Конвентѣ; къ тому же, онъ могъ и не предупредить меня и мнѣ больше нечего добавлять вамъ!

Послѣ этого, весьма недовольная такой неудачей, банда удалилась, оставивъ часового у дверей квартиры и караульных у домовыхъ воротъ. Мадамъ Роланъ почувствовала, что теперь уже ничего болѣе не оставалось какъ собраться съ силами, чтобы по возможности защищаться противъ всего, что еще можетъ случиться. Она изнемогала отъ усталости; немного поѣвъ и написавъ письмо, которое довѣрила своей преданной служанкѣ, она легла въ постель. Проспавъ въ теченіе одного часа довольно крѣпко, она должна была встать, такъ какъ въ комнату вошла служанка и сказала, что пришли члены партіи и хотятъ говорить съ ней.

— Я понимаю, что это значитъ, — отвѣтила она. — Ступайте, дитя мое, я не заставлю ихъ долго ждать.

Она вскочила съ постели и быстро одѣлась. Служанка была удивлена, увидѣвъ ее не въ капотѣ, а въ платьѣ.

— Надо же быть прилично одѣтой, если собираешься выходить, — замѣтила мадамъ Роланъ.

Бѣдная дѣвушка пристально посмотрѣла на нее и глаза ея наполнились слезами. Она вышла въ другую комнату. Одинъ изъ толпы приблизился къ ней и сказалъ:

— Мы пришли, гражданка, чтобы арестовать васъ и, согласно закона, опечатать ваше имущество.

Мадамъ Роланъ спросила:

— Гдѣ ваши полномочія?

— Вотъ они, — сказалъ онъ, вынимая изъ кармана приказъ революціоннаго комитета, въ которомъ, однако, не было упомянуто никакого повода къ аресту и препровожденію ея въ тюрьму Аббатства. На это мадамъ Роланъ замѣтила:

— Я могла бы сказать вамъ то же самое, что и Роланъ, что комитета этого я не знаю, его приказамъ не подчиняюсь и что вы только силою можете меня вытѣщить отсюда.

— Здѣсь имѣется еще приказъ, — поторопился произнести другой человѣкъ изъ этой группы почтительнымъ тономъ и прочиталъ приказъ общественнаго совѣта, которымъ, также безъ указанія причинъ, дѣлалось распоряженіе объ арестѣ Ролана и его супруги.

Во время чтенія этого приказа, мадамъ Роланъ обдумывала, слѣдуетъ ли ей сопротивляться до послѣдней крайности, или же просто подчиниться. Она хотѣла сослаться на законъ, запрещавшій ночные аресты; но, что значать законы тамъ, гдѣ господствуетъ лишь грубое насиліе! Съ другой стороны, и эти невѣжественные люди переступятъ всякія границы, когда увидятъ, что имъ сопротивляются! Мадамъ Роланъ спокойно спросила ихъ, какъ же намѣрены они поступить. Они отвѣтили, что послали уже за судьей. Когда пришелъ судья, то они вошли въ залъ и вездѣ наложили установленныя печати. Одинъ особенно усердный требовалъ даже, чтобы печать наложена была и на фортепьяно. Съ трудомъ мадамъ Роланъ удалось достигнуть того, чтобы ей позволили взять изъ шкафовъ бѣлье и платья для дочери и самые необходимые предметы лично для себя.

Во все это время приходили въ квартиру и уходили постороннія лица съ улицы, толпою до сотни человѣкъ; воздухъ былъ совершенно испорченъ; но комиссары не осмѣливались препятствовать этимъ любопытнымъ, и хотя тотъ или другой отваживался на роб-

кую просьбу, но она оставалась безъ послѣдствій. При этомъ, повсюду были разложены всякія вещи, которыя легко можно было утащить безъ того, чтобы кто-нибудь могъ это замѣтить или отнять.

Вынужденная переносить всѣ подобныя сцены, мадамъ Роланъ присѣла къ столу, чтобы написать письмо одному пріятелю, которому она поручала попечительство надъ своей дочерью. Когда комиссаръ потребовалъ просмотра письма, она его разорвала, чтобы не повредить другу.

Въ семь часовъ утра мадамъ Роланъ покинула свою дочь, которую должна была оставить на попеченіе своихъ слугъ, уговаривая ихъ успокоиться и вооружиться терпѣніемъ; по ихъ слезамъ, она чувствовала всю ихъ преданность и уваженіе къ себѣ, но ничто не могло заставить ее лишиться присутствія духа.

— Вы окружены людьми, которые васъ любятъ, — замѣтилъ комиссаръ.

— Я никогда другихъ и не имѣла, — отвѣтила мадамъ Роланъ и сошла съ лѣстницы.

Передъ подъѣздомъ, отъ площадки лѣстницы до кареты на другой сторонѣ улицы, стояли двѣ шпалеры вооруженныхъ людей и много любопытныхъ. Мадамъ Роланъ небольшими шагами шла бодро впередъ, внимательно разсматривая эту малодушную, но обольщенную толпу. Вооруженная стража слѣдовала по обѣимъ сторонамъ кареты. Народъ все время сопровождалъ этотъ поѣздъ и кричалъ:

— На гильотину!

Комиссаръ спросилъ мадамъ Роланъ, не желаетъ-ли она, чтобы занавѣски у каретныхъ дверей были спущены.

— Нѣтъ, милостивый государь, — отвѣчала она, — невинность, даже если она и сильно угнетается, никогда не приметъ облика виноватыхъ. Я не боюсь человѣческихъ взглядовъ и не хочу скрываться отъ нихъ.

Комиссаръ высказалъ, что въ ней больше мужества, нежели у многихъ мужчинъ, и что она должна спокойно ожидать правосудія.

— Если бы правосудіе дѣйствительно выполнялось, то въ настоящее время я не была бы въ вашей власти, а чрезвычайно несправедливое примѣненіе его поведетъ меня на эшафотъ, на который я вступлю съ одинаковой твердостью и спокойствіемъ, какъ и сейчасъ отправляюсь въ тюрьму. Я вздыхаю о моемъ отечествѣ, но вижу ошибку, что считала его созрѣвшимъ для свободы и благоденствія. Я высоко цѣню жизнь; ничего другого я не страшилась, какъ преступленія, презираю несправедливость и хладнокровно смотрю въ глаза смерти, — сказала она этому жалкому комиссару, который едва ли много понялъ изъ сказаннаго и, конечно, принялъ слова ея за „аристократическую болтовню“.

Наконецъ, стали подъѣзжать къ Аббатству, мѣсту дѣйствій пресловутыхъ кровавыхъ событій. Сначала мадамъ Роланъ ввели въ небольшую мрачную комнату, гдѣ стояли шесть походныхъ кроватей, на которыхъ лежало такое же количество мужчинъ. Когда открыли тюремныя ворота, эти люди встали, и началось движеніе, послѣ чего провожатые повели мадамъ Роланъ по узкой грязной лѣстницѣ. Дошли до квартиры тюремнаго смотрителя и ввели ее въ нѣчто похожее на гостиную, содержавшуюся довольно опрятно, предложивъ ей кресло. Мадамъ Роланъ спросила миловидную жену тюремнаго смотрителя, какое помѣщеніе предназначено ей. Женщина эта сказала, что не была предупреждена о прибытіи мадамъ Роланъ, поэтому никакого помѣщенія она еще не могла приготовить, но что пока она можетъ оставаться у нея.

Для содержанія мадамъ Роланъ предписаны были весьма строгія правила; но, она сама рассказываетъ, что тюремный смотритель былъ честный, веселый и услужливый человѣкъ, который въ отправленіе своихъ

служебныхъ обязанностей вкладывалъ все, что могли ему внушить справедливость и человѣколюбіе. По ея просьбѣ, ей предложили къ завтраку даже баваруазъ *). Прежде чѣмъ удалиться, комиссаръ позволилъ себѣ выразиться, что Ролану не слѣдовало бы скрываться, разъ онъ невиновенъ. Мадамъ Роланъ не могла воздержаться, чтобы не сказать ему въ отвѣтъ слѣдующихъ рѣзкихъ словъ:

— Достойно удивленія, что такой человѣкъ, который оказалъ столько услугъ свободѣ, могъ оказаться въ числѣ подозрѣваемыхъ. Министра, прошлое котораго такъ ясно, отчетъ котораго такъ искрененъ, видѣть оклеветаннымъ и преслѣдуемымъ съ такимъ ожесточеніемъ, просто отвратительно. Онъ справедливъ какъ Аристидъ, строгъ какъ Катонъ, и эти добродѣтели, кажется, доставили ему только враговъ; ихъ бѣшенство не вѣдаетъ никакихъ границъ. Если бы они направили его лишь противъ меня, то я презрѣла бы ихъ и пожертвовала бы собою. Но онъ долженъ быть сохраненъ для своей страны, которой можетъ еще оказать большія услуги.

Сопровождавшіе ее ушли смущенные. Пока для нея приготовляли помѣщеніе, мадамъ Роланъ спокойно позавтракала. При этомъ жена тюремнаго смотрителя сказала ей, что она можетъ провести у нея весь день; въ случаѣ, если до вечера не отведутъ ей помѣщенія, то можно будетъ приготовить постель въ гостиной. Она сказала еще нѣсколько любезныхъ словъ, между прочимъ о томъ, какъ она каждый разъ страдала, когда видѣла, что какая-либо личность ея пола поступаетъ сюда, тѣмъ болѣе, что не всѣ такъ мужественны, какъ мадамъ Роланъ.

Мадамъ Роланъ, улыбаясь, поблагодарила ее за ея

участіе, послѣ чего эта особа удалилась и заперла за собою дверь.

„Итакъ, я въ тюрьмѣ, сказала я себѣ. Я сѣла и серьезно задумалась надъ своимъ положеніемъ. Не буду смѣшивать моменты, только что прошедшіе, съ тѣми, которые считаютъ счастливейшими въ моей жизни; я никогда не утрачу о нихъ воспоминанія. Они заставили меня почувствовать всю тягость моего положенія, съ тревожнымъ, неизвѣстнымъ будущимъ, и все значеніе силы и честности, заключающихся въ доброй совѣсти и большомъ мужествѣ. До сихъ поръ событія влекли меня за собой, и всѣ поступки мои въ этомъ переломѣ судьбы были слѣдствіемъ живѣйшаго чувства, которое и обрывалось вмѣстѣ съ ними; какую пріятность даетъ сознаніе, что всѣ они могутъ быть оправданы. Я вызвала въ своемъ воспоминаніи прошлое, обдумала наступающія событія, и если, прислушиваясь къ голосу чувствительнаго сердца, нашла въ себѣ нѣкоторыя увлеченія, то все же не нашла въ нихъ ни одного такого, которое заставило бы меня устыдиться, которое не питало бы моего духа и, въ то же время, могло бы обладать надъ нимъ. Я посвятила себя, такъ-сказать, добровольно своей судьбѣ, какою бы она ни была, и сама напросилась на ея жестокость. Я впала въ такое расположеніе духа, когда становятся болѣе склонными воспринимать настоящее, не заботясь ни о чемъ другомъ. Но такое спокойствіе, касающееся лично меня, я бы не осмѣлилась распространить въ себѣ на судьбу моего отечества и моихъ друзей. Съ невыразимымъ нетерпѣніемъ ожидала я вечерней газеты и съ напряженіемъ прислушивалась къ крикамъ на улицѣ“.

Мадамъ Роланъ освѣдомилась у тюремнаго смотрителя о данныхъ ему относительно нея предписаніяхъ. Онъ всѣ ихъ перечислилъ, но сказалъ, что не будетъ очень строго придерживаться ихъ. Относительно могущихъ быть посѣщеній, онъ посоветовалъ мадамъ Роланъ

*) Напитокъ изъ сиропа отъ растенія, такъ-наз., „женскій волосъ“.

предупредить своихъ друзей, чтобы они вызывали не ее, а его жену, и, такимъ образомъ, кромѣ облегченія свиданій, о нихъ никто ничего не узнаетъ.

Какъ иногда странно случается, что сами обстоятельства заставляютъ находить человѣку похвалу за его дѣйствія! Когда Роланъ былъ еще первый разъ министромъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что тюрьмы находятся въ ужасномъ состояніи запущенности. Желая упорядочить это дѣло, онъ пригласилъ нѣкоего извѣстнаго ему Гранпре и назначилъ его въ нѣкоторомъ родѣ инспекторомъ тюремъ, возложивъ на него обязанность о всѣхъ замѣченныхъ имъ недостаткахъ докладывать министру; заключеннымъ же, по возможности, оказывать всяческія попеченія и облегченія. Страшно подумать, сколько невинныхъ томилось въ то время въ разныхъ тюрьмахъ! Первое посѣщеніе, которое приняла въ Аббатствѣ мадамъ Роланъ, было посѣщеніе Гранпре. Онъ торопился сюда, сильно огорченный. Мадамъ Роланъ увѣряетъ, что никогда еще не испытывала на себѣ такого признака участія, какое выказалъ ей Гранпре. Къ этому онъ присоединилъ чувство благородной признательности, и она по достоинству оцѣнила въ немъ такой поступокъ. Онъ посоветовалъ ей написать въ національный Конвентъ, на что она немедленно же согласилась, и обѣщалъ зайти черезъ два часа за письмомъ. Содержаніе письма заключало въ себѣ описаніе ея ареста и водворенія въ тюрьму. Она жаловалась на незаконность поступка съ нею и требовала восстановленія своихъ правъ присущимъ ей благороднымъ и свободнымъ языкомъ. Гранпре взялъ это письмо, но на другой же день вернулъ его обратно, посоветовавшись съ Шампанье, однимъ изъ друзей мадамъ Роланъ. Оба пришли къ заключенію, что вступленіе слѣдовало бы написать въ болѣе мягкомъ тонѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо послать нѣсколько строкъ министру внутреннихъ дѣлъ, который уже отъ себя официально на-

править письмо въ Конвентъ. Она дѣлала все, что ей совѣтовали, но не слишкомъ охотно.

На другой день она осмотрѣла свою камеру и обдумала, какъ ей тамъ устроиться. Небольшой, очень грубаго издѣлія, столъ она накрыла чистой салфеткой и придвинула его къ окну, предназначая его для письменныхъ работъ; она хотѣла содержать его въ чистотѣ и порядкѣ, такъ какъ обѣдать полагала на выступѣ отъ камина. Въ карманѣ ея платья оказался томикъ стихотвореній Томпсона, которыя она очень любила; но тутъ же она составила списокъ книгъ, которыя хотѣла получать для чтенія, напр., творенія Плутарха, не перечитанныя ею со времени ея дѣтскаго возраста, и англійскую исторію Юма. Она даже смѣялась надъ всѣми этими приготовленіями, вызывавшими столько хлопотъ, въ то время какъ снаружи ежеминутно доносились звуки сигнальной трубы и крики. „Они не могутъ“, говорила она, „препятствовать мнѣ до послѣдняго момента жить съ спокойною совѣстью, счастливѣе чѣмъ они, возбужденные своимъ бѣшенствомъ; я иду имъ навстрѣчу и ухожу отъ жизни такъ, какъ уходятъ на покой. Въ такихъ размышленіяхъ она была потревожена приходомъ жены тюремнаго смотрителя, которая и пригласила ее въ свою квартиру, гдѣ была посѣтительница—служанка мадамъ Роланъ. Лишь только это доброе существо, обливаясь слезами и дрожа отъ волненія, бросилось въ ея объятія, мадамъ Роланъ смутилась; при видѣ страдающей близкой и сочувствующихъ ей лицъ, сердце ея всегда сжималось. Мадамъ Роланъ рассказываетъ, что эта дѣвушка, кажется, только и жила заботами о ней и постоянно хлопотала о содержаніи наготовѣ всего того, что могло служить для ея здоровья и спокойствія въ домашнемъ быту. Когда мадамъ Роланъ случалось дѣлать ей замѣчанія, то эта дѣвушка огорчалась такъ сильно, что ей же потомъ приходилось и утѣшать ее. То же самое ей пришлось дѣлать и въ данный моментъ.

Она объясняла ей, что мало принесетъ ей пользы теперь, если будетъ слишкомъ предаваться отчаянію; и когда та просила, какъ милости, оставить ее у себя, то мадамъ Роланъ возразила, что внѣ тюрьмы она ей не-обходимѣе, чѣмъ здѣсь. Она старалась увѣрить ее, что все это, вмѣстѣ взятое, вовсе не дѣлаетъ ее такою несчастною, какъ можно себя представить, и это отчасти была правда. Когда мадамъ Роланъ случалось хворать, то обыкновенно на нее находило спокойствіе совсѣмъ особаго рода, при чемъ она поставила себя за правило никогда не препятствовать другимъ дѣлать то, что могло имъ казаться нужнымъ для облегченія ея положенія.

Въ тѣ промежутки, когда она лежала въ постели, ей казалось, что всѣ ея обязанности прекращались, и что никакая забота о ней, въ сущности, не имѣетъ значенія. Разъ она была вынуждена пребывать тамъ, то дѣлала это съ удовольствіемъ. Она давала полную свободу своему воображенію, вызывала въ себя пріятныя воспоминанія о пережитомъ, испытывая при этомъ какое-то пріятное ощущеніе. Избѣгая какихъ-либо напряженій ума и терпѣливо перенося всякія страданія, она была спокойна, и это значительно содѣйствовало сохраненію ея бодраго расположенія духа. Такъ и теперь, сравнивая свое вынужденное пребываніе въ тюрьмѣ съ болѣзью, она увѣряла, что оно производитъ на нее такое же дѣйствіе, какъ и послѣдняя; это вынужденное пребываніе въ тюрьмѣ ни къ чему ее не обязываетъ, привычка же къ уединенію дала здѣсь недурныя послѣдствія.

Подъ окномъ ея камеры стояли часовые, и всю ночь мадамъ Роланъ должна была слушать ихъ громовые голоса: „Кто идетъ? Стрѣляй! Капраль! Патруль!“ Она часто просыпалась, но почти всегда могла опять скоро заснуть. По утрамъ она все убирала сама, предпочитая деньги, которыя должна была бы платить за эти услуги,

сберегать для того, чтобы помогать бѣднымъ заключеннымъ. Съ нетерпѣніемъ ожидала она, когда отодвинуть тяжелый засовъ и повернуть ключъ въ замкѣ, чтобы передать ей утреннюю газету. Когда она прочитала приказъ объ арестѣ двадцати-двухъ жирондистовъ, газета выпала изъ ея рукъ и она съ глубокою горечью вскрикнула: „Мое отечество погибло!“ Она полагала, что томиться въ тюрьмѣ приходилось только ей одной, и была бодрой и спокойной, пока сохраняла надежду, что защитники свободы останутся неприкосновенными и могутъ еще спасти отечество. Но теперь все это исчезло! Прошелъ четвертый день, а мадамъ Роланъ все еще не вызывали къ допросу, и она написала по этому поводу жалобу. Первое письмо ея, несмотря на большія старанія Гранпре, такъ и не попало по своему назначенію.

Мадамъ Роланъ имѣла право доставлять себя за свои деньги всевозможныя облегченія и улучшенія, но она имъ совсѣмъ не пользовалась, желая провѣрить и испытать свои силы въ лишеніяхъ. Она почувствовала даже удовольствіе въ такомъ испытаніи, дающемъ возможность увидѣть, до какой степени человѣческое тѣло въ состояніи ограничивать свои потребности. Но она находила, что выполнять эту задачу необходимо постепенно, если желательно получить надлежащій результатъ. Изъ завтрака она отмѣнила шоколадъ и кофе и начала довольствоваться водой и хлѣбомъ; къ обѣду она брала кусокъ варенаго мяса и немного овощей, вечеромъ же только овощи. Всякіе напитки уже совершенно были изгнаны при ѣдѣ. Потребляя такую скромную пищу, она каждый разъ радовалась при мысли о сбереженіи, которое шло въ пользу бѣдняковъ, а равно и о томъ тайномъ благословеніи, которое они ей посылали. Нѣкоторую часть денегъ она отдавала и служителямъ, какъ-будто они для нея что-либо дѣлали, несмотря на то, что она, какъ уже было сказано, всякую

работу для себя производила сама; она просто не хотѣла лишать ихъ мелкихъ заработковъ, которыми они нѣсколько увеличивали свое скудное содержаніе.

Нѣкто Боскъ, одинъ изъ друзей мадамъ Роланъ, взялъ къ себѣ ея маленькую дочь, поручивъ ее попеченіямъ превосходной женщины, по имени Крезэ ля-Тушъ, гдѣ она была принята какъ дитя собственной семьи и заботливо воспитывалась. Вотъ какъ мадамъ Роланъ изображаетъ этого ребенка въ своихъ мемуарахъ: „Я имѣю маленькую, достойную любви, дочь, но отъ природы она холодна и лѣнива. Я старалась подавать ей хорошіе примѣры, которые, будучи воспринятыми въ ея возрастѣ, уже никогда послѣ не забудутся, и она будетъ хорошей женщиной съ нѣкоторыми дарованіями, но ея упрямая душа и не особенно высокій умъ никогда не дадутъ моему сердцу той настоящей радости, на которую оно могло надѣяться. Ея воспитаніе можетъ завершиться и безъ меня, ея существованіе доставитъ много радостей отцу. Но она никогда не пойметъ ни моихъ горячихъ чувствъ, ни страданій и радостей. И однако, если мнѣ суждено еще разъ вернуться въ этотъ міръ, съ правомъ выбора своихъ предначертаній, то я не хотѣла бы быть сотворенной изъ другого вещества и умоляла бы боговъ, чтобы они сотворили меня опять такою же, какою я была первый разъ“.

Ея дочь, безъ всякаго сомнѣнія, находилась въ хорошихъ рукахъ; своя собственная участь казалась ей нестоющею особаго состраданія; но участь своего мужа она считала достойной сожалѣнія. Его преслѣдовали, включивъ въ списки преступниковъ, отказывались разсматривать его отчетъ; онъ вынужденъ былъ скрываться отъ слѣпой ярости своихъ враговъ, прятаться подобно несостоятельному должнику и дрожать за участь тѣхъ добрыхъ людей, которые дали ему у себя убѣжище. При всемъ этомъ, онъ долженъ былъ подавить въ

себѣ мученія по поводу сидѣнія въ тюрьмѣ своей жены, опечатанія своихъ пожитковъ и цѣнностей и съ неувѣренностью ожидать неизвѣстнаго правосудія, которое никогда не будетъ въ состояніи вознаградить его за все то, что оно у него отняло и какія страданія оно ему причинило!

Восемь дней уже прошло, о допросѣ же не было и помину. Мадамъ Роланъ написала министру юстиціи, напоминая о своемъ правѣ требовать исполненія законовъ. Она писала также министру внутреннихъ дѣлъ и депутату Дюлору. Во всѣхъ этихъ письмахъ она жаловалась на свое положеніе, увѣряла въ своей невинности, обращала вниманіе на несправедливость содержанія ея такъ долго въ заключеніи безъ допроса, не извѣщая ее даже о причинахъ этого заключенія. 12 іюня пришелъ, наконецъ, въ тюрьму Аббатства полицейскій комиссаръ Лувэ для допроса мадамъ Роланъ. Послѣ цѣлаго ряда пытливыхъ вопросовъ и вывѣдываній, ей все-таки не сообщили основанія ея ареста! Черезъ нѣсколько дней дознаніе это повторили, но потребовали, чтобы мадамъ Роланъ отвѣчала только „да“ или „нѣтъ“. Ея прежніе отвѣты объявили странной болтовней и злобно замѣтили, что здѣсь не министерскій дворецъ, гдѣ можно было бы забавляться остроуміемъ!

Въ особенно мрачномъ настроеніи находился при допросѣ публичный обвинитель, не скрывавшій своей предвзятой мысли, какъ-будто онъ былъ убѣжденъ, что видитъ передъ собой тяжкую преступницу и недоволенъ тѣмъ, что долженъ еще это доказывать. Когда судья обращался къ ней съ вопросами, которые не удовлетворяли взглядамъ публичнаго обвинителя, то послѣдній ставилъ ихъ въ другой формѣ, распространялъ ихъ и дѣлалъ болѣе запутанными и коварными; онъ ежеминутно перебивалъ мадамъ Роланъ и требовалъ въ ея отвѣтахъ побольше краткости. Въ дѣйстви-

тельности, это было продолжительнымъ мученіемъ. Мадамъ Роланъ допрашивали три часа подъ-рядъ, послѣ чего былъ сдѣланъ перерывъ, чтобы допросъ возобновить вечеромъ. Желаніе обвинить ее было очевиднымъ. Она, конечно, не хотѣла омрачать дни свои малодушіемъ запирательства; но рѣшила быть и менѣе откровенной, чтобы посредствомъ какого-либо лишняго слова не давать злонамѣренному публичному обвинителю возможности облегчить свою работу, который, казалось, желалъ, чтобы, посредствомъ отвѣтовъ мадамъ Роланъ на ревностно измышляемые вопросы, обвинительный актъ вышелъ какъ можно длиннѣе.

Когда мадамъ Роланъ, въ концѣ второго допроса, отказалась дать какія-либо свѣдѣнія о Роланѣ, сказавъ, что обвиняемый обязанъ давать показанія только о себѣ, но не о другихъ, публичный обвинитель пришелъ въ бѣшенство и вскричалъ, что съ подобной пустомелей никогда не управишься, закончивъ слѣдствіе.

— Какъ мнѣ васъ жалко,—весело сказала мадамъ Роланъ.—Я прощаю вамъ даже неучтивость, которую вы позволили себѣ въ отношеніи меня, въ предположеніи, что передъ вами великая преступница. Вы недовольны, что вамъ приходится это доказывать; но какъ несчастливъ тотъ, кто руководствуется такими предубѣжденіями! Вы можете отправить меня на эшафотъ, но не въ состояніи отнять радости, которую доставляетъ чистая совѣсть и убѣжденіе, что потомство отмститъ за Ролана и меня, обвинивъ нашихъ преслѣдователей въ подлости. Вмѣсто зла, которое причиняете мнѣ вы, я желаю вамъ такого же спокойствія, какимъ обладаю я, еслибъ это могло быть вознагражденіемъ за ваше чрезмѣрное усердіе.

Мадамъ Роланъ пользовалась временемъ своего заключенія для составленія мемуаровъ. Она составляла ихъ съ такою поспѣшностью и такъ была счастлива

за этой работой, что по истеченіи мѣсяца рукопись была готова и составила довольно объемистый томъ, которую она желала видѣть изданною подъ заглавіемъ „*Notices historiques*“ *). Мы уже знаемъ о ея предположеніи, будто бы другъ, которому она довѣрила рукопись, сжегъ ее изъ опасенія. Она говоритъ, что, если бы ей представлялся выборъ, она сама себя сожгла бы, чѣмъ подвергать такой участи драгоценныя записки, предназначенныя для оправданія Ролана и своего въ глазахъ потомства. Эта мнимая утрата была жестокимъ испытаніемъ въ ея столь богатой горемъ и превратностями жизни.

Въ этихъ историческихъ замѣткахъ даны ею подробности о событіяхъ и лицахъ, игравшихъ видную роль въ общественной жизни и которыя она могла изучить благодаря своему положенію. Она писала свободно, со свойственной ей энергичному характеру непринужденностью, правдивостью и съ тою гибкостью ума, которыя преобладаютъ надъ всѣми личными рассужденіями; однимъ словомъ, она съ удовольствіемъ изобразила все то, что видѣла или чувствовала, съ увѣренностью, что эти замѣтки послужатъ во всякомъ случаѣ хорошимъ матеріаломъ для будущаго историка. Несмотря на страшную запутанность обстоятельствъ и событий, частью влѣявшихъ одно на другое, частью одно изъ другого вытекавшихъ, всѣ они освѣщены ею вполне оригинально и въ строгой послѣдовательности.

Нѣкоторое время мадамъ Роланъ была больна и лежала въ больницѣ. Шли мѣсяцы со дня ея заключенія въ Аббатствѣ. Все это время, даже и въ болѣзненномъ состояніи, она проводила въ занятіяхъ наукой и сочиненіи. Однажды ее навѣстила мадамъ Лувэ, о которой мадамъ Роланъ говоритъ, что она не блистала умомъ и знаніями, но соединяла въ себѣ прелесть своего

*) „Историческія замѣтки“.

пола съ чувствительностью благородной души, что дѣлало ее весьма привлекательной и составляло ея преимущество. Эта женщина нашла способъ и дорогу проникнуть къ ней въ тюрьму. „Я была очень удивлена, увидѣвъ ея нѣжное лицо и почувствовавъ себя въ ея объятіяхъ, орошенной ея слезами. Я считала ее ангеломъ, и она, дѣйствительно, была таковымъ, такъ какъ была добра и прекрасна; она употребила всѣ усилія, чтобы собрать свѣдѣнія о моемъ лучшемъ другѣ (Бюзо) и даже нашла средство передавать ему мои письма. Это утѣшеніе заставило меня забыть о моемъ заключеніи“.

Въ тотъ же день пришла жена тюремнаго смотрителя, предложивъ мадамъ Роланъ сойти внизъ, гдѣ дожидался желавшій ее видѣть какой-то чиновникъ. Въ это время ей нездоровилось и она лежала въ постели; но тотчасъ же встала и сошла внизъ. Тамъ она увидѣла двухъ муштинъ, которые сказали ей, что они пришли освободить ее. Но это сообщеніе не очень обрадовало мадамъ Роланъ. Она сказала, что это вполне справедливо; но какъ ей быть, чтобы попасть въ свою квартиру, въ которой все опечатано. Чиновникъ обѣщалъ ей въ теченіе дня устранить это препятствіе. Послѣ этого онъ принялъ развязный видъ, стараясь внушить къ себѣ довѣріе, говорилъ о разныхъ вещахъ и, наконецъ, какъ бы невзначай, спросилъ, не знаетъ ли она, гдѣ находится Роланъ. При этомъ вопросѣ она улыбнулась и сказала, что онъ недостаточно благоразумно поставленъ, а потому и не заслуживаетъ отвѣта. Разговоръ наскучилъ ей, и мадамъ Роланъ пошла обратно въ свою камеру, чтобы собрать и упаковать свои вещи. Добрая служанка заплакала слезами радости, придя помочь мадамъ Роланъ при ея сборахъ.

Когда мадамъ Роланъ нанимала проѣзжавшую мимо карету, то была очень удивлена, увидѣвъ чиновника у выходныхъ воротъ. Она приказала везти себя домой,

хотѣла сдать тамъ свои вещи, чтобы сейчасъ же отправиться на свиданіе къ дочери. Проворно выскочивъ изъ кареты, когда она остановилась передъ подъѣздомъ, и привѣтливо раскланявшись съ привратникомъ, она быстро поспѣшила на лѣстницу. Не успѣла она пройти и четырехъ ступенекъ, какъ услышала за собой крикъ двухъ слѣдовавшихъ за нею муштинъ:

— Гражданка Роланъ!

— Что вамъ угодно?—спросила она, обернувшись.

— Мы арестуемъ васъ именемъ закона,—послѣдовалъ рѣзкій отвѣтъ.

„Кто способенъ чувствовать, тому не придется задуматься надъ тѣмъ, чтобы понять, что я пережила въ этотъ мигъ. Я заставила прочесть себѣ приказъ объ арестѣ и тотчасъ же приняла одно рѣшеніе; я сошла съ лѣстницы и быстро пересѣкла дворъ“.—„Куда вы идете?“ спросили полицейскіе.—„Къ хозяину дома, къ которому у меня есть дѣло; слѣдуйте за мною“. Хозяйка сама открыла дверь и засмѣялась отъ радости. „Позвольте мнѣ присѣсть и перевести духъ“, сказала мадамъ Роланъ; „но не радуйтесь; меня сейчасъ освободили, но, кажется, это только грубое издѣвательство“.

Она поспѣшно написала своимъ друзьямъ объ этомъ происшествіи; затѣмъ ее повезли въ тюрьму Сентъ-Пеллажи. Ей казалось весьма страннымъ, что, будучи освобожденной вслѣдствіе отсутствія какого-либо повода къ содержанію ея въ заключеніи, на пути изъ Аббатства къ дому успѣла сдѣлаться подозрительной, а потому она желаетъ знать, какія основанія послужили для ея новаго ареста. Слѣдственный судья сказалъ ей, что ея первый арестъ былъ незаконнымъ, а потому ее нужно было освободить для того, чтобы облечь арестъ въ законную форму.

Когда она прибыла въ тюрьму, ей было предоставлено на выборъ: помѣститься въ одиночную камеру

или вмѣстѣ съ какой-либо другой заключенной; она предпочла первое. Въ этой тюрьмѣ всѣ предметы обстановки приобретались самими заключенными; равнымъ образомъ, они должны были покупать себѣ и продовольствіе, если не могли выносить тюремной пищи. Правительство предоставляло каждому заключенному только одну порцію бобовъ и полфунта хлѣба въ день. Тюремный смотритель предупредилъ мадамъ Роланъ, что ей трудно будетъ выдерживать это. Но если такая пища ни въ чемъ не походила на ту, къ которой она привыкла, ей все-таки не хотѣлось приобретать себѣ другой; ей нравилось приспособляться ко всякому положенію, измѣрять свои силы и смѣло смотрѣть судьбѣ въ лицо. Однако, слабое состояніе здоровья и недостатокъ въ движеніи не позволяли ей продолжительнаго выполненія своего намѣренія. Ея мужество позволяло ей спокойно выносить новое несчастье, но она чувствовала себя оскорбленной грубою хитростью, съ которой ей дали немного насладиться свободой для того, чтобы опутать ее новыми узами! Прежнее опредѣленіе называли неправильнымъ, допустили новый произволъ и придали ему законную форму. Мадамъ Роланъ находилась въ такомъ настроеніи духа, въ которомъ всякія впечатлѣнія чувствительнѣе отражались на состояніи ея здоровья. Она леглась въ постель, но не могла спать. Умѣя владѣть собой, она находила глупымъ хотя немного сопротивляться преслѣдованіямъ, но не могла побороть въ себѣ чувства оскорбленія. Ея преслѣдователи покрыли себя только новымъ позоромъ и, въ сущности, мало измѣнили ея положеніе, къ которому она успѣла уже привыкнуть. Она имѣла время и книги! Здѣсь легче, нежели внѣ тюремныхъ стѣнъ, могла она сосредоточиться въ себѣ самой и ей совсѣмъ не нужно было притворяться. Въ концѣ-концовъ, она разсердилась сама на себя за то, что предалась излишнимъ волненіямъ. Запасшись новыми силами, она рѣ-

шила проводить время съ пользой; сознавая въ себѣ сильную душу, поддерживавшую въ ней независимость, она приводила въ заблужденіе своихъ жестокихъ враговъ. Ей пришла охота заняться рисованіемъ, въ чемъ она давно уже не упражнялась.

Женское отдѣленіе въ тюрьмѣ Сень-Пелажи было расположено по длинному, но очень узкому коридору, въ который выходили двери отъ маленькихъ камеръ. Здѣсь, отдѣленная лишь тонкой оштукатуренной перегородкой, жила мадамъ Роланъ подъ одной кровлей съ публичными женщинами и убійцами; ближе всѣхъ къ ней помѣщалась одна изъ тѣхъ тварей, которая занималась постыднымъ ремесломъ сводничества и торговлей невинностью; далѣе, женщина, уличенная въ поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ и въ разорваніи на куски, вмѣстѣ съ нѣсколькими соучастниками, на большой дорогѣ, существа своего же пола. Каждая камера была снабжена большими замками и засовами; по утрамъ являлся открывать камеры мущина и дерзко въ нихъ заглядывалъ. Обитательницы камеръ собирались затѣмъ въ проходахъ, на лѣстницахъ, на небольшомъ дворѣ или въ сыромъ, зловонномъ залѣ, достойномъ мѣстѣ сбора этого отброса рода человѣческаго. Легко себѣ представить, что мадамъ Роланъ предпочитала оставаться въ своей камерѣ; но тѣснота и такое близкое сосѣдство все же не могли ее избавить отъ невольнаго подслушиванія разговоровъ этихъ женщинъ, но такихъ разговоровъ, которыхъ ея уши никогда еще не слышали и которые страшно ее возмущали. Картина будетъ полнѣе, если добавить, что изъ расположеннаго напротивъ зданія мужского отдѣленія, черезъ окна, доносились самые неприличные возгласы, сопровождаемые неприличными жестами. И это было мѣстомъ заключенія достойной супруги почтеннаго человѣка! „Если это на землѣ награда за добродѣтель, то пусть не удивляются моему пренебреженію жизнью и моей рѣшимости,

съ которой я сумѣю пойти навстрѣчу смерти. Никогда она не казалась мнѣ страшной; теперь же я нахожу въ ней даже прелесть! Я съ восторгомъ обняла бы смерть, если бъ не требовала отъ меня моя маленькая дочь не покидать ее еще; если бъ я знала, что мое добровольное отступленіе не дастъ въ руки клеветникамъ моего мужа новаго оружія, славу котораго я могла бы возвеличить, когда его осмѣлились бы показать мнѣ передъ революціоннымъ трибуналомъ. Смерть, которую я съ радостью привѣтствую, могла бы явиться въ тюрьмѣ Сенъ-Пелажи для меня только желательной, если бъ меня не притягивали къ землѣ эти важныя соображенія! Моя стража, болѣе нежели я сама, хлопочетъ о моемъ положеніи и его облегченіи!“ Мадамъ Роланъ имѣла намѣреніе покончить самоубійствомъ, сначала посредствомъ яда; но такъ какъ ей нельзя было добыть его, то хотѣла уморить себя голодомъ. Но вскорѣ она отъ этой мысли отказалась.

„Необыкновенная жара въ іюлѣ дѣлала мою камеру невозможною для жилья. Жена тюремнаго смотрителя предложила мнѣ въ теченіе дня проводить время въ ея квартирѣ, чѣмъ я и пользовалась послѣ обѣда; мнѣ тогда пришла мысль просить ее поставить къ ней фортепіано, за которымъ я иногда и развлекалась. Я знала, что Роланъ находился въ надежномъ убѣжищѣ, гдѣ ему оказывали всякія утѣшенія и дружеское вниманіе; дочь моя была въ семьѣ почтенныхъ людей и продолжала получать образованіе подъ ихъ наблюденіемъ совместно съ ихъ дѣтьми, такъ что въ ея воспитаніи не произошло никакого ущерба. Мои укрывшіеся бѣгствомъ друзья находились въ Канѣ подъ охраной значительныхъ силъ. Тотъ изъ нихъ, кто былъ для меня дороже всѣхъ, Бюзо, нашелъ средство и пути доставлять мнѣ свѣдѣнія о себѣ; я могла писать ему, и вѣрила, что мои письма будутъ доходить до него. Благоденствіе республики я видѣла въ предстоявшихъ великихъ со-

бытіяхъ; что касается моей собственной судьбы, то я могла еще считать себя счастливой. Счастіе зависитъ менѣе отъ внѣшнихъ явленій, нежели отъ разумныхъ взглядовъ на нихъ и личныхъ душевныхъ свойствъ. Я проводила полезнымъ и пріятнымъ способомъ свое время и часто имѣла свиданія съ четырьмя лицами, которыя навѣщали меня еще и въ тюрьмѣ Аббатства: честнымъ Гранпрэ, должность котораго давала ему на это право; аккуратнымъ Боскомъ, который приносилъ мнѣ цвѣты изъ ботаническаго сада, яркія краски, прекрасныя формы и нѣжный запахъ которыхъ скрашивали угрюмость мѣста моего заключенія; затѣмъ, симпатичнымъ Шампанье, который такъ убѣдительно уговаривалъ меня братья за перо, чтобы продолжать мои историческія замѣтки, и, наконецъ, моимъ добрымъ геніемъ (мадамъ Лувэ), который приносилъ мнѣ письма“.

Жена тюремнаго смотрителя Бушо добилаься, чтобы мадамъ Роланъ освободили отъ ея мерзкаго сосѣдства, и предоставила ей небольшую комнату рядомъ съ своей квартирой. Мадамъ Роланъ украсила окно цвѣтами, за которыми не стало замѣтно рѣшетки; въ эту же комнату были перенесены фортепіано, шкафъ и всѣ прочіе предметы, необходимые для занятій и обихода. По-временамъ мадамъ Роланъ могла забывать, что была арестанткой.

„Парижъ—какъ второй Вавилонъ; народъ стремится по его улицамъ на шутовскія торжества, любитъ казнями толпы несчастныхъ, которые приносятся въ жертву его дикаго невѣжества, въ то время, какъ кучка эгоистовъ наполняетъ театры или какъ малодушные граждане трусливо прячутся въ своихъ жилищахъ, гдѣ они также не увѣрены въ безопасности, если какому-нибудь сосѣду взбредетъ на умъ утверждать, что кто-либо изъ нихъ велъ неподходящій разговоръ, порицалъ 2-е іюня или сокрушался о гибели орлеанидовъ. О, мое отечество, въ какія нечистыя руки ты попало! Всѣ мои

друзья въ изгнаніи, Роланъ скрывается, и только благодаря этому, имѣющему не менѣе сходства съ тяжелымъ арестомъ, положенію онъ избѣгъ жестокости своихъ враговъ. Остается только, чтобы и эти немногіе друзья, давшіе ему убѣжище, подверглись такому же гоненію“.

Мадамъ Роланъ обсуждала планъ воспитанія своей дочери и вдругъ воскликнула: „Но, Боже мой! Вѣдь, я арестантка; она же живетъ отдѣльно отъ меня. Я не могу даже рѣшиться допустить, чтобы она пришла ко мнѣ, чтобы прижать ее къ своему сердцу. Ненависть распространяется даже на дѣтей тѣхъ, кого преслѣдуетъ тиранія, и дочь моя, съ ея дѣвственнымъ личкомъ и чудными бѣлокурыми волосами, не можетъ показаться на улицѣ безъ того, чтобы эти подглядывающія, приученныя ко лжи и отъ нея погибшія, твари не обращали на нее вниманія, какъ на отпрыскъ заговорщика. Жестокіе, какъ умѣете вы надрывать сердце матери!“

Однажды утромъ въ комнату мадамъ Роланъ вошелъ тюремный инспекторъ и, пораженный предоставленными ей удобствами, отправился съ выговоромъ къ мадамъ Бушо. Эта сказала, что мадамъ Роланъ больна и потому она помѣстила ее поближе къ себѣ, чтобы легче наблюдать за ней; кромѣ того, она часто играетъ на фортепіано, но инструментъ не помѣщается въ ея камерѣ. „Вотъ въ этомъ-то ей и слѣдовало отказать“, сказалъ инспекторъ и приказалъ, чтобы мадамъ Роланъ немедленно отправлялась въ свою камеру и чтобы надзирательница строго соблюдала равенство для всѣхъ заключенныхъ.

Онъ назвалъ это „равенствомъ“, когда мадамъ Роланъ будетъ опять находиться по сосѣдству съ непотребными женщинами! Мадамъ Бушо была этимъ опечалена сильнѣе, чѣмъ можно было себѣ представить. Но мадамъ Роланъ утѣшала ее, выказывая большое спо-

койствіе и покорность судьбѣ. Онѣ пришли къ соглашенію, что мадамъ Роланъ будетъ на день опять сходить къ ней, чтобы дышать свѣжимъ воздухомъ и предаваться своимъ занятіямъ. Въ комнатѣ, гдѣ она передъ этимъ поселилась, все оставалось въ нетронutomъ видѣ.

Тѣмъ временемъ сосѣднія камеры наполнялись другими женщинами, сносятся съ которыми не представлялось постыднымъ, и съ нѣкоторыми она обращалась даже очень любезно.

Въ день казни Бриссо *), мадамъ Роланъ была переведена въ Консьержери, гдѣ и была помѣщена въ вонучій казематъ, съ кроватью безъ одѣяла, которое, впрочемъ, ей было любезно предложено однимъ заключеннымъ. На другой день ее допрашивалъ въ судебной камерѣ судья Давидъ, въ присутствіи публичнаго обвинителя и одного депутата.

Проектъ защиты передъ революціоннымъ трибуналомъ.

„Возбужденное противъ меня обвиненіе основано исключительно на подозрѣніи моего соучастія въ дѣйствіяхъ лицъ, которыхъ называли заговорщиками. Мои дружественныя отношенія къ нѣкоторымъ изъ нихъ не имѣли ничего общаго съ ихъ политическими стремленіями, благодаря которымъ въ настоящее время ихъ считаютъ достойными наказанія. Сношенія, которыя я поддерживала съ ними черезъ посредство другихъ лицъ, ко времени ихъ отъѣзда изъ Парижа, не находятся ни въ какой связи съ событіями. Въ настоящемъ смыслѣ слова, я не вела никакой политической переписки, и въ этомъ отношеніи я бы могла совершенно отказаться отъ показаній, такъ какъ нельзя же требовать отъ меня отчета въ моихъ личныхъ склонностяхъ. Но я могу только гордиться какъ своимъ, такъ и ихъ поведеніемъ,

*) См. примѣч. на стр. 49.

и мнѣ нечего скрываться передъ гласностью. Я подтверждаю, что мнѣ выражали сожалѣніе по поводу моего содержанія подъ арестомъ и увѣдомляли о находящихся у дю-Перрѣ двухъ письмахъ для меня; но были ли эти письма написаны передъ или послѣ того, какъ мои друзья покинули Парижъ, а равно исходятъ ли они отъ одного или двухъ изъ нихъ, я не знаю. Они не дошли до меня. Дю-Перрѣ довѣрилъ ихъ въ другія руки, но ко мнѣ они не попали. Въ другой разъ я получила настойчивое требованіе рѣшиться бѣжать изъ тюрьмы и даже предложеніе помочь мнѣ въ этомъ средствами, какія я найду подходящими, при чемъ мнѣ указывалось убѣжище, въ которомъ я могла бы считать себя въ полной безопасности. Ничему подобному я не хотѣла послѣдовать, какъ въ видахъ исполненія своихъ обязанностей, чтобы не подвергать опасности тѣхъ, надзору которыхъ я была довѣрена, такъ и изъ чувства чести, которое, во всякомъ случаѣ, я предпочитала; несравненно почетнѣе подвергаться опасности несправедливаго процесса, нежели избѣгать его недостойнымъ меня путемъ бѣгства. 31 мая я добровольно допустила арестовать себя, но не для того, чтобы послѣ бѣжать“.

„Вотъ чѣмъ ограничиваются мои отношенія къ моимъ скрывшимся друзьямъ. Безъ сомнѣнія, я искала случая добывать себѣ о нихъ свѣдѣнія, и, конечно, нашла бы, если бы пути сношеній не были прерваны или если бы не препятствовало мнѣ къ этому мое заключеніе, такъ какъ я не знаю закона, который могъ бы мнѣ это воспретить. Ахъ! гдѣ или у какого народа на свѣтѣ дружба, уваженіе и братство, которыя люди завязываютъ между собою, когда либо вмѣнялись въ преступленіе? Я не обсуждаю намѣреній, которыми руководились бѣглецы; да я ихъ и не знаю. Но ни подъ какимъ видомъ я не допускаю злого умысла у тѣхъ, честность, гражданская доблесть и великодушная преданность

отечеству которыхъ такъ наглядно были доказаны. Если они ошибались, то виною могло быть неправильное направленіе мысли, но хорошей мысли; они побуждены не будучи униженными, и, въ моихъ глазахъ, несчастны, не будучи виновными. Если бѣ въ ихъ положеніи я сама была, то, оберегая свое благополучіе, я бы объявила объ этомъ всему міру. Я не беспокоюсь за ихъ славу и охотно соглашаюсь раздѣлить съ ними честь быть угнетенной ихъ врагами. Я видѣла этихъ людей, которыхъ обвинили въ заговорѣ противъ своего отечества. Это были гуманные, но отъявленные республиканцы, которые были убѣждены въ необходимости хорошихъ законовъ, чтобы возвысить республику въ глазахъ тѣхъ, кто сомнѣвался въ возможности ея сохраненія, что въ дѣйствительности труднѣе, чѣмъ подвергнуть ихъ смерти. Исторія всѣхъ временъ доказала, что нужно обладать высокими дарованіями для управленія людской добродѣтелью посредствомъ хорошаго закона, тогда какъ для того, чтобы держать людей въ страхѣ или уничтожать ихъ путемъ умерщвленія, достаточно примѣненія насильственной власти. Я слыхала, какъ они утверждали, что избытокъ и счастье вытекаютъ изъ справедливаго, благотѣльнаго и строго законнаго государственнаго устройства, тогда какъ постоянная угроза штыками навлекаетъ много страха, но не даетъ ни куска хлѣба. Я видѣла ихъ живо воодушевлявшимися благоденствіемъ народа, но не желавшими льстить ему, а рѣшившимися твердо пожертвовать собою вслѣдствіе его ослѣпленія, нежели обманывать его въ угоду ослѣпителямъ. Я утверждаю, что такія основанія и такіе поступки казались мнѣ совершенно несходными съ поведеніемъ тирановъ или честолюбцевъ, которые, желая нравиться народу, ищутъ способовъ къ его поработенію. Я чувствовала глубокое благоговѣніе къ этимъ великодушнымъ мужамъ. Если это ошибка, то пусть она и остается во мнѣ вплоть до могилы, и я почту за

счастье слѣдовать за тѣми, которыхъ не могла опередить“.

„Моя защита, я должна говорить правду, имѣетъ гораздо больше значенія для тѣхъ, кто желаетъ оправдаться, чѣмъ для меня самой. Спокойно и съ полнымъ сознаніемъ я относилась къ своимъ обязанностямъ и съ яснымъ взоромъ выступаю навстрѣчу грядущаго будущаго. Мои серьезныя наклонности, моя привычка учиться держали меня вдали одинаково какъ отъ пустой суеты, такъ и отъ безпокойныхъ интригъ. Какъ приверженица свободы, значеніе которой научило меня размысленіямъ, я съ восторгомъ поклонялась революціи, въ твердомъ убѣжденіи, что она обозначаетъ эпоху паденія господствующаго произвола, который я ненавижу, уничтоженія злоупотребленій, которыя наводили меня на грустные размысленія о положеніи нуждающихся классовъ. Я съ любопытствомъ слѣдила за успѣхами революціи, съ увлеченіемъ относилась къ ходу общественныхъ событій, но никогда не переходила границъ, указанныхъ мнѣ моимъ поломъ. Нѣкоторыя дарованія, порядочное философское воспитаніе, достаточная доля храбрости, не допустившей меня растеряться передъ грозившей моему мужу опасностью, вотъ, вѣроятно, все то, чѣмъ у однихъ, которые меня знали, я заслужила тайную похвалу, и что надѣлало мнѣ много враговъ среди тѣхъ, которые меня вовсе не знали“.

„Роланъ пользовался мною иногда для выполненія секретарскихъ обязанностей и, напримѣръ, знаменитое письмо къ королю написано моею рукою; оно явилось бы прекраснымъ документомъ въ моемъ процессѣ, если бы судили меня австрійцы и если бы имъ пришлось на умъ отвѣтственность министра распространить и на его жену. Но Роланъ уже съ давнихъ поръ доказалъ свои познанія и свою твердость въ высокихъ убѣжденіяхъ; доказательства эти существуютъ въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ, которыя еще 15 лѣтъ тому назадъ

вышли изъ печати. Онъ обладаетъ собственными умомъ и честностью и не заимствовалъ ихъ отъ жены для того, чтобы стать мудрымъ министромъ. Никогда у него не происходило никакихъ противозаконныхъ засѣданій или другихъ тайныхъ сходовъ. Его товарищи, которые навѣщали его довольно часто, немногіе друзья и знакомые одинъ разъ въ недѣлю собирались къ его столу, при чемъ всѣ говорили совершенно открыто о томъ, что интересовало весь міръ. Впрочемъ, всѣ письменныя работы его, какъ министра, дышатъ любовью къ порядку и спокойствію и съ большимъ чувствомъ излагаютъ его высокіе принципы нравственныхъ и политическихъ воззрѣній и навсегда будутъ служить лучшимъ доказательствомъ его мудрости, какъ равно его отчетъ докажетъ его невинность“.

„Возвращаясь къ проступку, въ которомъ меня обвиняютъ. Замѣчу при этомъ, что къ дю-Перрѣ я не имѣла никакого отношенія; иногда я видѣла его, во время министерства моего мужа, но вотъ уже шесть мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ не состоитъ въ этой должности, и за все это время дю-Перрѣ уже ни разу не навѣщалъ меня. Такого рода отвѣтъ я могу повторить и относительно другихъ депутатовъ, моихъ друзей, что должно устранить всякое предположеніе о какомъ-либо соглашеніи или заговорѣ, которые намъ приписываютъ. Это съ ясностью можно вывести изъ письма къ дю-Перрѣ, которое именно этому депутату я и писала, вслѣдствіе невозможности обратиться къ кому либо другому, и въ предположеніи, что онъ охотно окажетъ мнѣ любезность. Такимъ образомъ, моя переписка съ нимъ не была предусмотрѣна и не являлась слѣдствіемъ предшествовавшего соглашенія, и только въ одномъ она могла бы подать ничтожный поводъ къ упреку. Это былъ случай получить извѣстія о тѣхъ, которые тогда находились въ отсутствіи, но съ которыми я была связана дружбой, совершенно независимой отъ

политическихъ соображеній. Она не имѣла также никакого значенія относительно способа сношеній, которыхъ я придерживалась въ первое время ихъ отсутствія. Ни одинъ поступокъ въ этомъ дѣлѣ не даетъ противъ меня никакой улики, а тѣ, которыя выставляются, даютъ лишь ничтожный поводъ къ догадкѣ, что я раздѣляла взгляды и чувства тѣхъ, кого называютъ заговорщиками. Такая догадка основательна, я громко это подтверждаю и горжусь своимъ сочувствіемъ къ нимъ. Но я не говорю о немъ съ полною откровенностью, за которую могли бы считать меня преступной и какимъ бы то ни было образомъ поднимать изъ-за него тревогу. Чтобы принять соучастіе въ исполненіи какого-либо намѣренія, слѣдуетъ поддерживать его совѣтами или средствами; я не сдѣлала ни того, ни другого, и въ этомъ отношеніи не преступила закона; нѣтъ повода судить меня, потому что не существуетъ проступка, который давалъ бы право примѣненія того или иного закона“.

„Мнѣ извѣстно, что во время революціи законъ и правосудіе часто забываются; доказательство этому, что я нахожусь здѣсь. Моимъ процессомъ я обязана только предвзятой и горячей ненависти, которая обыкновенно развивается въ смутныя времена противъ тѣхъ, кто стоитъ у всѣхъ на виду или за кѣмъ чувствуютъ какія-либо преимущества. При моемъ мужествѣ мнѣ легко было бы уклониться отъ слѣдствія, которое я предвидѣла, но я предпочла не избѣгать его. Я считала себя обязанной такимъ примѣромъ передъ моимъ отечествомъ; я думала, что въ случаѣ моего осужденія даже слѣдуетъ предоставить тиранніи такое мерзкое дѣло, какова казнь женщины, не имѣвшей никакой вины, кромѣ той, что она обладала нѣкоторымъ талантомъ, которымъ она пользовалась лишь для того, чтобы служить на благо человѣчества и имѣла мужество не отречься отъ своихъ друзей, рискуя жизнью за

честь свою. Великія души понимаютъ, что надо забывать самихъ себя, когда чувствуютъ, что обязаны посвящать себя общему благу и онѣ отразятся только какъ въ зеркалѣ передъ глазами потомства“.

„Я принадлежу добродѣтельному, преслѣдуемому Ролану и поддерживала знакомство съ мужчинами, отданными въ жертву заблужденію и ненависти завистливой посредственности. Необходимо, чтобы я тоже погибла, когда придетъ моя очередь, такъ какъ взглядамъ тиранніи соотвѣтствуетъ пожертвованіе тою, которая пренебрегла ею, и истребленіе тѣхъ свидѣтелей, которые могутъ изобличить ея поступки. По этимъ двумъ причинамъ я подлежу смерти и готовлюсь къ этому. Когда невинный подвергается смертной казни, къ которой приговариваютъ его заблужденіе и порокъ, то онъ достигаетъ этимъ только славы“.

„Ахъ, если бъ я могла быть послѣдней жертвой, которая приносится въ угоду неистоваго партійнаго духа! Я съ радостью покину эту несчастную землю, которая поглощаетъ честнѣйшихъ людей и напивается кровью праведниковъ!“

„Истина! Отечество! Дружба! Священныя блага! дорогія сердцу моему, примите мою послѣднюю жертву. Жизнь моя была вамъ посвящена. Вы, въ свою очередь сдѣлаете мою смерть привлекательной и славной!“

„Праведное Небо! просвѣти этотъ несчастный народъ, которому я желала свободы!.. Свобода! Она дается гордымъ душамъ, презирающимъ смерть и готовымъ умереть за нее когда это нужно. Она не для тѣхъ слабыхъ мужей, которые не задумываются передъ преступленіемъ, прикрывая свой эгоизмъ и свою трусость словомъ „осторожность“. Она не для тѣхъ испорченныхъ натуръ, которыя происходятъ отъ разврата или изъ грязи нищеты и упиваются кровью, брызгающей съ эшафота; она создана для народа мудраго, любящаго человѣчество, блюдещаго законность, презирающаго льстецовъ, познаю-

щаго истинныхъ друзей и высоко держащаго знамя правды. До тѣхъ поръ, сограждане, пока вы не будете такими, вы напрасно будете говорить о свободѣ! На долю каждаго изъ васъ будетъ выпадать лишь преимущество приносить самого себя въ жертву, когда до этого доидетъ очередь. Вы будете требовать хлѣба, вамъ укажутъ на трупы, и вы кончите тѣмъ, что будете поработаны“.

„Я не скрывала ни своихъ чувствъ, ни своихъ взглядовъ. Я знаю, что одна римская матрона при Ти-веріѣ была присуждена къ смерти за то, что она оплакивала своего сына. Я знаю, что въ періодъ заблужденія и неистовствъ партійнаго духа, каждый, кто осмѣлится признать себя другомъ приговореннаго или преслѣдуемаго, подвергается опасности раздѣлить съ нимъ его участь. Но, я презираю смерть и ничего болѣе такъ не страшилась, какъ преступленія. Своихъ дней я не буду охранять цѣною трусости“.

„Горе времени! горе народу, не имѣющему силы цѣнить истины, насильственно угнетаемой, только потому, что ему грозитъ опасность, которую онъ не въ состояніи предотвратить. Счастливы тѣ, кто способны итти ей навстрѣчу!“

„Теперь вамъ остается рѣшить, въ вашихъ ли интересахъ осудить меня, за неимѣніемъ уликъ, основываясь лишь на предубѣжденіи и не опираясь ни на какой законъ“.

Когда мадамъ Роланъ была переведена въ Консержери, то поняла, что предназначалась къ смерти; отсюда никто живымъ уже болѣе не выходилъ. Къ смерти она готовилась съ присущимъ ей философскимъ спокойствіемъ. Вотъ нѣкоторыя изъ ея прекрасныхъ прощальныхъ писемъ.

Къ моей дочери!

13 октября 1793 года.

„Не знаю, моя драгоценная, удастся ли мнѣ увидѣть тебя или еще разъ написать тебѣ. *Помни свою мать!*

Эти немногія слова содержать въ себѣ все, что я могу сказать тебѣ хорошаго. Ты видѣла меня счастливою, когда мнѣ удавалось старательно выполнять свой долгъ и быть полезной тѣмъ, кто страдалъ; только этимъ путемъ и достигается счастье“.

„Ты видѣла меня въ несчастіи и сидящей въ заключеніи; но я утѣшалась воспоминаніями и радостью со-знанія, что оставляю по себѣ хорошій слѣдъ. Только этимъ путемъ, кто на это способенъ, можно перенести страданія жизни и превратности судьбы“.

Быть можетъ, да я и надѣюсь также, что ты не будешь подвергаться такимъ же испытаніямъ, какъ я; но, существуютъ другія, противъ которыхъ тебѣ придется защищаться. Честная, трудовая жизнь есть наилучшее средство предохраненія противъ всякихъ опасностей. Нужда и разумъ налагаютъ на тебя обязанность честно трудиться“.

„Будь достойна своихъ родителей; они оставляютъ тебѣ почетный примѣръ и если ты съумѣешь извлечь изъ него пользу, то не будешь вести бесполезной жизни“.

„Будь счастлива, моя возлюбленная дочь; я, которая вскормила тебя молокомъ своей груди, хотѣла бы внушить тебѣ всѣ мои чувства. Придетъ время, когда ты будешь въ состояніи обсудить, какое самообладаніе должно было руководить мною, чтобы не разстроиться при взглядѣ на твое нѣжное личико. Я прижимаю тебя къ своему сердцу“.

„Будь счастлива, моя дорогая Евдора!“

Къ мадамъ Крезэ ля-Тушъ.

„Гражданка, вы отдааете долгъ несчастію и обязываете себя добромъ за довѣріе, что для меня очень дорого. Я вѣрю въ дружескій выборъ и на этомъ основаны мои надежды на облегченіе участи, которая дѣлаетъ мое настоящее положеніе весьма тяжелымъ.“

„Мужество даетъ возможность переносить легко собственные страданія; но сердце матери трудно успокоить относительно участи ребенка, отъ котораго она чувствуетъ себя оторванной“.

„Если несчастье сильнѣе отражается на заботахъ, вообще, то пусть оно не коснется моей милой Евдоры и да сохранить ее судьба, не скажу, отъ страданій, подобныхъ моимъ, но отъ такихъ, которыя въ моихъ глазахъ представляются гораздо болѣе опасными! Не лишилась бы она невинности, и въ одинъ прекрасный день достигла бы того, чтобы съ миромъ и съ полнымъ сознаніемъ могла бы начать выполненіе высокаго назначенія супруги и матери. Она должна подготовиться къ этому дѣятельнымъ и порядочнымъ образомъ жизни, и при склонностяхъ къ обязанностямъ ея пола присоединить еще нѣкоторый опытъ, могущій когда-нибудь и пригодиться ей; я знаю, что для этого у васъ она найдетъ все необходимое“.

„У васъ есть сынъ, хотя я не осмѣливаюсь сказать, что эта мысль меня очень беспокоитъ, такъ какъ у васъ есть и дочь, что меня даже, напротивъ, ободряетъ. Кажется, для такой чувствительной души и матери, для такого существа, какимъ я васъ себя представляю, этимъ много сказано“.

„Мое положеніе вызываетъ сильное чувство, но оно не позволяетъ мнѣ выразить его съ большей ясностью“.

„Примите мои наилучшія пожеланія и мою благодарность“.

„Мать Евдоры“.

Къ моей служанкѣ Флери!

„Милая дѣвушка, ты, вѣрность, служба и привязанность которой, начиная съ моего тринадцатилѣтняго возраста, были для меня такъ дороги, прими мой сердечный поцѣлуй и мои наилучшія пожеланія!“

„Сохрани воспоминанія о томъ, чѣмъ я была. Это утѣшитъ тебя за то, что я теперь переношу. Честные люди достигаютъ вершины славы, когда они сходятъ въ могилу. Моимъ страданіямъ наступитъ конецъ, умѣрь же и ты свои страданія и думай о мирѣ, который наступитъ для меня и которому уже никто не будетъ въ состояніи помѣшать“.

„Передай моей Агатѣ, что я уношу съ собою отъ раду сознанія ея любви ко мнѣ со времени моего дѣтства, какъ равно и сожалѣніе о томъ, что не имѣю возможности доказать ей своей привязанности. Я бы желала быть тебѣ полезной или, по меньшей мѣрѣ, не огорчать тебя“.

„Прощай, бѣдная моя дѣвушка, прощай!“

* * *

„А ты, назвать котораго я не осмѣливаюсь*), ты, котораго когда-нибудь узнаютъ лучше, когда займуться расслѣдованіемъ нашего общаго несчастья. Ты, который сумѣлъ превозмочь самую бурную страсть, чтобы не переступить предѣловъ добродѣтели, развѣ ты можешь огорчаться, что я раньше тебя прибуду въ тѣ мѣста, гдѣ уже никто не помѣшаетъ намъ соединиться? Тамъ безмолвствуютъ нечестивые предразсудки, условныя ограниченія, исполненныя ненависти страсти и всякаго иного рода тираннія. Я буду дожидаться тебя и отдохну сама. Оставайся пока здѣсь, если найдется убѣжище для сохраненія чести, оставайся, чтобы обличить несправедливость, подвергшую тебя опалѣ“.

„Но, если упрямый рокъ преслѣдуетъ тебя по пятамъ, то не позволяй наемной рукѣ подняться на тебя; умри свободнымъ, какъ ты умѣлъ жить, и пусть такое же великое мужество, какое не покидаетъ меня при моемъ стремленіи къ оправданію, будетъ сопровождать

*) Бюзо.

и твой послѣдній поступокъ. Прощай... Впрочемъ, нѣтъ, только съ тобой однимъ я не разлучаюсь. Оставить землю, это значить для насъ приблизиться другъ къ другу“.

„Вы, всѣ, которыхъ, по своей добротѣ, послало мнѣ Небо въ друзья, обратите ваши взоры и ваше попеченіе на мою сироту. Она, какъ молодое растеніе, вырванное изъ родныхъ нѣдръ земли, которыя его питали, можетъ завянуть и даже, можетъ быть, подвергнется оскорбленіямъ перваго встрѣчнаго. Вы дали ей надежное и благодѣтельное убѣжище и пусть она разцвѣтетъ тамъ, восхищая васъ своими душевными и физическими качествами. Я ничего не могу прибавить къ тому, что уже въ краткихъ словахъ написала благородной женщинѣ, съ такой добротой согласившейся занять мое мѣсто при моемъ ребенкѣ. Услуга, оказываемая мнѣ ею и ея мужемъ, наполняетъ меня чувствами, которыя я унесу съ собой въ могилу и для которыхъ на этомъ свѣтѣ не имѣется способа, чтобы достойно ихъ выразить“.

„Будьте счастливы! мое дитя, мой супругъ, моя служанка, мои друзья! Прощай солнце, блестящіе лучи котораго проникали въ мою душу и побуждали ее возноситься къ Небу! Прощайте, тихій деревенскій просторъ, красоты котораго я такъ часто созерцала, и вы, деревенскіе жители, тѣ, которые благословляли мое присутствіе, потъ которыхъ я утирала, бѣдствіе которыхъ я облегчала, болѣзни которыхъ я лѣчила! Прощай, уютная комната, въ которой я питала свой умъ познаніемъ истины, напрягала свое усердіе къ образованію, и въ тишинѣ которой научилась примѣнять свои способности и презирать суетность этого свѣта!“

Подруга дѣтства мадамъ Роланъ, которую мы знаемъ подъ дѣвическимъ именемъ Генріетты Каннэ, была уже вдовою въ то время, когда мадамъ Роланъ находилась въ тюрьмѣ Сень-Пелажи. Она посѣтила ее

тамъ и великодушно предложила ей пойти вмѣсто нея на эшафотъ. Мадамъ Роланъ должна была спастись бѣгствомъ, чтобы сохранить себя для своей семьи. Но, предоставимъ рассказать объ этомъ самой вѣрной подругѣ мадамъ Роланъ: „Я была бездѣтной вдовой, мой мужъ, господинъ Вуглансъ, умеръ въ 1791 году. Мадамъ Роланъ имѣла пожилого уже мужа и маленькую, прелестную дочь, оба нуждались въ ея попеченіяхъ, какъ супруги и матери. Что было естественнѣе, какъ пожертвовать моей бесполезной жизнью, чтобы спасти столь необходимое существованіе для ея семьи. Я хотѣла помѣняться съ ней одеждой и сдѣлаться арестанткой вмѣсто нея, въ то время какъ она должна была попытаться выйти изъ тюрьмы въ моей одеждѣ. Но,... всѣ мои мольбы и слезы ни къ чему не привели. „Вѣдь, тебя же казнятъ, моя добрая Генріетта“, безпрестанно повторяла мадамъ Роланъ; „пролитая тобою кровь падетъ обратно на меня же; честнѣе претерпѣть тысячу смертей, нежели упрекать себя въ твоей смерти!“ Когда я убѣдилась въ ея непоколебимости, то сказала ей: прощай! Больше я никогда ее уже не видѣла“.

Этотъ великодушный поступокъ дѣлаетъ честь памяти Генріетты и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ славу мадамъ Роланъ, тѣмъ болѣе, что Генріетта принадлежала къ роялистской семьѣ и, раздѣляя воззрѣнія послѣдней, съ огорченіемъ порицала склонности своей подруги къ революціонному движенію и мечтамъ объ осуществленіи республики. Несмотря на явное вмѣшательство ея въ политику, во время министерства Ролана, Генріетта тѣмъ не менѣе сохраняла къ ней дружбу и развила ее до такой степени, что готова была даже пожертвовать собою для сохраненія ея жизни!

Мадамъ Вуглансъ въ послѣдствіи вышла замужъ второй разъ и умерла въ Амьенѣ 27 января 1838 года 89 лѣтъ.

Когда пришелъ къ мадамъ Роланъ адвокатъ Шово-Лагардъ, чтобы переговорить съ ней, то она выслушивала его совершенно спокойно и хладнокровно обсуждала съ нимъ возможные средства къ своей защитѣ. Затѣмъ, растроганная его совѣтами, она сняла съ своего пальца кольцо и, передавая его адвокату, сказала:

— Завтра я перестану уже существовать, такъ какъ знаю участь, которая меня ожидаетъ. Ваши совѣты драгоценны для меня, но для васъ они могутъ быть роковыми. Иначе говоря, не спасши меня, вы сами можете подвергнуться несчастью. Я не хочу испытывать горечи чувствовать себя виновною въ смерти уважаемаго человѣка. Примите единственное доказательство моей благодарности, которое я въ состоянii вамъ представить. Не приходите завтра на судъ, я, все равно, откажусь отъ васъ.

9 ноября 1793 года (18 брюмера II года) мадамъ Роланъ была приговорена революціоннымъ трибуналомъ къ смерти.

Этому приговору предшествовалъ разборъ дѣла по формѣ и обычаю этого ужаснаго трибунала, при чемъ составлявшіе его грубые насильники стѣсняли мадамъ Роланъ въ ея защитѣ, пуская въ ходъ самую ужасную на нее клевету. Эти обстоятельства, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ, не были занесены въ протоколъ. Только одинъ человѣкъ рѣшился придерживаться правды, но, вслѣдствіе этого, вскорѣ послѣ проявленія такой смѣлости, самъ былъ отправленъ на эшафотъ. Это былъ честный Лекокъ, который почти восемь мѣсяцевъ состоялъ на службѣ при Роланѣ, весьма достойный уваженія человѣкъ, благодаря своимъ превосходнымъ качествамъ заслуживавшій лучшей участи.

Когда былъ произнесенъ смертный приговоръ, мадамъ Роланъ крикнула своимъ судьямъ:

— Вы считаете меня достойной раздѣлить жребіи великихъ мужей, убитыхъ вами. Благодарю васъ за честь и въ то же время могу васъ увѣрить, что, на пути къ эшафоту, я буду держать себя съ такимъ мужествомъ, какъ и тѣ герои.

Мадамъ Роланъ, какъ и ожидали отъ нея ея друзья, вступила на эшафотъ съ полнымъ спокойствіемъ великой души, превосходящей мысль о смерти, сохраняя въ самой себѣ столько твердости, чтобы преодолѣть естественный ужасъ.

Въ день, когда ей предстояло выслушать приговоръ, она одѣлась съ большимъ тщаніемъ.. Она избрала бѣлый цвѣтъ, какъ символъ ея душевной чистоты, и прислонилась къ тюремной рѣшеткѣ въ ожиданіи своей очереди. Одной рукой она придерживала шлейфъ отъ своего платья, другую предоставила толпѣ окружившихъ ее женщинъ и желавшихъ поцѣловать ее. Не всѣ знали, что мадамъ Роланъ шла на встрѣчу вѣрной и скорой смерти, тѣ же изъ нихъ, которыя лучше были освѣдомлены, рыдали и поручали судьбу ея Провидѣнію. Мадамъ Роланъ всѣмъ отвѣчала съ сердечной добротой. Хотя она и не общалась имъ вернуться, но и не говорила также, что идетъ на встрѣчу вѣрной смерти. Она упрашивала ихъ не предаваться отчаянію, но помочь ей съ мужествомъ покориться злему року. Старый тюремный смотритель, по имени Фонтеней, закаленный въ своей тридцатилѣтней службѣ видомъ столь многочисленныхъ человѣческихъ страданій, плакалъ, когда открывалъ рѣшетку для пропуска мадамъ Роланъ въ судебный залъ! Два часовыхъ у входа въ революціонный трибуналъ окликнули ее и при этомъ, для всякаго другого ужасномъ, окликъ она бодро выступила впередъ, сказавъ мимоходомъ одному изъ присутствовавшихъ друзей.

— Заклучимъ миръ, милостивый государь, теперь какъ разъ пора; прощайте!

Когда она увидѣла наворачнувшіяся на его глаза слезы, она крикнула:

— Мужайтесь!

Геройская смерть мадамъ Роланъ едва была замѣчена большой толпой. Умирать съ твердостью въ тѣ дни казалось обыкновеннымъ явленіемъ.

Этотъ день, 9 ноября 1793 года, былъ холодный. Лишенная зелени мрачная природа соотвѣтствовала унылому настроенію многихъ сердець. Между двумя садами съ безлиственными деревьями спускалась ночь. Было половина пятого часа вечера. На дрогахъ сидѣли мадамъ Роланъ и другая предназначенная къ смерти жертва, директоръ печатни ассигнацій, нѣкто Ламаркъ. Дроги тихо катились по привычной дорогѣ черезъ Мѣнову мостъ, на набережную Мессажери. Толпа любопытныхъ, какъ и всегда, собиралась на улицахъ, чтобы поглазѣть на этотъ печальный поѣздъ, и изступленно кричала: „На гильотину! на гильотину!“ повода въ воздухѣ кулаками. Мадамъ Роланъ крикнула къ неистовствовавшимъ женщинамъ:

— Успокойтесь, вы же видите, что я уже на пути къ ней. Тѣ, кто отправляетъ меня туда, скоро сами послѣдуютъ за мной и вы совершенно одинаково будете рукоплескать ихъ смерти, какъ сегодня празднуете мою!

Сидѣвшій рядомъ съ мадамъ Роланъ товарищъ по участи чувствовалъ себя отвратительно отъ безпорядочныхъ криковъ толпы и страха передъ близкой смертью. Считая себя обязанной выполнить свое послѣднее назначеніе какъ женщины, она отнеслась къ нему съ состраданіемъ. Она была утѣшительницей въ тюрьмахъ, теперь пожелала быть такою же утѣшительницей и передъ эшафотомъ, и начала говорить съ совершенно незнакомымъ ей человѣкомъ съ такой теплотой и участіемъ, вдохнула въ него столько бодрости, что онъ даже улыбнулся.

Стойкость мадамъ Роланъ во время этого длиннаго пути, на протяженіи котораго другія несчастныя жертвы чувствовали всегда всѣ муки своего безчестія, представляетъ одно изъ выдающихся событій въ историческихъ воспоминаніяхъ о революціи. Тѣ немногіе, которые тогда это замѣтили, никогда не могли уже изгладить изъ памяти своего впечатлѣнія.

На продолжительномъ пути отъ Мѣноваго моста по набережной Мессажери, мадамъ Роланъ долгое время имѣла въ глазахъ бывшую квартиру Флипоновъ. Событія въ ея дѣтствѣ, незадолго передъ тѣмъ съ такимъ чувствомъ описанныя ею въ своихъ мемуарахъ, во время сидѣнія въ тюрьмѣ, проходили теперь еще разъ передъ нею: ей снова представлялись большая комната, мастерская, маленькое уютное помѣщеніе, въ которомъ она жила, училась и предавалась дѣтскимъ мечтамъ. Кто это такъ кстати открылъ окна? Кто это глядѣлъ на нее? Были ли это отрадныя годы ея жизни, привѣтствовавшіе теперь ея послѣдній день? Были ли это мертвецы, звавшіе ее къ себѣ?—ея мать, Флипонъ, слуги, ея двоюродный дядя? Что говорили ей эти воспоминанія? Говорили ли они ей: „Если бѣ ты была набожна и смиренна въ твоемъ сердцѣ, ты бы продолжала жить!“ Или же они укрѣпляли ее въ заблеставшей на ея пути къ эшафоту славѣ и напѣвали ей побѣдную пѣснь: „Ты, которая предпочла тернистый и полный опасностей путь, пролегающій чрезъ вершину жизни узкой и мрачной тропой, извилистой и теряющейся въ безконечности; ты, какъ жертва своей любви, умираешь за право и справедливость, да будетъ такъ, дочь моя, гордо подними твою голову и будь благословенна“.

Чувствовала ли она угрызенія совѣсти или гордилась содѣяннымъ? Кто могъ проникнуть въ ея послѣднія мысли? Какъ жаль, что ей, на ступеняхъ эшафота, отказали въ бумагѣ и перѣ, чтобы записать свои послѣднія ощущенія!

По этому поводу Гете говоритъ слѣдующее: „Мадамъ Роланъ на мѣстѣ казни потребовала письменныхъ принадлежностей, чтобы запечатлѣть совершенно особыя мысли, навѣянные въ ея послѣднемъ путешествіи. Жаль, что ей въ этомъ отказали, такъ какъ именно подъ конецъ жизни въ сосредоточенномъ умѣ рождаются мысли, до тѣхъ поръ неизвѣданныя; онѣ, какъ праведные ангелы, блестяще парятъ надъ бездною прошедшихъ временъ“.

Когда дроги остановились у эшафота, она сказала Ламарку, чтобы тотъ вступалъ первымъ, иначе у него не хватитъ силы при видѣ ея смерти. Палачъ не рѣшался дать своего согласія на это предложеніе, вопреки данному ему распоряженію. Тогда мадамъ Роланъ съ улыбкой замѣтила:

— Можете ли вы отказать женщинѣ въ ея послѣдней просьбѣ?

Итакъ, наступила ея очередь. Когда ее прикрѣпили къ доскѣ, взоръ ея устремился на колоссальную статую свободы, высившуюся на площади Революціи.

— О, свобода, какія преступленія совершаются во имя твое!—воскликнула она.

Въ этотъ моментъ покачнулась роковая доска и жизнь мадамъ Роланъ прекратилась.

Въ лицѣ мадамъ Роланъ умерла одна изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ, которую выдвинуло новѣйшее время и которой даже въ прошлыхъ столѣтіяхъ едва ли можно противопоставить соперницу. Она принадлежала къ тѣмъ рѣдкимъ явленіямъ, для которыхъ природа, казалось, расточила всѣ свои дары и которыя она производитъ лишь черезъ весьма большіе промежутки времени.

Великая въ большихъ и малыхъ вещахъ, она соединяла въ себѣ грацію съ мужествомъ, разсудокъ съ веселостью и нѣжность съ высокимъ самоотверженіемъ. Воспоминаніе о ней сохранится навѣки, ея примѣръ

всегда будетъ имѣть значеніе для тѣхъ, кто вѣритъ въ великое и готовъ принести себя въ жертву ради идеи.

Здѣсь мы приведемъ содержаніе прекраснаго письма мадамъ Роланъ къ ея возлюбленному Бюзо, которое появилось въ печати благодаря одной весьма интересной случайности.

Въ концѣ ноября 1863 года, нѣкій молодой человѣкъ зашелъ къ одному книгопродавцу въ Парижѣ, на набережной Вольтера, съ пачкой какихъ-то старинныхъ рукописей подъ мышкой. Онъ разсказалъ, что нашелъ ихъ въ ящикѣ, когда-то принадлежавшемъ его дѣдушкѣ, большому любителю старыхъ книгъ и рукописей. Книгопродавецъ отказывался отъ приобрѣтенія этой пачки и, по обзорѣ ея, сказалъ, что она ничего интереснаго въ себѣ не заключаетъ. Молодой человѣкъ обѣщалъ зайти опять и принести другія рукописи. Такъ онъ заходилъ нѣсколько разъ и всегда приносилъ новый пакетъ; когда все это было пересмотрѣно, книгопродавецъ согласился, наконецъ, купить доставленное и уплатилъ молодому человѣку пятьдесятъ франковъ.

Мѣсяцъ спустя появился въ свѣтъ сборникъ, въ которомъ заключались четыре письма мадамъ Роланъ къ Бюзо, одно письмо Бюзо къ его другу Жерому Летеллье, неизданные мемуары Лувэ и Петіона, копія мемуаровъ Бюзо, трагедія Салля съ собственноручными помѣтками Барбару. Все это заключалось въ пачкахъ рукописей, казавшихся неимѣвшими никакой цѣнности и уступленныхъ молодымъ человѣкомъ книгопродавцу за пятьдесятъ франковъ.

Отецъ этого молодого человѣка никогда не говорилъ ему, что рукописи представляютъ собою большую цѣнность, а равно и о томъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ онѣ попали къ его дѣду.

Вотъ содержаніе перваго письма мадамъ Роланъ къ Бюзо.

Аббатство, 22 іюня.

„Какъ часто я ихъ перечитываю! Я прикладываю ихъ къ своему сердцу, покрываю ихъ поцѣлуями, нѣкоторыя изъ нихъ я не надѣялась получить. Тщетно просила я мадамъ Шоле доставлять мнѣ о тебѣ свѣдѣнія: я написала однажды господину Летеллье въ Эвре, чтобы подать тебѣ вѣсть о себѣ, но почтовые сношенія прервались“.

„Я не хотѣла посылать къ тебѣ прямо, такъ какъ было бы достаточно одного твоего имени, чтобы письмо задержали, тебѣ же это принесло бы вредъ. Я вошла сюда гордая и спокойная, таила желанія и питала еще нѣкоторую надежду относительно защитниковъ свободы. Когда я узнала объ арестованіи двадцати-двухъ, я воскликнула: „Мое отечество погибло“. Я все время находилась подъ гнетомъ страха, пока не была увѣрена въ твоёмъ бѣгствѣ: страхъ этотъ возобновился вслѣдствіе приказа о твоёмъ арестѣ. Но твое мужество спасло тебя; я вновь успокоилась, когда узнала, что ты находишься въ Кальвадосѣ. Продолжай свои душевныя напряженія, другъ мой. Брутъ очень рано отчаялся въ исходѣ битвы при Филиппахъ за спасеніе Рима. До тѣхъ поръ, пока республиканецъ еще дышитъ, пользуется своею свободою и обладаетъ мужествомъ, онъ обязанъ и можетъ быть полезнымъ. Югъ Франціи даетъ тебѣ во всѣхъ отношеніяхъ хорошее убѣжище: оно будетъ пристанищемъ достойныхъ уваженія людей. Да, оно тамъ, и туда ты долженъ направить свои взоры и стопы. Тамъ ты долженъ жить, такъ какъ тамъ ты принесешь пользу равнымъ тебѣ и проявишь свою добродѣтель“.

„Что касается меня, то я сумѣю спокойно дожидаться возвращенія торжества справедливости или пре-

доставлю тиранніи направить противъ меня ея послѣднія насилія, но такимъ образомъ, чтобы мой примѣръ не остался безъ пользы. Если я чего и опасалась немного, такъ это, чтобы ты не предпринималъ ради меня чего-либо необдуманнаго“.

„Другъ мой! спасая наше отечество, ты можешь способствовать и моему спасенію, но я не желаю получить его въ ущербъ другимъ. Я спокойно разстанусь съ жизнью, если буду знать, что ты дѣйствительно съ пользою служишь отечеству. Смерть, пытки, страданія ничего не значатъ для меня, я со всѣмъ этимъ могу примириться. Будь спокоенъ, я доживу до моего послѣдняго часа, не теряя ни одного момента на то, чтобы предаваться безпокойству и недостойному меня волненію“.

„Впрочемъ, какъ бы ни овладѣвало ими неистовство, должны же они имѣть хоть каплю чувства стыда за необоснованность приказа о моемъ арестѣ. Они тайно сговорились о томъ, что меня необходимо было арестовать, но не осмѣлились изложить этого на бумагѣ. Благодаря челоуѣколюбію моей стражи, я пользуюсь нѣкоторыми облегченіями, о которыхъ я скрываю, чтобы не повредить ей. Но этотъ любезный поступокъ связываетъ меня крѣпче цѣпей, и еслибы мнѣ предстояла возможность спастись бѣгствомъ, то я не сдѣлала бы этого, чтобы не подвергать опасности добраго тюремнаго смотрителя, который употребилъ всевозможныя усилія, чтобы облегчить мое заключеніе. Многіе заблуждаются, думая, что я нахожусь уже въ Консьержери. Въ дѣйствительности же произошло слѣдующее: въ то время, когда я входила сюда, другая женщина, носившая такое же имя, переводилась туда. Меня водворили въ ея камеру, и я пользуюсь тою же самою постелью, на которой она спала. Мой добрый Плутархъ, которымъ я наслаждаюсь въ своемъ досугѣ, не замедлил бы усмотрѣть въ этомъ предзнаменованіе. Женщина эта была

Анжелика Дезиль, жена Ролана де-ля-Фоше, сестра того Дезиля, который умеръ славною смертью въ Нанси; третьяго дня она уже испустила духъ свой на эшафотъ, въ возрастъ двадцати четырехъ лѣтъ, обнаруживъ большое мужество. Даже назначенный трибуналомъ защитникъ клялся въ невиновности этой жертвы, нѣжное, милостивое лицо которой отражало прекрасную душу“.

„Первымъ своимъ днемъ я воспользовалась, чтобы написать нѣкоторыя замѣтки, которыя когда нибудь доставятъ тебѣ утѣшеніе; я передала ихъ въ надежныя руки и сообщу тебѣ, гдѣ онѣ находятся, чтобы во всякомъ случаѣ онѣ попали къ тебѣ. Я имѣю при себѣ Томпсона (который дорогъ мнѣ по нѣкоторымъ особымъ причинамъ), затѣмъ Шефтсбюри, англійскій словарь, Тацита и Плутарха. Я веду здѣсь такой образъ жизни, какой вела бы въ моей небольшой комнатѣ министерскаго дворца или гдѣ бы то ни было; большой разницы нѣтъ. Еслибъ я не боялась производить шума, то распорядилась бы поставить у себя музыкальный инструментъ. Живу я въ камерѣ размѣромъ почти десять футовъ въ квадратъ и въ ней, между рѣшеткой и запорами, наслаждаюсь независимостью мысли, вызывая въ своихъ воспоминаніяхъ дорогихъ мнѣ людей; мнѣ гораздо спокойнѣе съ моимъ сознаніемъ, нежели моимъ преслѣдователямъ съ ихъ властью. Повѣришь-ли, что лицемѣрный Пашъ просилъ сказать мнѣ, будто его очень огорчаетъ мое печальное положеніе. „Скажите ему, что я не принимаю никакихъ оскорбительныхъ выраженій его сочувствія и что я предпочитаю быть его жертвой, нежели предметомъ сокрушенія, что только безчестить меня“, было моимъ отвѣтомъ. Ты увидишь также, изъ приложенія, что я писала Гарату; это не первое мое письмо къ нему, однако, въ немъ заключается мое окончательное требованіе. Отъ этихъ людей ожидать нечего, но надо держать ихъ въ надлежащихъ границахъ и обличить передъ потомствомъ, вотъ все, что я намѣре-

ваюсь дѣлать. Еслибы 1 іюня я не писала Конвенту, то не подверглась бы позднѣе настоящей своей участи. Это я помѣшала Ролану что либо писать Конвенту послѣ 2 іюня. Въ настоящее время я не знаю въ Парижѣ такой власти, не исключая и Конвента, у которой, при моихъ убѣжденіяхъ и характерѣ, я бы о чемъ либо просила; я готова скорѣе сгнить заживо, нежели унижаться до такой степени. Тираны могутъ угнетать меня, но унижить—никогда, никогда! На всѣ мои вещи въ квартирѣ, бѣлье, платье, даже на двери и окна, наложены печати, и только одинъ небольшой уголокъ остался свободнымъ въ распоряженіе моихъ людей. Повидимому, моя бѣдная служанка совсѣмъ упала духомъ; она заставляетъ обливаться кровью мое сердце и, тѣмъ не менѣе, мнѣ иногда удается доводить ее до смѣха. Мои честные тюремщики время отъ времени допускаютъ ее ко мнѣ: послѣ обѣда, когда ихъ нѣтъ, они уступаютъ мнѣ даже свою квартиру, гдѣ я имѣю и больше воздуха, нежели въ моей камерѣ“.

„Дочь моя взята матерью семейства, женою почтеннаго Крезе ля-Тушъ, къ себѣ, гдѣ она принята какъ ихъ собственное дитя. Несчастный Роланъ, въ продолженіе двадцати-двухъ дней скрывался попеременно у двухъ, самихъ подвергавшихся за это большой опасности, друзей, никому не показываясь на глаза, при худшихъ условіяхъ, нежели мои; я опасалась даже за его разсудокъ и здоровье. Теперь онъ находится въ моемъ сосѣдствѣ, но жаль, что онъ не имѣетъ достаточно мужества. Я не осмѣливаюсь высказаться; но, ты единственный въ мірѣ, кто можетъ оцѣнить то, что я не ропщу по поводу своего ареста!“

„Они будутъ менѣе неистовы, менѣе внимательны и злобны въ отношеніи Ролана, сказала я себѣ. Если они затѣваютъ какой-либо процессъ, то я сумѣю помочь ему такимъ образомъ, чтобы онъ послужилъ ему лишь къ увеличенію его славы; мнѣ кажется, что должна же

я дать ему хоть какое-либо удовлетвореніе за причиненное ему горе. Вѣдь, поймешь же ты, что, несмотря на мое одиночество, я пребываю съ тобою!“

„Итакъ, моимъ заточеніемъ я жертвую собою для своего супруга и сохраняю себя для моего друга; благодаря своимъ мучителямъ, я должна быть въ состояніи согласовать свои обязанности и свою любовь. Не обвиняй меня! Другіе удивляются моему мужеству, но они не знаютъ моихъ радостей; ты, который долженъ ихъ чувствовать, поддержи всю ихъ прелесть твердостью твоего мужества“.

„Что за любезная эта мадамъ Гуссаръ! Какъ я была удивлена, увидѣвъ ея нѣжное лицо, почувствовавъ себя въ ея объятіяхъ, орошенная ея слезами; какъ торжественно вытаскивала она изъ за корсажа твои два письма! Но, я не могла заставить себя прочесть ихъ въ ея присутствіи и находила ея визитъ слишкомъ продолжительнымъ. Она даже хотѣла, чтобы я написала при ней отвѣтъ, который бы и передала ей, но это казалось мнѣ еще тяжелѣй, и я почти разсердилась на нее за такую ревностную услужливость“.

«Другъ мой! письмо твое отъ 15-го написано такимъ мужественнымъ слогомъ, въ которомъ видна гордая и свободолюбивая душа, занятая рѣшеніемъ великихъ задачъ, пренебрегающая судьбой, способная на великодушные подвиги и твердыя рѣшенія, и по этимъ признакамъ я сразу узнала своего друга; въ моемъ сердцѣ опять возродились всѣ тѣ чувства, которыя меня связываютъ съ тобою. Письмо же отъ 17-го очень печально. Какою грустною мыслью оно заканчивается! Будто, ужъ дѣйствительно такъ важно знать, будетъ жить или нѣтъ послѣ тебя нѣкая женщина! Надо, чтобы твоя жизнь была сохранена и принесла пользу нашему отечеству, остальное приложится послѣ!»

„Меня посѣщаетъ здѣсь одинъ мущина, нѣкій Гранпре, которому Роланъ предоставилъ должность ревизора

тюремъ, на обязанность котораго возложилъ наблюдение за тѣмъ, что тамъ происходитъ, для искорененія злоупотребленій приѣма жалобъ отъ заключенныхъ и обо всемъ доносить министру внутреннихъ дѣлъ. Эту должность создалъ Роланъ, и я указала ему на лицо, къ которому она должна быть замѣщена. Это бывший адвокатъ, о несчастяхъ котораго мнѣ много рассказывали, и мнѣ казалось, что онъ, будучи честнымъ человѣкомъ и испытывавшимъ всякія лишенія, являлся необыкновенно подходящимъ для этой сострадательной должности. Съ тѣхъ поръ я забыла о немъ. Но, нельзя представить себѣ его волненій, когда онъ узналъ о моемъ арестѣ, и его поспѣшность скорѣе посѣтить меня была для меня пріятною неожиданностью. Такъ какъ его должность даетъ ему извѣстныя права и вліяніе, то онъ и воспользовался ими относительно тюремнаго смотрителя и, вмѣстѣ съ этимъ честнымъ человѣкомъ, ему удалось значительно ослабить подлости, направленные противъ меня тиранніей“.

„Я просила мадамъ Гуссаръ передать ему, чтобы онъ разрѣшилъ тюремному смотрителю допустить ко мнѣ одного изъ твоихъ друзей, о которомъ она мнѣ говорила. Между прочимъ, мадамъ Гуссаръ сказала, что ко мнѣ писалъ также Барбару; но я письма его не получила. Кажется, его получила ошибочно бѣдная мадамъ Роланъ*) въ Консьержери, если его не конфисковали, чтобы предъявить революціонному трибуналу, который судилъ эту несчастную женщину“.

„Какое оправданіе въ этомъ письмѣ найдутъ недобрыя своему безпрестанному лаю по поводу вашего мнимаго соглашенія съ Вандеей; подлость, которую они ежедневно повторяютъ народу этого несчастнаго города“.

„Я посылаю Горзасу нѣкоторыя брошюры, въ которыхъ говорится обо мнѣ. Я не хочу, чтобы ты читалъ

*) Однофамилица, см. выше.

„Père Duchesne“; это заставило бы тебя выругаться, но было бы еще досаднее, если бы ты сталъ слушать сплетниковъ, которые превосходно дополнили бы текстъ“.

„Партія поступила хорошо, что не захотѣла выступать 2 іюня съ другими. Граждане сказали, что они хотятъ остаться въ тюрьмѣ. 10000 вооруженныхъ собралось вокругъ тюрьмы Аббатства. Предводитель этой вооруженной силы, извѣстный Жансонъ, кажется, порядочный человѣкъ; онъ навѣрное освѣдомлялся, правда ли то, что это была я, которую перевели сюда“.

„Ахъ, если бы эти подробности внесли успокоеніе въ твое сердце!“

„Будь, что будетъ! Мы не можемъ перестать быть достойными тѣхъ чувствъ, которыя мы взаимно внушили другъ другу. Черезъ это нельзя быть несчастнымъ. Прощай, другъ мой, будь счастливъ, мой возлюбленный!“

Другие материалы о мадам Ролан:

из личной переписки (письма М.Робеспьеру, Бюзо)

А.Олар. Друзья госпожи Ролан (главы из книги «Ораторы французской революции»)

Г.Серебрякова. Манон Ролан / Женщины эпохи Французской революции

С.С. Госпожа Ролан

9 брюмера II года они поднимались на эшафот с пением «Марсельезы» - дискуссия о жирондистах

http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/revol_fem_1.htm#manon

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.

Люсиль Демуленъ.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, предшествовавшихъ французской революціи, въ Люксембургскомъ паркѣ, въ Парижѣ, почти ежедневно можно было видѣть молодую дѣвушку, прогуливавшуюся въ сопровожденіи своей матери. Дама, прославившаяся своею красотою, была женою одного чиновника министерства финансовъ, по имени Дюплесси, а маленькая прелестная блондинка, которая такъ весело и возбужденно болтала съ нею, его дочь Люсиль.

Благовоспитанная, всегда привѣтливая, дѣвушка эта привлекала вниманіе гуляющихъ и, въ особенности, одного бѣднаго, некрасиваго студента, который часто посѣщалъ паркъ и, стараясь держаться поближе къ ней, наблюдалъ эту „божественную блондинку“, какъ онъ называлъ ее, питая къ ней самыя нѣжныя чувства. Это былъ Камилль Демуленъ. Люсиль нравились разговоры молодого человѣка; они всегда были вдохновенны и интересны. Онъ заикался, но это вовсе не смущало ее. Бѣдный студентъ вскорѣ овладѣлъ сердцемъ, богатой наслѣдницы, хотя и безъ надежды когда-нибудь жениться на ней, такъ какъ казалось невозможнымъ добиться на это согласія ея отца. Что касается матери, то она была снисходительнѣе и даже покровительствовала свиданіямъ молодыхъ людей.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ она только

и посѣщала Люксембургскій паркъ, гдѣ они сходились и обмѣнивались своими сердечными чувствами.

Въ этотъ самый паркъ, гдѣ Люсиль еще ребенкомъ проводила въ мечтаніяхъ свои одинокіе вечера, гдѣ, уже молодой дѣвушкой, выслушивала напентыванія любви, нѣсколько лѣтъ позднѣе пришла она съ полнымъ отчаяніемъ, чтобы побродить вокругъ дворца, заключеннымъ въ стѣнахъ котораго томился ея мужъ, въ ожиданіи вѣрной смерти.

Камилль Демулэнъ учился одновременно съ Робеспьеромъ въ коллегіи Людовика Великаго въ Парижѣ; оба были стипендіатами. Двадцати пяти лѣтъ онъ уже былъ адвокатомъ, но съ трудомъ зарабатывалъ себѣ кусокъ хлѣба.

Онъ не обладалъ представительной наружностью; у него были большой носъ, вздутыя губы и сильно выдающіяся скулы. Никто не былъ такъ убѣжденъ въ его безобразіи, какъ самъ Камилль Демулэнъ. Но въ его большихъ глазахъ свѣтилось выраженіе, изъ котораго проглядывалъ геній, его угловатыя черты выказывали большую энергію.

12 іюля 1789 года ему представился случай доказать это на дѣлѣ. Въ это воскресенье по улицамъ Парижа было развѣшано большое объявленіе, посредствомъ котораго мирныхъ гражданъ предупреждали не показываться на улицахъ. Отряды войскъ ходили по всѣмъ направленіямъ, слышался шумъ отъ передвиженія пушекъ по мостовымъ.

Весь Парижъ былъ пораженъ отставкой Неккера *).

*) Какъ Неккеръ, знаменитый государственный человѣкъ, по части финансовъ и министръ Людовика XVI, родился 1732 г. въ Женевѣ, гдѣ отецъ его, родомъ изъ Бранденбурга, былъ профессоромъ государственнаго права. Неккеръ изучалъ торговую часть, былъ сначала банкиромъ въ Парижѣ, обратилъ на себя вниманіе своими сочиненіями по части финансовъ; въ 1776 г. назначенъ совѣтникомъ финансовъ, а въ іюнѣ 1777 г.

„Неккера, любимаго народомъ министра, освободителя Франціи, и уволить!“ Реакція торжествовала. Изголодавшееся населеніе Парижа приняло извѣстіе объ этомъ съ глухою яростью. Распространялись слухи, которые ничего хорошаго не предвѣщали. Говорили о томъ, что король отказался выслушать адресъ учредительнаго собранія, которымъ ему настойчиво давали понять о необходимости удаленія изъ столицы чужеземныхъ войскъ. Въ этомъ смыслѣ Неккеръ сдѣлалъ представленіе королю, вслѣдствіе чего онъ и получилъ свою отставку. Было около 3 часовъ пополудни, когда Камилль Демулэнъ вышелъ изъ кафе де-Фой и протискивался сквозь толпу, наполнявшую дворъ Пале-Рояля. Пале-Рояль былъ тогда излюбленнымъ мѣстомъ собраній горячихъ патриотовъ. Онъ держалъ въ рукахъ пистолетъ, твердо рѣшившись сопротивляться „гнусной полиціи“, если она попытается арестовать его. Но полиція медлила, увидѣвъ Камилла Демулена окруженнымъ насторожившейся толпой, служившей ему защитой, и потому онъ могъ безпрепятственно обратиться съ рѣчью къ собравшимся тамъ 6000 людямъ. Онъ говорилъ немного и безъ особой послѣдовательности, но его слова воспламенили сердца и дали опредѣленное выраженіе неяс-

генераль-директоромъ ихъ. Какъ ловкій банкиръ, онъ сумѣлъ сначала найти деньги; его полезныя распоряженія возстановить общественный кредитъ доставили ему однако много противниковъ изъ числа людей, извлекавшихъ себѣ выгоды изъ разстроеннаго состоянія финансовъ, и Неккеръ, 12 мая 1781 г., былъ отставленъ. Въ это время онъ написалъ: «Sur l'administration des finances». Въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ 1788 г., назначенный снова генераль-контролеромъ, Неккеръ приобрѣлъ любовь народа, въ особенности, созваніемъ генеральныхъ штатовъ. Послѣдовавшая 1789 г. отставка его служила поводомъ къ волненіямъ, послѣ чего еще разъ онъ призванъ былъ къ государственному управленію. Между тѣмъ, быстро распространившійся вездѣ духъ революціи, съ коимъ онъ не въ силахъ былъ уже бороться, заставилъ его, въ сентябрѣ 1790 г., добровольно выйти въ отставку.

нымъ мыслямъ, которыя возбудили внимавшую толпу. Вотъ, что говорилъ онъ: „Граждане, мы не должны терять ни минуты. Я только что прибылъ изъ Версаля, Неккеръ уволенъ въ отставку. Эта отставка для патріотовъ является тревожнымъ признакомъ новой варооломеевской ночи. Сегодня вечеромъ выступятъ швейцарскіе и нѣмецкіе батальоны, чтобы устроить намъ рѣзню, и намъ остается только одно спасеніе, взяться за оружіе, снабдивъ себя какими-либо значками, чтобы узнавать другъ друга... Пусть каждый изъ васъ возьметъ для этой цѣли листья отъ окружающихъ насъ деревьевъ и воткнетъ ихъ, какъ я, въ свои шляпы. (Немедленно же всѣ деревья были оголены). Наступилъ часъ столкновенія между угнетенными и угнетателями, и мы должны предаться только одной мысли: безвременная смерть или вѣчная свобода. Итакъ, огласимъ призывъ: къ оружію!“ „Къ оружію!“ заревѣла толпа.

Подъемъ духа заставилъ сильнѣе забиться ихъ сердца и безпредѣльный гнѣвъ сверкалъ въ ихъ глазахъ. Возстаніе быстро охватило весь городъ... Сотни тысячъ мужчинъ взяли за оружіе, два дня спустя была разрушена Бастилія и возстаніе распространилось по всей Франціи.

Съ этого достопамятнаго дня судьба Демулэна была рѣшена; онъ сбросилъ съ себя званіе адвоката, съ любовью и страстью посвятилъ себя политической борьбѣ и съ жаромъ предался дѣламъ революціи посредствомъ пера. Онъ издалъ множество памфлетовъ, которые обращали на себя вниманіе какъ своимъ живымъ стилемъ, такъ и своею высокопарностью. Въ это время онъ основалъ изданіе „Journal des Revolutions de France et de Brabant“ *).

Съ этого же времени начинается для него полная всякихъ превратностей, подвижная жизнь; онъ боролся

и страдалъ до того дня, пока его голова, отдѣленная отъ туловища, не скатилась съ эшафота. А между тѣмъ, казалось, онъ могъ бы рассчитывать на совѣтъ иной образъ жизни.

Послѣ того, какъ восемь лѣтъ подрядъ отецъ Люсилли отказывалъ Камиллу Демулэну въ ея рукѣ, онъ, наконецъ, 11 декабря 1790 года, далъ свое согласіе на ихъ бракъ.

Въ этотъ самый день Камиллъ Демулэнъ написалъ своему отцу слѣдующее письмо: „Сегодня я нахожусь на высотѣ своихъ желаній. Счастье долго заставляло меня ждать себя; но, наконецъ, оно пришло и я такъ счастливъ, какъ можно только быть таковымъ на землѣ. Родители этой восхитительной Люсилли, о которыхъ я уже столько разъ писалъ вамъ, которыхъ я люблю вотъ уже восемь лѣтъ подрядъ, отдають мнѣ ее, наконецъ, и не отталкиваютъ меня. Только что приходила ея мать, чтобы сообщить мнѣ это извѣстіе, при чемъ она плакала отъ радости. Большая разница въ средствахъ,—господинъ Дюплесси имѣетъ 20000 ливровъ годового дохода,—до сихъ поръ препятствовала моему счастью. Ея отецъ былъ ослѣпленъ другими предложеніями брака, которыя дѣлали Люсилли; и, однако, онъ отказалъ одному соискателю, имѣющему 100.000 франк., а передъ этимъ Люсилль сама отказала другому, имѣющему 25000 ливровъ годового дохода. Вы можете составить себѣ о ней представленіе по слѣдующему описанію одного происшествія. Когда ея мать общала ее мнѣ, то привела меня въ ея комнату. Я бросился передъ Люсиллю на колѣни, но былъ пораженъ ея смѣхомъ; тогда я посмотрѣлъ на нее и увидѣлъ, что ея глаза не были въ лучшемъ состояніи, чѣмъ мой; они были полны слезъ, которыя текли даже въ изобиліи, и, однако, она все еще смѣялась. Никогда еще я не наблюдалъ такого удивительнаго явленія природы, и я не могъ понять, какимъ образомъ подобныя противоположности могли такъ сое-

*) „Журналъ революцій Франціи и Брабанта“.

диниться. Ея отецъ сказалъ мнѣ, что нашу свадьбу онъ откладывалъ еще и потому, что не могъ пока выдать намъ обѣщанныхъ своей дочери 100.000 франковъ; но теперь онъ предлагаетъ мнѣ идти съ нимъ къ нотариусу, когда мнѣ заблагоразсудится. На это я ему сказалъ слѣдующее: „вы богачъ и во всю жизнь вашу сплошь вели денежные дѣла; я не вмѣшиваюсь въ содержаніе контракта, но такъ много денегъ кажется мнѣ обременительнымъ. Вы слишкомъ любите вашу дочь, больше чѣмъ это нужно, чтобы предоставить ее мнѣ по условію. Вы ничего не требуете отъ меня, поэтому составляйте контрактъ такъ, какъ находите лучше“. Сверхъ того, онъ даетъ намъ половину своего столоваго серебра, что стоитъ 10000 франковъ. Не будемъ, однако, говорить объ этомъ; важно только то, чтобы судьба надѣлила насъ счастьемъ“!

„Съ обратною же почтою, пришлите мнѣ ваше и моей матери согласіе; поѣзжайте въ курьерскомъ почтовомъ экипажѣ въ Лаонъ получить разрѣшеніе только на одно оглашеніе, одновременно въ Гизѣ и въ Парижѣ. Тогда мы можемъ безъ препятствій жениться черезъ недѣлю. Моя дорогая Люсиль такъ же, какъ и я, страстно желаемъ скорѣе соединиться такъ, чтобы насъ уже болѣе никто не могъ разлучить“.

„Не привлекайте этимъ извѣстіемъ злобы завистниковъ, заключите подобно мнѣ въ вашемъ сердцѣ эту радость и раздѣлите ее съ моей дорогой матерью и моими сестрами“.

„Итакъ, теперь я въ состояніи помогать вамъ и это значительно увеличиваетъ мою радость. Моя возлюбленная, моя жена, т. е. ваша дочь, и все ея семейство прижимаютъ васъ къ своему сердцу“.

29 декабря 1790 года состоялось вѣнчаніе въ церкви св. Сульпиція по католическому обряду, такъ какъ семья Дюплесси непременно настаивала на этомъ.

Вотъ доказательство тому, какъ революція, подобно

Сатурну, пожирала своихъ собственныхъ дѣтей. Изъ 60 свидѣтелей, присутствовавшихъ при бракосочетаніи Демулэна и Люсиль, по истеченіи трехъ лѣтъ оставались въ живыхъ только Дантонъ и Робеспьеръ. Всѣ остальные были въ изгнаніи или покончили свою жизнь на гильотинѣ. Вскорѣ, однако, Дантонъ и Робеспьеръ подверглись той же участи.

Первые мѣсяцы брака походили на солнечное сіяніе и были посвящены самой полной любовной страсти. Камилль Демулэнъ, какъ онъ самъ говорилъ, былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ и ему ничего не оставалось болѣе желать. Въ особенности, счастливо провели они первые лѣтніе мѣсяцы въ имѣніи господъ Дюплесси въ „Bourg-la-Reine“ („замокъ королевы“), которое они переименовали въ „Bourg-de-l'Egalité“ („замокъ равенства“).

Какъ двое беззаботныхъ дѣтей пользовались они радостями жизни въ деревнѣ, забывъ о всякихъ ея стѣсненіяхъ въ обществѣ себѣ подобныхъ. Люсиль любила по-женски, безгранично. Когда она замѣчала какіе либо недостатки у Демулэна, то говорила: „Если я нахожу у Камилла какіе либо недостатки, то и ихъ я люблю“. Наивная, романтическая дѣвушка прежде, была теперь преданной супругой, превосходнымъ товарищемъ; она воодушевлялась его идеями и надеждами и дѣлила съ нимъ его мечты и опасности.

Когда Демулэнъ писалъ свои образцовыя произведенія, Люсиль, сидя въ качальномъ креслѣ, мечтала о счастьи и любви. Тогда онъ болѣею частью читалъ ей свои сочиненія, или она сама, опершись на его плечи, читала то, что онъ писалъ.

Остроумныя замѣчанія нравились ей, и часто они оба смѣялись, когда на бумагу перелагались веселыя сопоставленія и удачныя ссылки и сравненія.

Эта молодая, веселая, наивная женщина не понимала важнаго значенія обстоятельствъ того времени,

которое она переживала. Въ тѣ дни всякія идилліи скоро были нарушены громомъ пушекъ. Прелестное дитя забавлялось революціей, дразнило чудовище, которое скоро должно было поглотить какъ ее, такъ и тѣхъ, кого оно любило.

Въ салонѣ Демулэновъ собирались многіе выдающіеся дѣятели того времени. Дантонъ, въ особенности, охотно посѣщалъ этотъ жизнерадостный домъ и цѣлыми часами наслаждался веселой болтовней и съумасброднымъ своеволіемъ этой счастливой пары. И, однако, время отъ времени, на эту вѣчную хохотушку находили приступы меланхоліи и тоски. Тогда она говорила: „Гдѣ же находится счастье, котораго всѣ ищутъ? Люди ослѣплены. Думаютъ быть счастливыми, когда забываются. Нѣтъ, не бываетъ счастья на землѣ. Напрасно мы гоняемся за нимъ, это только призракъ“.

Можетъ быть, такое настроеніе являлось какъ бы неопредѣленнымъ предчувствіемъ обстоятельствъ, которыя должны были наступить?

Учредительное собраніе приказало, чтобы каждая община воздвигала въ своей ратушѣ алтарь, у котораго должны совершаться свадьбы, происходить крещенія и служить панихиды. Эти три торжественные момента въ жизни человѣка должны были совершаться у алтаря общины. Скоро наступило время, когда такой алтарь былъ единственнымъ въ странѣ, и ратуша единственнымъ храмомъ. Совѣтъ Мирабо *) былъ испол-

*) Графъ *Онорэ-Габріэль Викторъ Рикетти Мирабо*, служилъ ранѣе офицеромъ, но велъ необузданную, безпорядочную жизнь, по требованію отца, сидѣлъ нѣкоторое время въ Венсенской тюрьмѣ. Замѣчательный государственный дѣятель и литераторъ, съ легкой руки Камилла Демулэна прозванный историками эпохи революціи „французскимъ Маккіавели“. По созывѣ генеральныхъ штатовъ, Мирабо выступилъ защитникомъ народныхъ интересовъ и управлялъ силою своего необыкновеннаго краснорѣчія переговорами, но преслѣдовалъ уничтоженіе аристократіи, привилегій, деспотизма и устано-

ненъ: „Вы ничего бы не сдѣлали, еслибы не охристьянили революціи“.

Демулэнъ самъ понесъ своего маленькаго сына въ ратушу. Это было первое республиканское крещеніе, при которомъ ребенокъ получилъ имя Горация.

Въ объявленіи о рожденіи своего сына, Демулэнъ написалъ слѣдующее: „Я хотѣлъ избавить себя отъ упрека, который въ одинъ прекрасный день мой сынъ могъ бы мнѣ сдѣлать за то, что я связалъ его обязательствомъ къ опредѣленнымъ религіознымъ воззрѣніямъ, которыя, весьма возможно, могли бы оказаться несоотвѣтствующими его міровоззрѣнію и, такимъ образомъ, посредствомъ легкомысленнаго отношенія къ выбору одной изъ болѣе чѣмъ 900 существующихъ въ мірѣ религій по своему вкусу, затруднить ему вступленіе въ жизнь, да еще въ такое время, когда онъ не въ состояніи еще былъ узнавать даже своей матери“.

Когда Демулэнъ утомлялся отъ своихъ вѣчныхъ стычекъ, когда подлость, которую онъ встрѣчалъ на каждомъ шагѣ, наполняла его душу отвращеніемъ, онъ спѣшилъ къ своему мирному домашнему очагу, чтобы отдохнуть вблизи своей вѣрной подруги. Люсилъ сама страшилась открытой жизни, довольствуясь скромною ролью жены и матери, стремленіе къ которой, казалось, было единственною цѣлью ея существованія. Однако, произошло вѣчто другое; жизнь предъявила къ ней большія требованія и она превзошла самое себя. Въ одну ночь беззаботная молодая женщина преобразилась въ героиню.

До 10 августа 1792 года она была преданной, любящей и боготворящей своего мужа супругой, хотя и

влеченіе конституціонной монархіи. Желая примирить дворъ съ революціей, онъ добился предсѣдательства, сперва въ якобинскомъ клубѣ, затѣмъ въ національномъ собраніи, но вскорѣ умеръ.

не выступавшей вмѣстѣ съ нимъ на арену великой революціи, однако, не препятствовавшей ему выполнять свой долгъ.

Но вдругъ она сбросила съ себя всякую робость, покинула свой тихій домашній очагъ и устремилась на поле битвы. Разъ жизнь Демулэна подвергалась опасности, ее ничто уже не могло удержать. Освободившись отъ ложнаго стыда и страха, она уже не остановилась ни передъ чѣмъ, даже передъ эшафотомъ, ради желанія спасти своего возлюбленнаго.

Ибо, дни мира и благополучія прошли, счастливыя времена исчезли, наступилъ часъ испытаній. 10 августа 1792 года былъ тѣмъ самымъ днемъ, когда парижскій народъ осадилъ Тюильери и низвергъ старинную династію Бурбоновъ. Люсиль почувствовала тогда въ первый разъ сознательно, что служеніе свободѣ требуетъ жертвъ покою и миру, что дни революціи суть дни страха, волненія и заботъ. Но, пусть Люсиль сама расскажетъ о тревожномъ состояніи въ ночь на 10 августа: „8 августа я вернулась изъ имѣнія. Всѣ умы уже бродили; у меня обѣдали марсельцы. Мы весело бесѣдовали. Послѣ обѣда мы были у мадамъ Дантонъ, которая едва ли когда нибудь казалась печальнѣе, какъ въ этотъ день; ея мальчикъ имѣлъ испуганный видъ. Дантонъ казался сосредоточеннымъ, я же смѣялась, какъ безумная. Они опасались, какъ бы чего не случилось; хотя я ни въ чемъ не была убѣждена и ничего не предвидѣла, я сказала, что непременно что-то случится, какъ будто я была увѣрена въ этомъ. „Но, какъ же можно такъ смѣяться“, сказала мнѣ мадамъ Дантонъ.— „Ахъ“, возразила я, „это для меня предзнаменованіе, что сегодня вечеромъ я пролью много слезъ“. Была чудная погода и мы пошли прогуляться, на улицахъ толпилось много народу, мимо насъ прошло нѣсколько санкюлотовъ, которые кричали: „Да здравствуетъ нація!“ Затѣмъ появилась конница,

за нею многочисленная пѣхота. Меня объялъ страхъ, и я сказала мадамъ Дантонъ: „уйдемъ!“ Она засмѣялась при видѣ меня дрожавшей отъ страха, но я сказала бывшей съ нами матери Дантона: „вы скоро услышите гулъ сраженія“. Когда я вернулась на квартиру мадамъ Дантонъ, я увидѣла, что тамъ всѣ вооружились; мой милый Камилль пришелъ туда же съ ружьемъ. О, Боже! я спряталась за альковъ, закрыла обѣими руками лицо свое и начала плакать. Между тѣмъ, я не хотѣла выказать столько слабости, чтобы передъ другими сказать Камиллу о моемъ нежеланіи его вмѣшательства во все это; но, я улучила минуту поговорить съ нимъ, чтобы другіе не слышали, и передала ему всѣ свои опасенія. Онъ успокоилъ меня, увѣривъ, что не отстанетъ отъ Дантона. Но, тутъ я сразу ясно поняла, что онъ подвергался опасности. Фреронъ казался рѣшившимся погибнуть. „Я усталъ жить“, сказалъ онъ, „и ничего не ищу кромѣ смерти“.

„При взглядѣ каждый разъ на проходившіе мимо патрули, я думала, что вижу своихъ друзей въ послѣдній разъ. Я спряталась въ неосвѣщенномъ залѣ, чтобы не видѣть всѣхъ этихъ приготовленій. Наши патріоты ушли; я сѣла поближе къ кровати, такъ какъ чувствовала себя въ большомъ угнетеніи, ослабѣвшею и по временамъ дремала; когда я хотѣла говорить, то заговаривалась. Вошелъ Дантонъ, чтобы лечь въ постель; онъ казался неспѣшившимъ, какъ будто ни къ чему не готовился. Наступила полночь, за нимъ приходили уже нѣсколько разъ. Наконецъ, онъ отправился въ ратушу. Во францисканскомъ клубѣ долго раздавались звуки пабата“.

„Одинокая, вся въ слезахъ, прислонившись къ окну, закрывъ носовымъ платкомъ свое лицо, я прислушивалась къ звуку этого роковаго колокола. Дантонъ возвратился. Нѣсколько разъ приходили къ намъ и приносили, частью хорошія, частью дурныя, вѣсти.

Мнѣ вдругъ стало ясно, что цѣль ихъ была ворваться въ Тюильери и, съ рыданіями, высказала имъ это. Я думала, что упаду въ обморокъ. Мадамъ Роберъ у всѣхъ разспрашивала о своемъ мужѣ и говорила: „если онъ погибнетъ, то я не переживу его. Но, этотъ Дантонъ является главнымъ зачинщикомъ, и если моего мужа убьютъ, то я буду въ состояніи заколотъ его кинжаломъ!“

„Камилль вернулся въ часъ ночи и заснулъ, оперевшись на мои плечи. Мадамъ Дантонъ казалась погруженною въ мысли о возможной смерти своего мужа. Рано утромъ слышались пушечные выстрѣлы. Мадамъ Дантонъ прислушалась, поблѣднѣла и вдругъ упала въ обморокъ“.

„Что будетъ съ нами, ахъ, мой бѣдный Камилль? Я не имѣю болѣе силы дышать!—Боже мой! если правда, что Ты существуешь, то спаси мужей, достойныхъ Тебя.—Мы хотимъ быть свободными! Ахъ, Боже мой! какъ это дорого обходится!“

Люсиль, выказавшая себя столь по-женски малодушной, сумѣла, однако, показать въ послѣдствіи, какъ надо умирать героиней.

10 августа 1792 года произвело переворотъ въ жизни Демулэна и водворило его, какъ онъ самъ выражается, во дворецъ Манпеона и Ламуаньона, вслѣдствіе назначенія его друга Дантона министромъ юстиціи, а его секретаремъ послѣдняго или, что тоже самое, статсъ-секретаремъ въ департаментъ юстиціи. По этому поводу, онъ тотчасъ же написалъ своему отцу: „Дѣло свободы побѣдило! Вопреки всѣмъ вашимъ предсказаніямъ, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ, я достигъ послѣдней ступени, до которой можетъ дойти человѣкъ нашего соціальнаго положенія. Нисколько этимъ не хвастаюсь, даже менѣе чѣмъ это могло бы быть десять лѣтъ назадъ, потому что теперь я стою меньше нежели прежде, вслѣдствіе своихъ взглядовъ,

способностей и любви къ отечеству, которыхъ я уже не могу отдѣлять отъ впечатлительности, добраго отношенія къ людямъ и любви къ ближнему. Все это чувства, которыя охлаждаются съ годами“...

„Зависть вашихъ знакомыхъ въ Гизѣ, полныхъ недоброжелательства, злобы и мелкихъ страстей, сильно разразится противъ меня, лишь только они узнаютъ новость, которую назовутъ моимъ счастьемъ. Но, это великое счастье сдѣлало меня только болѣе грустнымъ и озабоченнымъ и сильнѣе заставляетъ меня чувствовать бѣдствія моихъ согражданъ и всего человѣчества“.

„Всѣ эти обстоятельства нисколько не уменьшили моей сыновней любви и вашъ сынъ дастъ вамъ въ этомъ доказательство. Я думаю, что свобода укрѣпилась революціей 10 августа. Намъ остается теперь только сверхъ всего этого сдѣлать Францію настолько счастливою и цвѣтущею, насколько это возможно. Такому дѣлу я хочу пожертвовать моимъ ночнымъ отдыхомъ“...

Съ начала 1792 года Демулэнъ сталъ издавать новую газету подъ заглавіемъ „Le Vieux Cordelier“*), отличающуюся весьма остроумными статьями. Вскорѣ газета приняла болѣе серьезную окраску и вдохновляла отвращеніе къ палачамъ и состраданіе къ ихъ жертвамъ. Гнушаясь видомъ сценъ, которыя проходили передъ нимъ, Демулэнъ имѣлъ смѣлость требовать образованія комиссіи милосердія.

*) „Старый Кордельеръ“.—Кордельеры, политическое общество, соперничало съ клубомъ якобинцевъ; основано было въ 1790 г. и имѣло мѣстомъ своихъ сборищъ монастырь кордельеровъ. Оно считало въ своей главѣ Дантона, Марата, Демулэна, Гебера и Шометта и, одно изъ первыхъ, требовало уничтоженія монархіи и установленія республики; послѣ смерти Дантона, клубъ кордельеровъ утратилъ свое значеніе.

Эти слова толкали его къ погибели, но онъ писалъ: „Желаете вы, чтобы я призналъ свободу, чтобы я упалъ къ ея ногамъ, чтобы за нее я пролилъ кровь свою? Тогда откройте тюрьмы для 200 000 гражданъ, которыхъ вы занесли въ списки подозрѣваемыхъ!“ Демулэнъ, всегда правдивый, даже съ опасностью самому попасть въ эти списки, неспособный скрывать свои мысли, вездѣ говорилъ открыто то, что думалъ. Когда однажды два пріятеля заклинали его не вредить себѣ такъ несвоевременно и безплодно, онъ распространился передъ ними о тѣхъ побудительныхъ причинахъ, которыя положилъ въ основаніе своихъ поступковъ и все болѣе горячился.

— Если понадобится,—говорилъ онъ,—я готовъ наплевать на Робеспьера. Его упрямое тщеславіе мнѣ извѣстно и я уничтожу созданную имъ себѣ славу въ потомствѣ.

Черезъ нѣкоторое время снова приступили къ подобнымъ же предостереженіямъ, на что Люспль сказала:

— Предоставьте ему выполнять свои задачи; онъ долженъ спасти свою страну. Кто изъ васъ хочетъ спорить, тотъ не получитъ отъ меня шоколада.

Событія становились все болѣе мрачными; наступили сентябрьскіе кровавые дни 1792 года, затѣмъ процессъ Людовика XVI, въ которомъ Демулэнъ, какъ членъ національнаго Конвента, подавалъ свой голосъ за смерть короля. Потомъ началось преслѣдованіе жироны и, когда она, 31 мая 1793 года, пала, воцарился ужасъ и лихорадочно заработала гильотина. Демулэнъ боролся противъ этихъ революціонныхъ проявленій. Скоро онъ пошелъ еще далѣе, онъ сталъ требовать справедливости и кротости. Демулэнъ выполнялъ эту человѣческую обязанность за счетъ своей популярности и жизни. Робеспьеръ соглашался съ содержаніемъ первыхъ нумеровъ „Le Vieux Cordelier“, но ни за что не

хотѣлъ простить Демулэну его призыва къ состраданію. Онъ сдѣлался его смертельнымъ врагомъ. Въ одномъ изъ засѣданій якобинскаго клуба, Сентъ-Жюсть выразился такъ: „Состраданіе, которое оказываютъ заключеннымъ, есть поразительный признакъ измѣны республикѣ, которая можетъ опираться только на нечувствительности“.

Демулэнъ какъ-то сказалъ:

— Подумай, Робеспьеръ, вѣдь любовь сильнѣе ненависти и ты долженъ положить предѣлъ этой бойнѣ.

Этотъ крикъ сердца не былъ услышанъ Робеспьеромъ и онъ хотѣлъ велѣть сжечь „Le Vieux Corde'ier“.

— Сжечь—не значить отвѣтить,—быстро нашелся Демулэнъ.

Робеспьеръ на нѣсколько секундъ замолчалъ въ замѣшательствѣ, но почувствовалъ въ себѣ усиленіе ненависти, когда Демулэнъ произнесъ:

— Никакая тиранія не такъ груба, какъ тиранія мелкихъ тирановъ.

Тогда Робеспьеръ съ яростью воскликнулъ:

— Хорошо, газета не будетъ сожжена, но пусть немедленно-же сличать различные нумера таковой. Если онъ того хочетъ, то пусть его подвергнуть позору. Пусть присутствующіе не удерживаютъ своего гнѣва, такъ какъ онъ твердо настаиваетъ на своихъ опасныхъ убѣжденіяхъ и своихъ позорныхъ статьяхъ. Человѣкъ, который такъ крѣпко держится за свои измѣнническія мысли, только заблуждается; еслибъ онъ хотѣлъ быть честнымъ, еслибъ онъ писалъ въ своей сердечной простотѣ, онъ бы не сталъ защищать далѣе статьи, отвергаемыя патриотами и принимаемыя контръ-революціонерами. Его мужество только подложно, онъ измѣняетъ людямъ, подъ диктовку которыхъ пишетъ свой листокъ; это показываетъ, что Демулэнъ есть орудіе одной подозрительной партіи, которая пользуется его перомъ, чтобы вѣрнѣе и съ большей дерзостью разлить ядъ.

— Ты осуждаешь меня здѣсь,—сказалъ Демулэнъ,—но, развѣ я не былъ у тебя? развѣ я не читалъ тебѣ листовъ, заклиная тебя во имя дружбы помочь мнѣ твоими совѣтами?

На это Робеспьеръ отвѣтилъ, что онъ читалъ только одинъ или два нумера, а о другихъ и знать не хотѣлъ, чтобы не могли утверждать, что это онъ ихъ диктовалъ. Прогонять ли или нѣтъ Демулэна якобинцы, это для него не интересно; онъ вѣдь только отдѣльная личность. Ему важно только то, чтобы восторжествовала свобода и была признана истина.

Такимъ образомъ, произошелъ разрывъ Демулэна съ Робеспьеромъ. Люсиль, орошаемая слезами, ясно представляла себѣ приближающуюся опасность, отчаивается, не зная, къ кому она можетъ обратиться за помощью, и вдругъ вспоминаетъ о Фреронѣ, близкомъ другѣ и прежнемъ газетномъ сотрудникѣ Демулэна, въ то время бывшемъ въ отсутствіи. „Возвращайтесь скорѣе“, писала она ему, „не теряйте времени. Вы не можете себѣ представить, что здѣсь творится... Насъ преслѣдуютъ невѣжды, интриганы и даже патріоты; Робеспьеръ два вечера подрядъ громилъ Камилла въ клубѣ. Дантона уже не слушаютъ, онъ падаетъ духомъ и слабѣетъ. Д'Эглантинъ арестованъ, заключенъ въ Люксембургъ... Я вижу вокругъ себя только несчастныхъ... Эти чудовища осмѣлились упрекнуть Камилла, что онъ женился на богатой женщинѣ... Ахъ, еслибъ они никогда не говорили обо мнѣ, не замѣчали бы моего существованія, предоставили бы они мнѣ свободу жить въ глубокомъ уединеніи! Я ничего отъ нихъ не требую, готова уступить имъ все, чѣмъ владѣю, лишь бы не дышать съ ними однимъ и тѣмъ же воздухомъ. Еслибъ я могла забыть ихъ и всѣ страданія, которыя они намъ причинили! Жизнь моя становится для меня въ тягость. Гдѣ ты, сладкое, тихое счастье; ты обошло меня! Глаза мои наполняются слезами, но свои страданія я заключаю

вглубь моего сердца, показывая Камиллу ясное лицо и притворяясь бодрой, чтобы онъ продолжалъ оставаться мужественнымъ!»!

Фреронъ, однако, не придавалъ обстоятельствамъ слишкомъ серьезнаго значенія и даже шутилъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ.

Въ ночь съ 30 на 31 марта, Демулэнъ, въ тотъ самый моментъ, когда хотѣлъ лечь въ постель, слышитъ вдругъ шумъ отъ удара объ мостовую ружейнымъ прикладомъ.

— Это пришли арестовать меня,—вскричалъ онъ и упалъ на руки жены своей, чтобы еще разъ прижать ее къ своему сердцу, послѣ чего самъ пошелъ отворить двери полицейскимъ сержантамъ, которые арестовали его и повели въ Люксембургскую тюрьму *).

*) Одновременно съ Демулэномъ арестовали Дантона, Лакруа и Филиппо. На слѣдующій день депутатъ Лежандръ, пытаясь защитить дантонистовъ въ Конвентѣ, предложилъ, чтобы они были выслушаны собраніемъ. „Защитца Дантона“, сказалъ Робеспьеръ, „Лежандръ думаетъ, вѣроятно, что имя это привилегировано; нѣтъ, мы не хотимъ привилегій, не хотимъ вилегировано; нѣтъ, мы не хотимъ привилегій, не хотимъ идоловъ... Одни соучастники могутъ заступаться за измѣнниковъ“. Громъ рукоплесканій встрѣтилъ слова Робеспьера. Лежандръ поблѣднѣлъ, умолкъ и поспѣшилъ преклониться передъ торжествующей силой, назвавъ своихъ друзей „преступниками“. Такъ смолкъ единственный слабый голосъ протеста, раздавшійся въ пользу Дантона и его сторонниковъ. Терроризованное собраніе поспѣшило заявить свою солидарность съ Робеспьеромъ. Затѣмъ раздался голосъ Сень-Жюста,—голосъ безпощадный, звучавшій какъ смертный приговоръ. „Республика въ народѣ“, сказалъ онъ, „а не въ репутаціи нѣсколькихъ лицъ“. Главные удары свои Сень-Жюстъ направилъ противъ Дантона; о Камиллѣ Демулэнѣ онъ отозвался презрительно, какъ о простакѣ, въ концѣ-концовъ сдѣлавшемся соучастникомъ. Всѣ четверо обвинялись въ роялистскомъ заговорѣ, подкупѣ, измѣнѣ. Конвентъ привѣтствовалъ докладъ Сень-Жюста шумными единодушными рукоплесканіями и Кутонъ, прославляя его покорность, воскликнулъ: „Конвентъ идетъ какъ армія, военнымъ шагомъ“.

К. Б.

На другой день Демулэнъ написалъ первое письмо къ Люсилли: „Я въ тайномъ заключеніи; но, иногда не приходило мнѣ на мысль чувствовать тебя, твою мать и маленькаго Горація въ такой близости ко мнѣ. Люсилль, ангелъ мой, все время моего заточенія я буду проводить въ писаніи къ тебѣ, такъ какъ ни для чего другого мнѣ уже не требуется брать перо въ руки“.

„Мое оправданіе содержится въ восьми томахъ моихъ республиканскихъ сочиненій. Это хорошая подушка, на которой покоится моя совѣсть въ ожиданіи приговоровъ революціоннаго трибунала и потомства. Ахъ, дорогая Лолотта, будемъ говорить о другихъ вещахъ. Я падаю на колѣна, раздвигаю мои руки, чтобы заключить тебя въ свои объятія, но не нахожу моей бѣдной Лулу. Пришли мнѣ стаканъ, на которомъ выгравированы наши имена, и книгу о безсмертіи души. Мнѣ необходимо убѣдиться, что есть Богъ, болѣе справедливый, чѣмъ люди, и что мы еще увидимся. Но, не огорчайся очень моими мыслями, моя дорогая подруга, я еще не отчаиваюсь въ людяхъ и въ моемъ освобожденіи. Да, дорогая моя, быть можетъ, мы еще будемъ въ состояніи свидѣться съ тобою снова въ Люксембургскомъ паркѣ. Прощай, Люсилль, прощай, Даронна (мать Люсилли), прощай Горацій. Я не могу заключить васъ въ свои объятія, но въ слезахъ, которыя я проливаю, мнѣ кажется, что я все еще прижимаю васъ къ моему сердцу“.

Люсилль плакала, когда читала это письмо. Когда ее хотѣлъ утѣшить одинъ изъ друзей, то она сказала ему, что, конечно, совершенно излишне плакать какъ баба, такъ какъ Камилль страдаетъ, во всемъ нуждается, не можетъ всѣхъ ихъ видѣть, но она будетъ имѣть достаточно мужества, чтобы спасти его.

— Зачѣмъ оставили меня на свободѣ? Развѣ полагають, что я не осмѣлюсь возвысить свой голосъ потому только, что я женщина? Или они рассчитывали на мое

молчаніе? Я пойду къ якобинцамъ, я пойду къ Робеспьеру!

Газсказываютъ, что ее видѣли во всякое время дня бродившею вокругъ тюрьмы, гдѣ былъ заключенъ ея мужъ. Она дѣлала напрасныя попытки поднять движеніе въ народѣ, чтобы освободить мужа.

Робеспьеру она написала слѣдующее письмо: „Здоровъ-ли ты, осмѣливаясь обвинять насъ въ контр-революціонныхъ намѣреніяхъ и въ измѣнѣ отечеству, ты, который уже и безъ того воспользовался многими, изъ сдѣланнаго для него нами? Камилль видѣлъ зарожденіе твоего честолюбія и заранѣе предчувствовалъ дорогу, по которой ты пойдешь; но, онъ вспомнилъ о вашей старинной дружбѣ и, будучи въ одинаковой степени выше твоего безчувственнаго Сень-Жюста и твоей завистливости, бросилъ всякое намѣреніе порицать своего школьнаго товарища, сотрудника въ своихъ работахъ. Эта рука, которая пожимала твою, преждевременно отложила перо, не будучи уже въ состояніи держать его, чтобы лстыть тебѣ“.

„А ты! ты посылаешь его на смерть! Такъ то понималъ ты его молчаніе! За это онъ долженъ благодарить тебя. Отечество, по всей вѣроятности, поставило бы это ему въ упрекъ; но, именно, благодаря тебѣ, отечеству то и не останется неизвѣстнымъ, что Камилль Демулэнъ передъ всѣми былъ оплотомъ и защитникомъ республики“.

„Итакъ, Робеспьеръ, неужели ты приведешь въ исполненіе злой умыселъ, который тебѣ внушили несоимѣнно низкія души, тебя окружающія? Забылъ ли ты тѣ дружескія отношенія, о которыхъ Камилль никогда не могъ вспоминать безъ умиленія? Ты, который желалъ благополучія нашему союзу, ты, который самъ вложилъ наши руки одну въ другую, который улыбался нашему маленькому сыну, дѣтскія руки котораго тебя такъ часто ласкали, можешь ли ты отвергнуть мою

мольбу, не обратить вниманія на мои слезы, попать ногами справедливость?“

„Ты, вѣдь, знаешь, что мы не заслужили судьбы, которую намъ готовятъ и которую ты въ состояніи предотвратить! Если она насъ постигнетъ, то только по твоему приказанію. Но, какое же преступленіе совершилъ мой Камилль?“

„Я не владѣю достаточно опытнымъ перомъ, чтобы защищать его; но, голосъ добрыхъ гражданъ и твое сердце, если оно отзывчиво и правдиво, будутъ за меня. Думаешь ли ты, что къ тебѣ отнесутся съ довѣріемъ, когда увидятъ, что ты жертвуешь своими друзьями? Или, ты думаешь, что будутъ благословлять того, кто не скорбитъ ни о слезахъ вдовы, ни о смерти сироты?“

„Еслибъ я была женой Сенъ-Жюста, я бы сказала ему: дѣло Камилла, твое дѣло, а также и всѣхъ друзей Робеспьера. Какъ былъ далекъ Камилль, въ своей сердечной простотѣ, отъ подозрѣній къ судьбѣ, которая его ожидаетъ сегодня. Онъ думалъ работать для твоей же славы, обращая вниманіе на то, чего еще недостаетъ нашей республикѣ. Безъ сомнѣнія, его оклеветали передъ тобой; иначе ты не могъ бы считать его виновнымъ. Подумай, что онъ никогда не требовалъ отъ тебя смерти человѣка, что онъ никогда не дѣлалъ вреда при посредствѣ твоей силы; и что ты былъ его стариннѣйшимъ и лучшимъ другомъ. Даже, еслибы онъ не такъ сильно любилъ свое отечество и не такъ сильно былъ бы привязанъ къ республикѣ, я полагаю, что его привязанность къ тебѣ заступала мѣсто патріотизма, и ты думаешь, что за это мы заслуживаемъ смерти? Такъ какъ, быть пораженными ею, это значить *)...“

При допросѣ передъ революціоннымъ трибуналомъ, на вопросъ о возрастѣ, Демуленъ отвѣтилъ:

*) Письмо это осталось недоконченнымъ и не достигло своего назначенія.
К. Б.

— 33 года, возрастъ санкюлота Исуса.

Онъ считалъ себя такимъ же мученикомъ, который одинаково долженъ былъ умереть за то, что проповѣдывалъ человѣколюбіе и боролся противъ рабства. Когда послѣ допроса, его возвратили въ тюрьму, онъ потерялъ всякую надежду на оправданіе, и присѣлъ, чтобы написать женѣ прощальное письмо, весьма трогательное по своему содержанію. „Благотворный сонъ произвелъ перерывъ въ моихъ страданіяхъ. Свободенъ, когда спишь, не чувствуешь своего заточенія. Небо сжалилось надо мной: только что прошелъ моментъ, когда я видѣлъ тебя во снѣ, цѣловалъ васъ попеременно: тебя, Горація и Даронну, бывшую у насъ. Нашъ мальчикъ лишился одного глаза вслѣдствіе оспы и ощущение этого несчастья пробудило меня отъ сна; я опять увидѣлъ себя въ своей камерѣ. Уже немного свѣтало. Такъ какъ я не могъ болѣе ни видѣть, ни слышать тебя, вѣдь, ты и твоя мать говорили со мною во снѣ, то я всталъ, чтобы говорить съ тобой посредствомъ письма. Но, когда я открылъ окно, мысль о моемъ одиночествѣ, отвратительные запоры и рѣшетка, которые отдѣляютъ меня отъ тебя, побѣдили всю твердость души моей. Я залился слезами или, вѣрнѣе, рыдался, взывая въ своей могилѣ: Люсиль! Люсиль! о, моя возлюбленная Люсиль, гдѣ ты?“

„Вчера вечеромъ былъ моментъ, въ который я почувствовалъ, что сердце мое какъ бы разорвалось на части. Я замѣтилъ твою мать въ паркѣ. Инстинктивное движеніе заставило меня упасть на колѣна у оконной рѣшетки и скрестить руки, какъ бы взывая къ ея состраданію. Конечно, теперь она изливаетъ свою печаль на твоей груди. Чтобы скрыть ее отъ меня, вчера она опустила вуаль на свое лицо, не будучи въ состояніи смотрѣть въ мою сторону“.

„Пришли мнѣ твой портретъ, Лолотта, умоляю тебя. Въ моей ужасной тюрьмѣ это будетъ для меня празд-

никомъ, днемъ упоенія и восторга. Между прочимъ, пришли мнѣ и локоны твоихъ волосъ, чтобы я могъ прижать его къ своему сердцу. Итакъ, я опять перешелъ во времена моей первой любви, когда я интересовался всегда тѣмъ, кто приходилъ отъ тебя. Вчера, когда гражданинъ, отнесшій къ тебѣ мое письмо, вернулся, я сказалъ ему: „Итакъ, вы ее видѣли?“ При этомъ взглядъ мой приковался къ его одеждѣ, къ его фигурѣ, какъ будто на немъ что-то осталось отъ тебя, отъ твоего разговора съ нимъ.“

„Это сострадательная душа, потому что онъ безъ замедленія доставилъ тебѣ письмо. Я буду видѣться съ нимъ, вѣроятно, раза два въ день, утромъ и вечеромъ. Этотъ вѣстникъ нашихъ страданій будетъ для меня столь же дорогимъ, какъ нѣкогда былъ такимъ вѣстникъ нашихъ радостей.“

„Я обнаружилъ въ моей камерѣ щель. Приложивъ къ ней ухо, я услышалъ вздохи. Рѣшившись сказать нѣсколько словъ, я услышалъ голосъ томившагося за стѣною больного, спрашивавшаго у меня мое имя. И когда я называлъ ему себя, то онъ, воскликнулъ: „ахъ Боже мой!“ снова упалъ на постель, съ которой старался приподняться; и я вполне отчетливо распозналъ голосъ Фавра д'Эглантина. „Да, я Фавръ“, сказалъ онъ; „но, ты здѣсь? значитъ, наступила контръ-революція?“

„Но, мы не осмѣливались продолжать разговора, изъ боязни, какъ бы подлая несправедливость не лишила насъ и этого слабаго утѣшенія. Еслибъ насъ слышали, то подвергли бы болѣе строгому содержанію и надзору. Такъ какъ моя камера отапливается, то она представляется до нѣкоторой степени уютной, если вообще это можно сказать о тюрьмѣ.“

„Но, моя возлюбленная, ты не можешь себѣ представить, что значитъ быть въ секретномъ заключеніи, не зная основаній, безъ допроса, не получая никакой газеты. Это значитъ жить и въ то же время быть мер-

твымъ; это значитъ только существовать, чтобы чувствовать, что находишься въ гробѣ. Говорятъ, невинность спокойна, мужественна! Ахъ, моя дорогая Люсиль, моя горячо любимая! но, моя невинность часто такъ слаба, какъ невинность мужа, отца, сына! Еслибы со мною такъ поступили Питтъ или Кобургъ, столь рѣзко осуждавшіе меня; но, мои товарищи! но, Робеспьеръ, подписавшій приказъ о моемъ арестѣ! А, республика, послѣ всего того, что я для нея сдѣлалъ! Вотъ награда за всю добродѣтель, за всѣ жертвы!“

„Когда я вступалъ сюда, я видѣлъ Геро-Сешелля, Симона, Фену, Шометта; они менѣ несчастливы, никто изъ нихъ не находится въ секретномъ заключеніи. Я тотъ, который, въ теченіе пяти лѣтъ, устранилъ отъ республики столько мерзостей, столько опасностей. Я, который сохранялъ свою бѣдность въ разгарѣ революціи, я, который ни у кого на свѣтѣ, кромѣ тебя, моя Лолотта, не нуждаюсь просить прощенія, и которому ты уже дала его, потому что ты знаешь, что мое сердце, несмотря на его слабости, не недостойно твоего. Мужички, которые считаются моими друзьями, которые называютъ себя республиканцами, бросаютъ меня въ тюрьму, въ секретное заключеніе, какъ заговорщика. Сократъ выпилъ ядъ, но, по крайней мѣрѣ, онъ могъ видѣться въ тюрьмѣ съ женой и дѣтьми. Какъ ужасно быть съ тобой въ разлукѣ! Величайшій преступникъ былъ бы жестоко наказанъ, если-бы его разлучили съ такою „Люсилью“ иначе, чѣмъ естественною смертію, когда онъ только на одинъ мигъ пришелъ бы къ сознанію горя отъ такой разлуки.“

„Но, преступникъ не былъ бы твоимъ мужемъ; ты меня за то только и любила, что я жилъ для счастья моихъ согражданъ... Меня вызываютъ...“

„Меня только что допрашивали слѣдственные судьи передъ революціоннымъ трибуналомъ. Мнѣ задали только одинъ вопросъ: не участвовалъ ли я въ заговорѣ про-

тивъ республики? Какое издѣвательство! И можно ли такъ оскорблять истиннаго республиканца? Я предвижу участь, которая меня ожидаетъ. Прощай, моя Люсиль. моя дорогая Лолотта. Передай также мое послѣднее прости и моему отцу. На мнѣ ты видишь примѣръ варварства и людской неблагодарности.“

„Мои послѣднія минуты не принесутъ тебѣ безчестія. Ты видишь, что мои опасенія, какъ и мои предчувствія, всегда имѣли основаніе.“

„Я женился на божественной по ея добродѣтелямъ женщинѣ; я былъ хорошимъ мужемъ, хорошимъ сыномъ, могъ бы быть также и хорошимъ отцомъ. Я уношу съ собою уваженіе и сожалѣніе всѣхъ истинныхъ республиканцевъ, всѣхъ людей, высоко цѣнящихъ добродѣтель и свободу. Я умираю 34 лѣтъ; но, удивительно, какъ это, въ теченіе пяти лѣтъ, я избѣгалъ столько пропастей революціи, не попавъ ни въ одну изъ нихъ, и еще живу, имѣя возможность спокойно прислонить свою голову на изголовье изъ столь многочисленныхъ сочиненій, которыя всѣ одинаковымъ образомъ дышатъ челоуѣколюбіемъ, всѣ выражаютъ одинаковое желаніе сдѣлать моихъ согражданъ счастливыми и свободными, которыхъ не уничтожить сѣкира тирановъ“.

„Я вижу, конечно, что власть опьяняетъ почти всѣхъ людей, что всѣ похожи на тирана Діонисія Сиракузскаго, говорившаго: „Тираннія есть прекрасная надгробная надпись“. Но, утѣшся, несчастная вдова. Эпитафія твоего бѣднаго Камилла славнѣе эпитафій Брута и Катона. О, моя милая Люсиль! я родился, чтобы писать стихи, защищать несчастныхъ, сдѣлать тебя счастливой, чтобы съ тобою, твоей матерью и моимъ отцомъ создать новый Отаити *). Я мечталъ о республикѣ,

*) Отаити или Таити, самый большой островъ въ Полинезіи. Намекъ на переворотъ въ управленіи при королѣ Помаре I (1793—1803 г.г.), пользовавшемся помощью англичанъ для усмиренія взбунтовавшихся подданныхъ. Ж. Б.

которая осчастливила бы весь міръ. Я не подозрѣвалъ, чтобы люди могли быть столь грубы и несправедливы. Могъ ли я думать, что простая шутка въ моихъ статьяхъ противъ моихъ товарищей, которые даже поощряли меня, сотретъ воспоминаніе о моихъ заслугахъ? Я во все не скрываю, что умираю жертвою этой шутки, а равно и вслѣдствіе моей дружбы съ Дантономъ. Я благодарю своихъ убійцъ, заставляющихъ меня умереть съ нимъ и съ Филиппо; а такъ какъ мои товарищи оказались настолько малодушными, что повѣрили клеветѣ, которой я не знаю, но которая, конечно, принадлежитъ къ числу наигрубѣйшихъ, то я могу сказать, что мы умираемъ жертвой нашего публичнаго обвиненія въ преступленіяхъ и нашей любви къ истинѣ. Мы вправѣ унести съ собою свидѣтельство, что погибаемъ послѣдними изъ республиканцевъ“.

„Прости, дорогая подруга, что, съ момента нашей разлуки, я потерялъ сознаніе дѣйствительной жизни и забочусь о своей посмертной памяти. Этимъ способомъ, я хотѣлъ собственно забыть о настоящемъ моемъ положеніи, моя Люсиль, моя добрая Лулу, мое сердечко. Не предавайся отчаянью изъ-за меня, не зови меня, живи для Горація, говори съ нимъ обо мнѣ. Ты ему расскажешь, когда онъ начнетъ понимать, какъ сильно я любилъ его“.

„Несмотря на свой смертный приговоръ, я вѣрю, что существуетъ Богъ. Мои заблужденія и недостатки челоуѣческой природы искупить кровь моя; за все же, что было во мнѣ хорошаго, за мою добродѣтель и любовь къ свободѣ, вознаградить меня Богъ. Я когда нибудь снова увижусь съ вами, о, Люсиль, о, Аннета! *) Смерть избавитъ меня, особенно, при моей впечатлительности, отъ зрѣлища столькихъ преступленій. И развѣ смерть ужъ такое великое несчастье? Прощай,

*) Мать Люсиль.

моя Лулу, моя жизнь, мое божество на землѣ. Я оставляю тебѣ добрыхъ друзей и все то, что дѣлаетъ людей добродѣтельными и чувствительными. Прощай, Люсиль! моя Люсиль! моя милая Люсиль! Прощайте, Горацій, Аннага, Адель, мой отецъ!“

„Я чувствую, какъ берега жизни все болѣе удаляются отъ меня. Я вижу еще Люсиль, я вижу ее, мою возлюбленную! Моя Люсиль! Тебя сжимаютъ мои цѣпнющія руки; угасающіе взоры глазъ моихъ все еще устремлены на тебя!“

Допросъ опять возобновился, но это была только простая формальность, такъ какъ судъ объявилъ, что уже достаточно во всемъ освѣдомленъ. Это значило закрыть ротъ обвиняемому. Въ изступленіи Камилль обозвалъ судей палачами, убійцами. Дантонъ бросилъ имъ въ лица хлѣбные шарики. Демулэнъ разорвалъ свой обвинительный актъ въ куски и бросилъ ихъ на голову огривательнаго публичнаго обвипителя Фукье-Тенвилля. Вслѣдъ за этимъ былъ объявленъ приговоръ.

Когда пришли за Демулэномъ, чтобы отвезти на мѣсто казни, онъ съ яростью воскликнулъ:

— Какъ? быть убитымъ Робеспьеромъ?

Когда его уже везли, онъ безпрестанно кричалъ:

— Народъ, бѣдный народъ, тебя обманываютъ, уничтожаютъ твои опоры, твоихъ лучшихъ защитниковъ!

При этомъ, отъ порывистыхъ тѣлодвиженій, на немъ разорвалась одежда. Дантонъ, напротивъ, казался очень спокойнымъ и, обводя презрительнымъ взглядомъ волновавшуюся толпу, сказалъ Демулэну:

— Успокойся и оставь эту презрѣнную сволочь!

Когда имъ пришлось проѣзжать мимо дома Робеспьера, у Демулэна вырвались такіа пророческія слова:

— Ты послѣдуешь за нами, твой домъ будетъ разрушенъ до основанія и мѣсто, на которомъ онъ стоялъ, будетъ засыпано солью.

— Вотъ награда первому апостолу свободы. Эти из-

верги, которые убиваютъ меня, недолго переживутъ меня!—воскликнулъ Демулэнъ, когда вдали показалась уже гильотина.

Онъ умеръ 5 апрѣля 1794 года.

Несчастливая Люсиль! Кто въ состояніи изобразить ея страданія! Дѣйствительно-ли она агитировала въ тюрьмахъ, чтобы вызвать возстаніе въ пользу своего мужа? Дѣйствительно-ли она для этой цѣли вступила въ соглашеніе съ генераломъ Диллономъ? И вѣрно-ли, что она предоставила ему большую сумму денегъ для подкупа людей? Однако, мстительный Сенъ-Жюсть утверждалъ все это и положилъ такіа обвиненія въ основу своего доклада, для привлеченія ея къ слѣдствію.

Мы увидимъ далѣе, какъ эта молодая, жизнерадостная женщина вдругъ воспряла передъ лицомъ несчастья и какъ мужественно и безстрашно пошла она навстрѣчу событіямъ. Слабое, прекрасное созданіе выказало болѣе мужества и храбрости, нежели ея мужъ.

Однимъ изъ замѣчательныхъ явленій революціи слѣдуетъ признать то, что она внушаетъ женщинамъ стремленіе къ высоко героическимъ подвигамъ и непритворному презрѣнію къ смерти.

Послѣ краткаго вопроса, Люсиль была объявлена виновною и, вмѣстѣ съ генераломъ Диллономъ, приговорена къ смерти.

Она съ большимъ хладнокровіемъ ожидала своего смертнаго приговора, и, когда онъ былъ объявленъ, сказала:

— Значить, я скоро буду имѣть счастье увидѣть снова своего Камилла! Покидая эту землю, гдѣ у меня уже ничего не осталось, что могло бы привязывать меня къ жизни, я гораздо менѣе несчастна, нежели вы, которые, оставаясь въ живыхъ, скоро почувствуете угрызенія совѣсти, сопровождающія преступленіе, и это будетъ до тѣхъ поръ, пока вашу жизнь ни прекратитъ постыдная смерть.

Возвратившись въ тюрьму, она написала прощальное письмо къ своей матери: „Покойной noci, моя милая мама. Слезы капаютъ изъ глазъ моихъ: онѣ для тебя. Я засыпаю навѣки сномъ праведницы“.

Мадамъ Дюплесси написала слѣдующее письмо Робеспьеру: „Значитъ, умертвить твоего лучшаго друга оказалось недостаточно; тебѣ нужна еще кровь его жены? Твой чудовищный Фуке-Тенвилль только что распорядился отправить ее на эшафотъ. Проидетъ часа два и она перестанетъ жить. Робеспьеръ, если ты не тигръ съ человѣческимъ обликомъ, если кровь Камилла не опьянила тебя до такой степени безчувствія, что ты лишился сознанія, если ты помнишь еще наши искреннія, дружескія отношенія, и тѣ ласки, которыя ты дарилъ маленькому Горацію, наконецъ, если припомнишь, что ты намѣревался стать моимъ зятемъ, пощади невинную жертву. Но, если ты свирѣпъ, какъ левъ, тогда приходи и бери также насъ, меня, Адель и Горація, приходи растерзать всѣхъ насъ троихъ твоими, обогрѣнными кровью Камилла, руками и—да соединить насъ всѣхъ общая могила“.

„Жена Дюплесси“.

Робеспьеръ не внялъ этой просьбѣ. Эта несчастная мать долго еще влачила на землѣ свое печальное одиночество, отклоняя отъ себя всякое утѣшеніе и сочувствіе.

13 апрѣля 1794 года, черезъ восемь дней послѣ совершенія Демуланомъ своего послѣдняго путешествія, вновь потащились кровавыя дроги по улицамъ Парижа, сопровождаемыя насмѣшками и издѣвательствомъ безумной толпы. На дрогахъ въ подвѣчномъ уборѣ, съ бѣлой фатой на прекрасныхъ волосахъ, сидѣла рядомъ и спокойно разговаривала съ молодымъ, также приговореннымъ къ смерти, человѣкомъ Люсиль Демуланъ.

На мѣстѣ казни, передъ лицомъ смерти, она сохраняла то же спокойствіе и, даже съ нѣкоторою гордостью,

взошла на ступени эшафота. Для нея онѣ замѣняли ступени алтаря. Вѣдь, она опять увидится съ Камилломъ! и эта мысль заставила ее даже улыбнуться. Супруга, умирающая ради своего мужа! она была жертвою высокой любви и благороднѣйшаго, святаго увлеченія.

Не было ни одного человѣка, какихъ бы политическихъ воззрѣній онъ ни придерживался, чтобы эта смерть не заставила облиться его сердце кровью. Она не играла никакой политической роли, какъ мадамъ Роланъ или Шарлотта Кордэ; это была просто женщина, по внѣшности походившая на дѣвушку или ребенка.

Но, какое же преступленіе совершила она? Что хотѣла спасти своего мужа, своего добраго мужа Камилла, защитника рода человѣческаго?

Эта мужественная, прелестная женщина умерла, исполняя свои священнѣйшія обязанности во имя добродѣтели!

Люсиль Демуланъ достойна высокихъ почестей. Это горячее, молодое существо умерло такъ, какъ могли умирать только съ сильнымъ характеромъ мущины и великія женщины.

Почтенная Э. Адлеръ даетъ такое заключеніе біографіи Люсиль Демуланъ, которое вызываетъ у читателя нѣкоторое недоумѣніе; да и вообще, по нашему мнѣнію, біографія этой замѣчательной женщины вышла у автора нѣсколько блѣдной. Неужели эта, воспитанная современными поэтами, предметъ восхищенія всѣхъ, кто ее зналъ и видѣлъ, Люсиль Дюплесси, не игравшая, какъ мадамъ Роланъ или Шарлотта Кордэ, никакой видимой политической роли, только тѣмъ и замѣчательна, что пожертвовала собою во имя добродѣтели, исполняя лишь свои женскія обязанности въ отношеніи къ мужу? Какъ бы страшно она его ни любила, не могла же она быть на-

столько душевно ослѣпленной, чтобы въ ней не шевелилось сознаніе и своихъ материнскихъ обязанностей? Такое самопожертвованіе присуще большинству женщинъ и, конечно, не могло бы быть предметомъ оцѣнки знаменитости Люсиль Демулэнъ по тѣмъ признакамъ, по которымъ относятъ другихъ славныхъ борицъ за человѣческія права во время великаго общественнаго переворота, во время великой французской революціи.

Она, дѣйствительно, не выступала открыто и потому не могла возбудить противъ себя ненависти со стороны какой-либо политической партіи. Ее обвинили въ преступленіи, имѣвшемъ лишь косвенное отношеніе къ политикѣ,—въ простомъ желаніи вырвать любимаго мужа изъ рукъ его палачей. Между тѣмъ, она несомнѣнно оказывала большое вліяніе на укрѣпленіе политическихъ убѣжденій Камилла Демулэна, который до женитьбы отличался большимъ непостоянствомъ взглядовъ, исканіемъ весьма неясныхъ, противорѣчивыхъ пріемовъ для использованія своихъ рѣдкихъ, великодушныхъ качествъ,—любви къ отечеству, способности къ самопожертвованію, пренебреженія личнымъ благомъ ради блага общественнаго. И въ этомъ, главнымъ образомъ, кроются несомнѣнныя основанія къ насильственному удаленію Люсиль съ арены общественной жизни, хотя и подъ другимъ предлогомъ.

Мы, поэтому, считаемъ нелишнимъ дополнить здѣсь біографію Люсиль Демулэнъ нѣкоторыми свѣдѣніями о ея личности, для лучшей характеристики, пользуясь для этого отчасти „Очерками изъ исторіи великой французской революціи“ Н. Мировичъ.

Встрѣтивши Люсиль въ 1787 году, двѣнадцатилѣтней, Демулэнъ безъ памяти въ нее влюбился, да и трудно было оставаться равнодушнымъ, судя по отзывамъ современниковъ, къ неотразимой прелести ея вѣшняго и внутренняго существа. Небольшого роста, стройная, граціозная, съ грезовской головкой, okay-

мленной свѣтлыми волосами, вьющимися вокругъ улыбающагося почти дѣтскаго лица, Люсиль напоминала собою весеннюю, едва распустившуюся фіалку. Но спокойное ясное выраженіе лица мало соотвѣтствовало духовному ея существу. Въ ней была какая-то затаенная грусть, меланхолія, недовѣріе къ жизни, которой она инстинктивно чуждалась, боязнь къ людямъ, которые не могли ее понять. Горячая поклонница Руссо, она любила природу, искала уединенія, сторонилась отъ шумнаго общества. Это была натура впечатлительная, романическая, болѣзненно чуткая, нѣжный экзотическій цвѣтокъ конца XVIII столѣтія. Какъ у всѣхъ послѣдователей и, особенно, послѣдовательницъ Ж. Ж. Руссо, въ ней былъ и оттѣнокъ сентиментальности,—свойство, нечуждое въ то время даже такимъ сильнымъ, энергичнымъ натурамъ, какъ мадамъ Роланъ. Мечтать въ уединеніи было любимымъ времяпрепровожденіемъ Люсиль.

„По воскресеньямъ,—писала она въ своемъ дневникѣ,—мнѣ уже нельзя приходить мечтать въ этихъ рощахъ (Люксембургскій паркъ); онѣ не будутъ пустыни. Я удаляюсь отъ шумнаго веселья, часто противорѣчащаго настроенію сердца. Я чувствую, что не родилась, чтобы жить среди людей... Увы! чѣмъ ближе я ихъ узнаю, тѣмъ болѣе вижу, что надо отъ нихъ бѣжать. Нѣтъ между ними ни откровенности, ни прямоты, ни сердечности“.

Неясныя стремленія и мечтанія Люсиль вскорѣ разрѣшились встрѣчей съ Камилломъ Демулэнъ. Что же привлекло въ немъ и покорило сердце Люсиль? По отзывамъ современниковъ, Камиллъ не обладалъ притягательными вѣшними качествами, не выкупалъ своимъ разговоромъ недостатковъ природы. Окруженный ореоломъ славы знаменитаго публициста, онъ явился передъ Люсилью Дюплесси живымъ олицетвореніемъ современныхъ идей свободы, братства, равенства; и она полю-

била его во имя этих идей, непосредственным чувством чисто женской натуры. Въ любви ея не было элемента анализа и критики и, тѣмъ неменѣе, встрѣтившись съ Камилломъ и усвоивши его политическіе и общественные взгляды, Люсиль, въ свою очередь, оказывала на него *вліяніе, поддерживая въ немъ пламя энтузіазма и горячей вѣры.*

Несогласіе отца Люсиль, недовѣрчиво относившагося къ литературной славѣ Демулэна, выдать за него свою дочь, сильно отражалось на ея душевномъ настроеніи. Сохранилась записка ея къ Камиллу (неизвѣстно, полученная ли имъ), гдѣ характерно отражается ея чувство, глубокое, стыдливое, страстное и, въ тоже время, трогательное въ своей наивности. „О, ты, который въ глубинѣ моей души, — пишетъ она, — я не смѣю тебя любить или, скорѣе, не смѣю сознаться въ своей любви... Ты страдаешь, говоришь ты, — о! я страдаю гораздо больше; твой образъ вѣчно въ моихъ мысляхъ; онъ не покидаетъ меня, я стараюсь отыскать въ тебѣ недостатки, нахожу ихъ и люблю. Скажи, зачѣмъ вся эта борьба? Почему я скрываю свое чувство даже отъ матери; я бы хотѣла, чтобы она его знала, угадала его, но мнѣ не хочется говорить ей о немъ“.

Мирная семейная жизнь не могла удовлетворить всѣмъ стремленіямъ Камилла. Жажда популярности, славы не давала ему покоя. Къ этому присоединялся мотивъ болѣе возвышенный и благородный; онъ считалъ долгомъ чести продолжать начатую борьбу, не успокаиваться на личномъ счастьѣ. Люсиль, проникнутая его идеями, видѣвшая въ мужѣ героя, призваннаго спасти отечество, поддерживала и разжигала въ немъ священный огонь патріотизма. Даже послѣ ареста Камилла, несмотря на охватившее ее отчаяніе, когда раздраженный Дюплесси схватилъ стоящую на шкапу статую свободы и, взглянувъ на нее съ ненавистью и злобой, хотѣлъ разбить ее, Люсиль остановила его и

сказала: „Нѣтъ, отецъ, ты долженъ уважать ее; онъ умираетъ за нее!“

Въ то самое время, когда совершалась казнь Демулэна, Вадье объявлялъ о заговорѣ Диллона, противъ національнаго Конвента сообщая съ другими преступниками, и въ слѣдующую же ночь обвиненныхъ заключили въ Консьержери. Люсиль Демулэнъ и Диллонъ, кромѣ того, предательски обвинялись Фуке-Тенвиллемъ въ попыткѣ возстановить на французскомъ престолѣ Людовика XVI.

По странной ироніи судьбы, вмѣстѣ съ Люсиль революціонный трибуналъ приговорилъ къ эшафоту вдова Гебера, одного изъ злѣйшихъ враговъ Камилла. Несчастье сблизило обѣихъ женщинъ. Во время процесса „онѣ вмѣстѣ сидѣли и плакали на дворѣ Консьержери“. Одинъ изъ свидѣтелей процесса, Гранпрэ, передаетъ, что въ день приговора вдова Гебера сказала, обращаясь къ Люсиль: „Какъ ты счастлива! никто не обвинялъ тебя, нѣтъ тѣни на твоёмъ поведеніи; выйдешь изъ жизни съ честью“. Между тѣмъ какъ вдова Гебера плакала, Люсиль улыбалась. „Кровь женщины, — говорила она, — изгнала Тарквиніевъ изъ Рима. Пусть же моя кровь уничтожитъ тираннію“. Обрѣзавъ волосы, она послала ихъ матери съ краткой запиской: „Прощай, милая мама. Я скоро усну въ спокойствіи невинности“. Когда подъѣхала повозка, чтобы везти осужденныхъ на казнь, генералъ Диллонъ подошелъ къ Люсиль и поклонился ей. „Я сожалею, — сказала она, — что являюсь причиной вашей смерти“. Диллонъ улыбнулся, возразивъ, что она явилась лишь предлогомъ для его осужденія и, въ свою очередь, обратился къ ней со словами соболѣзнованія. Люсиль прервала его: „Взгляните, развѣ я похожа на женщину, которой нужны утѣшенія!“

Поэтическій образъ Люсиль, промелькнувшій въ темную эпоху исторіи, чтобы исчезнуть такъ безвре-

менно и трагически, бросаетъ смягчающій свѣтъ на личность и дѣятельность Камилла Демулэна. Суровый приговоръ историка невольно смягчается передъ тѣмъ, кто такъ сильно любилъ и такъ много страдалъ во имя любви. Великой заслугой Камилла является его самоотверженность, глубокая преданность идеямъ човѣческаго блага. Сознавъ свои заблужденія, онъ, не колеблясь, предпочелъ долгъ личному счастью, принесъ ему въ жертву свою жизнь и жизнь любимой женщины. Въ этомъ отношеніи примѣръ его глубоко назидателенъ для нашего времени. „Старый Кордельеръ“,—воззваніе Демулэна къ чувству гуманности и состраданія,—вотъ его вѣчный, славный памятникъ, передъ которымъ должны съ благодарностью преклониться позднѣйшія поколѣнія и съ благоговѣніемъ вспоминать о вдохновительницѣ этихъ чувствъ, поэтической Люсиле.

К. Б.

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клавей и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

[Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.](#)

Олимпия де-Гужъ.

Олимпии де-Гужъ было 38 или, какъ говорили злые языки, 40 лѣтъ, когда голова ея скатилась подъ ножомъ гильотины. 2 ноября 1793 года пала жертвой ненависти Робеспьера эта противница воцарившагося террора и ея геройской борьбѣ за права женщинъ былъ положенъ предѣлъ.

Ея жизнь представляла собою нѣчто особенное, выдающееся. Несмотря на то, что она не умѣла ни читать, ни писать, она была авторомъ многихъ сочиненій! Эта слабая женщина внушала страхъ не одному мужчине; даже самъ Робеспьеръ отступалъ передъ ней. Жизнью она наслаждалась во всѣхъ отношеніяхъ, но всегда готова была съ радостью пожертвовать ею. Ея мысли не всегда были ясны, иногда даже противорѣчивы, и, однако, въ ея сочиненіяхъ встрѣчаются строго обдуманныя, полныя гениальности, мѣста, но, въ большинствѣ, выраженныя небрежнымъ слогомъ.

Во всемъ, что она предпринимала, видна была страсть; всѣ ея сужденія были порывисты, обнаруживали горячій темпераментъ, но всегда полны самоотверженія и сердечности. Она представляла собою какую-то смѣсь великаго со смѣшнымъ, достоинствъ съ недостатками. Своеобразная во всѣхъ отношеніяхъ, она порвала связывающія женщинъ цѣпи и, движимая непреодолимою силою къ свободѣ, выступала ярою защитни-

цей равноправія женщинъ, какъ въ своихъ энергичныхъ брошюрахъ, такъ и въ страстныхъ рѣчахъ съ трибуны якобинскаго клуба. Олимпія де-Гужъ является первой политической ораторшей, о которой упоминаетъ исторія. Между борцами за равноправность половъ она была не первою, но самою мужественной изъ всѣхъ женщинъ время французской революціи. Ей первой принадлежитъ слава упорядоченія женскаго движенія, вслѣдствіе чего послѣднее приобрѣло себѣ видное мѣсто въ цѣломъ рядѣ другихъ вопросовъ общественной жизни.

Марія Олимпія де Гужъ родилась въ 1755 году, въ Монтбанѣ. Ея мать была модисткой или, по другимъ даннымъ, торговкой старыми платьями; отецъ ея былъ литераторомъ. Это утвержденіе Олимпіи де-Гужъ заслуживаетъ довѣрія, несмотря на то, что его настоящее имя такъ и осталось необнаруженнымъ. Утверждали даже, что она была дочерью Людовика XV. По этому поводу, въ своемъ „политическомъ завѣщаніи“, она приводитъ слѣдующее замѣчаніе: „Я дочь не короля, а человѣка, увѣнчаннаго лавровымъ вѣнкомъ; я дочь одинаково знаменитаго, какъ по своимъ добродѣтелямъ, такъ и по литературнымъ дарованіямъ мужа. Онъ совершилъ въ своей жизни только одну ошибку; но она касается лишь одной меня и по этому поводу я ничего болѣе не скажу“.

Пятнадцати лѣтъ она вышла замужъ за нѣкоего Обри, бывшаго прежде парижскаго ресторатора, нажившаго себѣ нѣкоторое состояніе и поселившагося затѣмъ въ Монтбанѣ, гдѣ онъ и увлекся красотой молоденькой Олимпіи. Шестнадцати лѣтъ она овдовѣла, будучи уже матерью одного мальчика. Ея мужъ оставилъ ей въ наслѣдство капиталъ около 60.000 франковъ. Во цвѣтъ лѣтъ, жизнерадостная и прелестная, полная всякихъ мечтаній, она направилась, подъ своимъ дѣвическимъ именемъ, въ Парижъ, рисовавшійся въ ея южномъ воображеніи какимъ-то сказочнымъ, волшебнымъ

городомъ. Ея пылкій темпераментъ вскорѣ же вовлекъ ее въ омутъ любви и она, съ своими романтическими наклонностями, стала душою всѣхъ эпикурейскихъ кружковъ.

Она стремилась прослыть Ниной XVIII столѣтія. Прекрасная Олимпія сполна предавалась удовольствіямъ, съ такою же необузданной, кипучею страстью, съ какою впослѣдствіи, уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, развилось въ ней чувство самопожертвованія, когда она увлеклась республиканскими идеями.

Но, въ промежуткѣ до послѣдняго увлеченія, послѣ демона любовной страсти и разнузданности нрава, овладѣлъ ею другой демонъ, благородный демонъ литературнаго творчества. Однимъ рѣзкимъ движеніемъ ума, она оттолкнулась отъ безсмысленнаго наслажденія жизнью, погрузившись въ серьезныя размышленія. Несмотря на то, что она, какъ упомянуто выше, не умѣла ни читать, ни писать, она является авторомъ многочисленныхъ брошюръ, сочиненій по общественнымъ вопросамъ, театральнымъ пьесъ, романовъ и даже петицій, которые она диктовала своему секретарю. Въ одномъ изъ своихъ произведеній, она говоритъ: «Меня ничему не учили *); я росла въ мѣстности, гдѣ дурно гово-

*) Что касается народной грамотности вообще во Франціи къ концу XVIII столѣтія, то оно стояло на весьма низкой ступени. Не лишне будетъ привести здѣсь нѣсколько любопытныхъ строкъ о народномъ образованіи изъ „Великой Французской революціи“ Ф. А. Олара. „Народное просвѣщеніе плохо представляется и находится въ полномъ пренебреженіи; всѣ сознаютъ, насколько оно далеко отъ совершенства“. Университеты, очень малочисленные и, главное, плохо распределенные, до извѣстной степени сохраняли варварскіе приемы преподаванія, процвѣтавшіе въ средніе вѣка, но совершенно утратили свою тогдашнюю дисциплину и блескъ. Въ нѣкоторыхъ университетахъ, какъ, напримѣръ, въ анжерскомъ, преподаваніе все еще велось на латинскомъ языкѣ. Занятія почти всюду сводились къ пустымъ формальностямъ. На юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ всякій безъ труда могъ купить ученое званіе.

рять по-французски, я даже не знаю основных правилъ языка: я ничего не знаю и даже горжусь своей необразованностью. Диктуешь моя душа, но не рассудокъ, и печать моихъ природныхъ дарованій лежитъ на всѣхъ моихъ произведеніяхъ!» Правда, послѣднее увѣреніе не всѣми признано. Но мы увидимъ, что эта женщина, судьба которой предназначала ее къ дѣятельности во время сильныхъ революціонныхъ потрясеній, существованіе которой ознаменовалось сильными дѣйствіями и словами, которая, казалось, была создана для произве-

Упадокъ коллегей становится въ теченіе XVIII вѣка все болѣе замѣтнымъ. Уничтоженіе іезуитскаго ордена образовало въ преподавательскомъ персоналѣ пробѣлъ, который не былъ пополненъ. Профессора большею частью получали ничтожное жалованье и были недостаточно обезпечены, чтобы жить и пользоваться уваженіемъ. Очень большая часть королевства вовсе была лишена органовъ первоначальнаго образованія. Даже въ крупныхъ городахъ многія дѣти не получали доступа къ послѣднему. Въ Парижѣ, изъ 800 дѣвушекъ Сальпетріера, только 24 учились писать; чтенію училось большее число, но крайне неудовлетворительно. Изъ 1300 дѣтей воспитательнаго дома только 12 учились читать и писать. «У насъ нѣтъ школъ, наши дѣти коснѣютъ во мракѣ невѣжества», говорятъ крестьяне Артуа, Шампани, парижскаго префектура и алансонскаго бальяжа. Тамъ, гдѣ существовали школы, учителя часто были непригодны для своего дѣла и не отличались рвеніемъ. Дворянство Бовези объясняетъ причину этого явленія: «Они плохи, потому что имъ не платятъ. Для того, чтобы имѣть возможность прокормиться, они должны были прибѣгать къ средствамъ, несовмѣстимымъ съ ихъ званіемъ: напимѣръ, идя изъ дома въ домъ, просить милостыню, уменьшавшую и безъ того скудный достатокъ крестьянина». Протоколы и наказы, составленные въ періодъ созванія генеральныхъ штатовъ, во многихъ случаяхъ подписаны лишь половиною, четвертою или меньшею частью явившихся: «остальные не сумѣли». Въ 1790 году, многіе члены учредительнаго собранія указывали на такіа сельскія общины, гдѣ не болѣе двухъ человѣкъ умѣли читать. Въ Дофинѣ можно было пройтись восемь миль, не встрѣтивъ ни одного «Консула», который умѣлъ бы подписаться.

К. Б.

денія политической бури, сумѣла подавить въ себѣ свою душу, чтобы вложить ее въ другихъ героевъ великой драмы.

Безъ всякаго иного пособія, кромѣ своего вдохновенія, безъ предварительной подготовки и безъ всякихъ знаній, она сразу сдѣлалась писательницей. Ей казалось, что она приобрѣтетъ славу сочиненіемъ драматическихъ произведеній.

Подъ вліяніемъ наиболѣе интересныхъ философскихъ сочиненій, характеризовавшихъ потребности времени, она знакомилась больше всего съ вопросомъ о рабствѣ негровъ. По той страсти, съ которою, вообще, интересовались тогда этимъ общественнымъ явленіемъ, можно было предвидѣть скорый переходъ къ вопросу о рабскомъ состояніи бѣлыхъ. Олимпія де-Гужъ сама говоритъ, какъ она пришла къ мысли написать драму «Рабство негровъ»: «Изображеніе жестокостей, продѣлываемыхъ этими безсердечными работорговцами, возбудило мое состраданіе. Вызвать состраданіе общества, расположить его благопріятнымъ образомъ въ пользу этой жертвы корыстолюбія—вотъ обязанность, которую я на себя возложила». Пьеса при чтеніи была единогласно одобрена, но сочинительницѣ ея предстояло не мало затрудненій, чтобы добиться разрѣшенія на представленіе. Она была поставлена въ 1788 году, но прошла безъ успѣха. Той же участи подверглись и другія произведенія Олимпіи де-Гужъ, несмотря на одобреніе ихъ извѣстными современными писателями.

Олимпія де-Гужъ издала два романа: одинъ въ видѣ писемъ, подъ заглавіемъ «Mémoires de madame de-Valmont», другой подъ заглавіемъ «Le prince philosophe». Оба романа отличаются большою изобрѣтательностью и фантазіей, но написаны они безъ всякаго соблюденія правильности стиля и переполнены грамматическими ошибками. Въ «Le prince philosophe» она воспользовалась одной восточной легендой для защиты правъ ея

пола. Она высказывается о немъ какъ о самомъ разумномъ, но фантастическомъ и въ то же самое время наиболѣе нравственномъ романѣ когда-либо ею написанномъ.

«Несмотря на всѣ недостатки женскаго пола, я чувствую, что въ одинъ прекрасный день онъ возвысится до того, чтобы свергнуть съ себя иго постыднаго рабства. Готовится революція, которая возвыситъ умъ и души того и другого пола и оба они въ будущемъ соединятся для совмѣстной работы на общую пользу».

Литературная жизнь Олимпіи де-Гужъ была цѣпью изъ обидъ и тревоженій, съ рѣдкими проблесками признаковъ славы.

Но вотъ, передъ нею открывается болѣе широкое поле дѣятельности, о чемъ предоставимъ ей самой говорить: «Приближается время, когда національное собраніе обратитъ свое вниманіе на злоупотребленія и укажетъ людямъ на ихъ человѣческія права и достоинства. Патріотическій магнитъ притягиваетъ меня къ Версалию. Какія чудныя надежды для пылкой души гражданина! Я горю желаніемъ попасть на политическое поприще, чтобы совмѣстно осуществлять задачи народнаго блага. Я расстаюсь теперь со всѣми комитетами, цензорами, ролями, театральными пьесами, актерами и актрисами, гдѣ бы они ни находились, и всецѣло посвящаю себя работѣ на общественную пользу. Воспоминанія о всѣхъ моихъ десятилѣтнихъ мученіяхъ въ послѣдній разъ терзаютъ мое сердце».

Что же намѣревается дѣлать бѣдная женщина, потрясенная уже столькими житейскими превратностями, въ надвигающемся новомъ призракѣ борьбы? Она думала, что и женщины примутъ участіе въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, такъ какъ были торжественно провозглашены принципы равенства передъ закономъ всѣхъ, безъ всякаго различія и ограниченія. Она говорила: «Я также буду бороться своими перомъ и рѣчами». Въ то время повсюду учреждались клубы и

политическіе союзы, гдѣ обсуждались наисложнѣйшіе государственные вопросы и принимались самыя неподходящія рѣшенія. И если они и не могли быть подтверждены въ законодательномъ порядкѣ, все же пріобрѣтали въ народѣ одинаковое значеніе съ правительственными распоряженіями. Такіе политическіе союзы быстро распространились по всей Франціи, такъ что нельзя было указать на какую-либо деревню или торговое мѣстечко, гдѣ бы не возникалъ одинъ изъ нихъ. Революционная пропаганда сильно способствовала учрежденію такихъ политическихъ кружковъ во всѣхъ противоположныхъ направленіяхъ государства.

Олимпія де-Гужъ видѣла все это и возымѣла мысль основать женскіе политическіе союзы. Она же первая вступила на импровизированную ею трибуну, и ея воодушевленіе, казалось, все болѣе возрастало и увлекало другихъ: «Опасность, въ которой находится отечество, увлекаетъ меня за собой, волнуетъ все мое существо. Я провозгласила, выступила впередъ, я, слабая женщина, и своимъ голосомъ заставила обратить на себя вниманіе, вопреки всякимъ предрасудкамъ».

Слушая, какъ она говорила тамъ или въ другихъ клубахъ, и даже въ національномъ собраніи, гдѣ ея рѣчи изливались пламеннымъ потокомъ, предсказывая освобожденіе рода человѣческаго, предлагала, поддерживала и развивала свои отважные проекты, при чемъ иногда въ искусствѣ говорить могла соперничать съ великими мастерами рѣчи,—можно было подумать, что она перерождалась, давая въ себѣ мѣсто совсѣмъ иной душѣ, нежели той, которая присуща вообще слабому полу, не пытавшемуся еще принимать участіе въ великой парламентской борьбѣ. Она, по увѣренію современниковъ, поражала богатствомъ своихъ идей и силою своей рѣчи. Даже національное собраніе съ удивленіемъ слушало эту блестящую ораторшу и неоднократно приводило въ исполненіе ея практическія предложенія.

Въ древнія времена не существовало политическихъ ораторшъ, и лишь на долю французской революціи досталось это чудо.

Необъяснимое шатаніе ея мыслей съ такою же быстротой отбрасывало ее назадъ, съ какою толкало ее впередъ. По временамъ ее охватывалъ священный трепетъ передъ трономъ и она снова проявляла признаки преданности королю.

Она сама добродушно рассказываетъ, что могла бы создать превосходныя вещи, если бы въ головѣ ея не бродили подчасъ несбыточные мечты. Къ таковымъ можетъ быть причислено ея отношеніе къ Людовику XVI; то она была за него, то противъ него.

„Какую пользу приносятъ собранія? Кто тамъ ораторы? Какое впечатлѣніе производятъ они на народъ? Ему внушаютъ освобождаться отъ своихъ обязанностей, дѣлать все, что ему угодно, нищета же его возрастаетъ вмѣстѣ съ его праздностью“.

Въ другой разъ она умоляетъ о возвращеніи принцевъ, удаленіе которыхъ она считаетъ причиной смуты. Она говорила, что народу не слѣдуетъ съ раздраженіемъ обламывать вѣтви съ дерева монархіи, чтобы самому не быть сброшенному вмѣстѣ съ ними. Далѣе мы увидимъ еще, какъ часто она противорѣчитъ сама себѣ и мѣняетъ свои взгляды.

Когда Олимпію де-Гужъ увѣряли, что она могла бы имѣть больше вліянія, издавая газету, при чемъ имѣла бы хорошій денежный заработокъ, она возражала: «Что касается денегъ, то для меня это совершенно безразлично, несмотря на то, что мнѣ онѣ были бы, можетъ быть, нужны болѣе, чѣмъ кому-либо другому; если-бы я и рѣшилась издавать газету, то пользовалась бы только такою суммою, которая нужна на покрытіе расходовъ». Возбуждая вопросъ о названіи газеты, она говорила, что оно должно быть «Нетерпѣливый», единственно соотвѣтствующее характеру издательницы названіе!

Въ своей политической дѣятельности ей пришлось переносить всякаго рода обиды и огорченія, неразлучныхъ спутниковъ этого призванія. Иногда ее обвиняли въ преувеличенномъ, показномъ республиканствѣ, то находили, что она фанатическая роялистка. Нѣкоторые доходили до увѣренія, что она продала себя правительству. Это въ особенности дѣйствовало на нее оскорбительно и заставило даже воскликнуть: «Ахъ, лучшее доказательство, что я не барышничала своей дѣятельностью, это то, что я не только потеряла свой покой, свое здоровье и свои деньги, но что я должна была отказаться отъ всѣхъ своихъ сердечныхъ влеченій, что для такой страстной души, какъ моя, имѣетъ гораздо большее значеніе. Но, что же дѣлать, я хочу все перепести, такъ какъ побудительная причина для такой жертвы благородна и прекрасна!»

Въ самомъ дѣлѣ, она была весьма непостоянна и сбивчива въ своихъ взглядахъ, не имѣла никакихъ твердыхъ политическихъ убѣжденій. Тѣмъ не менѣе, она оставалась вѣрна жирондистамъ, какъ и большинство выдающихся женщинъ французской революціи. Она была дружна со многими жирондистами, боролась съ якобинцами и выражала надежду, что революція завершится безъ кровопролитія. Она всегда говорила: «За первой каплей крови послѣдуютъ цѣлые потоки ея». Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ называлъ Олимпію де-Гужъ «ангеломъ мира».

Человѣческимъ бѣдствіямъ она посвящала всю свою дѣятельность. Трогательно описывала она нищету въ домѣ призрѣнія бѣдныхъ въ Сенъ-Дени и занималась вопросомъ о причинахъ все возрастающаго народнаго обѣдненія и сопровождающаго его нищенства. Она требовала учрежденія общественныхъ вспомогательныхъ кассъ. Но скоро она нашла, что подаваніе милостыни унижительно и требовала учрежденія государственныхъ образцовыхъ мастерскихъ для безработныхъ, что и было

отчасти осуществлено. Въ своихъ «*Reflexions humaines et patriotiques*» она ярко изобразила бѣдствія народа. Брошюра всполошила дворъ и богачей, но вслѣдствіе этого весьма щедро потекли вспомоствованія ремесленникамъ. Въ свою очередь, доходъ отъ своихъ изданій она предложила въ фондъ для учрежденія государственныхъ мастерскихъ и очень гордилась успѣшнымъ осуществленіемъ своей мысли.

Олимпія де-Гужъ вовсе не желала развитія революціи въ томъ видѣ, какъ представляли ее себѣ патріоты, но ихъ конечныя цѣли были совершенно одинаковы. Она желала бы шествія по дорогѣ, усыпанной цвѣтами. Въ своей брошюрѣ «Права женщины», между прочимъ, она говоритъ: «Мущина, кто далъ тебѣ право угнетать нашъ полъ? Вглядишься, вмѣстѣ со мною, въ природу во всемъ ея объемѣ и укажи мнѣ, если ты осмѣлишься, на примѣръ самовольной власти, которую ты себѣ присваиваешь? Брось взглядъ на всю оживленную матерію, разспроси элементы, изучи растенія, испытай, прослѣди и доищись отношеній половъ въ обширномъ хозяйствѣ природы; вездѣ ты ихъ найдешь перемѣшанными, вездѣ они дѣйствуютъ въ совмѣстномъ единствѣ для созиданія произведеній искусства. Вы только-что уничтожили разныя привиллегіи, такъ уничтожьте и привиллегіи мужского пола передъ женскимъ. Народъ вступить во владѣніе своихъ правъ, негры будутъ освобождены, почему же не освободить также и женщинъ?»

„Женщина рождена свободной и по праву равна мужчинамъ. Цѣль всякаго законодательнаго сообщества есть охрана естественныхъ и неизмѣнныхъ правъ обоихъ половъ. Права эти суть: свобода, развитіе, безопасность и, въ особенности, сопротивленіе угнетенію. Законъ долженъ быть выраженіемъ всеобщей воли. Всѣ гражданки, наравнѣ со всѣми гражданами, лично или черезъ избираемыхъ ими представителей, должны принимать участіе въ его составленіи, при чемъ законъ долженъ

быть для всѣхъ одинаковымъ. Такъ какъ всѣ гражданки и граждане равны передъ закономъ, то ихъ, безъ различія пола, по сообразно съ ихъ способностями, слѣдуетъ допускать одинаково къ занятію почетныхъ должностей и мѣстъ въ общественныхъ учрежденіяхъ; кромѣ способностей и добродѣтелей ничто не должно быть принимаемо во вниманіе. Женщина имѣетъ право всходить на эшафотъ, ей должно быть предоставлено такое же право стоять и на трибунѣ. Права женщины должны служить всеобщему благу, а не только на пользу одного ея пола“.

„Женщина наравнѣ съ мужчиной платитъ государственные налоги, слѣдовательно, имѣетъ одинаковое право требовать у правительства и отчета въ нихъ. Недѣйствительна та конституція, въ созданіи которой не принимало участія большинство всѣхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ состоитъ природа. — Пробудите женъ вашихъ! — Сознательный голосъ разсудка уже раздастся повсемѣстно. Факель истины разсѣялъ облако невѣжества и гнета. Женщины, женщины! когда вы перестанете быть слѣпыми?“

„Объединяйтесь! Противопоставьте силу грубаго насилія силѣ разума и справедливости. И вы скоро увидите, что мужчины будутъ преклоняться передъ вами не какъ изнывающіе поклонники, но, гордые сознаніемъ возможности дѣлить съ вами вѣчныя права человечества, и пойдутъ съ вами рука объ руку“.

Въ іюлѣ 1789 года, Олимпія де-Гужъ была революционеркой; 6 октября, когда она увидѣла короля въ Парижѣ арестованнымъ, она сдѣлалась роялисткой, а въ іюнѣ 1791 года, подъ вліяніемъ бѣгства и вѣроломства Людовика XVI, она стала республиканкой. Затѣмъ она опять склонилась на сторону короля, когда узнала о преданіи его суду и, руководствуясь исключительно состраданіемъ, ни одной минуты не думая объ угрожающей ей опасности, написала къ президенту національ-

наго Конвента письмо въ защиту обвиняемаго, изъ котораго мы приведемъ слѣдующее мѣсто: „Какъ короля, я считаю Людовика XVI виновнымъ; но, лишенный этого уже отвергнутаго титула, онъ, въ глазахъ республики, перестаетъ быть наказуемымъ. Его предшественники переполнили чашу страданій Франціи. Вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, чаша эта лопнула въ его рукахъ и всѣ осколки посыпались на его голову. Къ этому я могла бы еще добавить, что, еслибы не испорченность двора, онъ, быть можетъ, былъ бы добродѣтельнымъ королемъ. Достаточно упомянуть, что онъ презиралъ знатныхъ, умѣлъ принуждать ихъ платить свои долги и что онъ былъ единственный изъ нашихъ тирановъ, который не имѣлъ любовницъ и велъ самый скромный образъ жизни».

„Онъ былъ слабъ, его обманывали; обманывая насъ, онъ обманывалъ самого себя, и вотъ, въ двухъ словахъ, весь его процессъ!“

Она требовала у національнаго Конвента и у самого Людовика XVI, чтобы ее допустили въ качествѣ его защитницы наравнѣ съ защитникомъ мужчиной. «Причемъ тутъ польза, когда душа требуетъ изліянія», думала она. Она требовала изгнанія, но не смерти короля. Въ заключеніе она писала: «недостаточно снять голову съ короля, чтобы умертвить его, какъ такъ и послѣ смерти своей онъ еще долго будетъ жить; но онъ, дѣйствительно, будетъ мертвымъ, если переживетъ свое паденіе».

Надъ ея политическою непослѣдовательностью много смѣялись; но она, въ своей южной запальчивости, вызывала на дуэль своихъ насмѣшниковъ.

Олимпія де-Гужъ, благодаря своимъ монархическимъ взглядамъ и нѣкоторымъ, полнымъ презрѣнія и самоувѣренности, рѣчамъ, навлекла на себя неудовольствіе нѣкоторыхъ вліятельныхъ членовъ горы. Она защищалась противъ нападокъ съ большою храбростью и до-

шла до такой безразсудной отваги, что напала даже на самого Робеспьера. Сначала она написала ему письмо, полное горькихъ упрековъ, отрицая въ немъ малѣйшую добродѣтель и дарованія и изображая приносимый имъ вредъ отечеству. Потомъ, считая это недостаточнымъ, она, въ тотъ же самый день, 5 ноября 1792 года, поручила развѣсить листки, въ которыхъ осыпала его новыми проклятіями. Она обвиняла его въ томъ, что онъ домогался умерщвленія Ролана, Петіона, Верньо и всѣхъ жирондистовъ, этихъ свѣточей республики и патриотизма, чтобы черезъ груды труповъ и по лѣстницѣ казней и коварства пробить себѣ дорогу къ высокому положенію.

„Невѣжественный и подлый заговорщикъ! Его скипетръ будетъ лилія страха передъ пыткой, а тронъ его—эшафотъ“. Въ заключеніе она бросаетъ ему вызовъ: „Назначь здѣсь день, часъ и мѣсто для дуэли; я приду туда!“

Съ этихъ поръ погибель Олимпіи де-Гужъ была рѣшена! Она сама говоритъ объ этомъ, въ посвященіи своихъ произведеній Филиппу Эгалитѣ *): „Жизнь моя въ опасности; я обращаюсь къ тебѣ, чтобы ты взялъ ее подъ свою защиту. Ты вѣдь знаешь, что я не боюсь смерти; но я хочу умереть со славой, и если мнѣ это удастся, то въ мои послѣднія минуты я послужу еще отечеству“.

Однажды она сказала: „Я знаю, что своимъ языкомъ я возстановила противъ себя двѣ партіи враговъ: глупцовъ и невѣждъ. Но пожертвовать жизнью для меня ничего не значитъ. Когда рѣчь касается спасенія отечества, то меня, слабую женщину, не затрагиваютъ никакіе другіе интересы. Никакія соображенія не заставляютъ меня отказаться отъ изданія моихъ сочиненій.“

*) Прозвище, данное во время революціи герцогу Орлеанскому, Людовику-Іосифу-Филиппу.
К. Б.

Если они предназначаютъ меня къ смерти, то я попаду въ Пантеонъ!“ Она называла женщинъ „смирненными существами, цѣлыми столѣтіями томящимися подъ игомъ мужскихъ предразсудковъ“.

Не безынтересно привести здѣсь одно приключеніе, весьма удачно характеризующее Олимпію де-Гужъ. Однажды, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, она совершала загородную прогулку. На обратномъ пути она очень устала, но не могла найти ни одной кареты; въ это время какой-то незнакомецъ съ такою любезностью предложилъ ей мѣсто въ своемъ экипажѣ, что она приняла его предложеніе. Случаю угодно было сдѣлать ее предметомъ бесѣды другихъ ея спутниковъ. Одинъ изъ нихъ утверждалъ, что очень хорошо знаетъ мадамъ де-Гужъ, и, не подозрѣвая, что она такъ близко находилась отъ него, говорилъ:

— Эта женщина старается быть очень остроумной.

И, на вопросъ, дѣйствительно ли онъ ее хорошо знаетъ, говорившій отвѣтилъ:

— Еще бы! Ея мужъ былъ рестораторомъ, и ей не хотѣлось называться его именемъ. О происхожденіи ея никому ничего неизвѣстно. А что касается ея произведеній, то въ нихъ нѣтъ ни одной ея собственной мысли. Она даже не умѣетъ читать и все дѣлаютъ за нее другіе; стараются даже поддѣлывать ея грубый стиль, чтобы возбудить больше довѣрія къ тому, что это ея работы.

— Однако,—сказала мадамъ де-Гужъ,—мнѣ самой пришлось видѣть, какъ она, въ присутствіе нѣкоторыхъ другихъ лицъ, сочиняла театральную пьесу; разъ я даже выиграла пари по этому поводу.

Любезный спутникъ не смутился отъ этого и сказалъ:

— Ахъ, милостивая государыня, пьеса была уже ранѣе готова и ее заставили только выучить ее наизусть.

Когда Олимпія де-Гужъ спросила, исполни ли онъ въ этомъ увѣренъ, онъ возразилъ, что безусловно и готовъ держать пари. Не осмѣлится же она въ его присутствіе, напримѣръ, дерзко отрицать, что это именно онъ сочинилъ для нея пьесу.

— Впрочемъ,—говорилъ онъ,—ужъ я-то ее хорошо знаю, такъ какъ принадлежу къ числу ея близкихъ поклонниковъ.

Мадамъ де-Гужъ не возражала, и только когда она подѣхала къ дому, покидая карету, сказала дерзкому хвастуну слѣдующее:

— Милостивый государь! вашу хвастливую болтовню я слушала со спокойствіемъ философа, воздержностью мушкетера и ухомъ наблюдателя; я и есть та самая женщина, Олимпія де-Гужъ, которую вы никогда не знали и узнать которую вы не въ состояніи. Совѣтую вамъ извлечь пользу изъ даннаго мною вами урока: мушкетеръ съ вашими достоинствами находить не трудно; но чтобы произвести на свѣтъ женщину, подобную мнѣ, требуются столѣтія.

Подъ гнетомъ мрачныхъ предчувствій, писала Олимпія де-Гужъ, 4 іюня 1793 года, свое „политическое завѣщаніе“, въ которомъ, между прочимъ, имѣется такое мѣсто: „О Провидѣніе! я обращаюсь къ Тебѣ, такъ какъ люди уже не въ состояніи понимать меня. Сократи дни мои. Мои глаза устали смотрѣть на людское неравенство, ихъ преступную кабалу и не могутъ выносить зрѣлища ихъ гнусности. — Если для того, чтобы привести въ исполненіе свою мечь, при этомъ великомъ проклятіи, Ты нуждаешься еще въ чистой, неоскверненной крови, то бери ее отъ женщины, бери мою кровь. Никакія сокровища міра, ни самый міръ, брошенный къ моимъ ногамъ, ни обнаженные надъ моею головою кинжалы убійць, ничто не погаситъ возгорѣшагося въ душѣ моей чувства гражданскаго самознанія“.

Отыскавъ свою дорогу, Олимпія де-Гужъ не могла уже не итти по ней. Послѣ того какъ она такъ рѣзко напала на Робеспьера и Марата, она издала новую брошюру подѣ заглавіемъ „Trois urnes, ou le salut de la Patrie“ *), которую она весьма щедро испещрила направленными противъ нихъ колкостями и рѣзкостями, и съ такимъ насмѣшливымъ остроуміемъ, на которое была только способна.

Въ этой брошюрѣ она выставляла на судъ народный слѣдующія три формы правленія: „нераздѣльное республиканское, федеративное (союзное) или монархическое“. Возбужденіе такихъ вопросовъ, одинаково легко и вѣрно, могло повлечь за собою примѣненіе первой статьи закона 29 марта, въ которой говорится: „Всякій, кто будетъ уличенъ въ изданіи сочиненія, возбуждающаго къ распущенію національнаго собранія и къ возстановленію королевской власти, или въ содѣйствіи къ печатанію такихъ сочиненій, а равно и ко всякому иному посягательству на народное управленіе, привлекается къ революціонному трибуналу и подлежитъ смертной казни“.

Болѣе трехъ мѣсяцевъ томилаь она въ одиночномъ заключеніи. 22 іюля ее допрашивали вторично, 6 августа ее доставили въ революціонный трибуналъ для секретнаго допроса судьей Ардуэномъ. Послѣ этого ее снова отвели въ военную тюрьму Аббатства. Она объявила себя больно и лишенной здѣсь всякаго ухода, вслѣдствіе чего ее перевели въ тюрьму „Petite Force“. Еще въ тюрьмѣ Аббатства она ухудшила положеніе своего судебного дѣла, продиктовавъ безстрашнымъ и рѣзкимъ языкомъ слѣдующее заявленіе: „Олимпія де-Гужъ передъ революціоннымъ трибуналомъ. — Робеспьеръ всегда мнѣ казался бездарнымъ и бездушнымъ честолюбцемъ. Я всегда считала его способнымъ пожертво-

вать всей націей, чтобы добиться диктатуры. Я не могла выносить этого безумнаго и кровожаднаго честолюбца и преслѣдовала его такъ же, какъ преслѣдовала всѣхъ тирановъ“.

Она была поражена, когда 2 ноября ее приговорили къ смерти. Приговоръ былъ объявленъ утромъ. Адвокатъ, котораго она себѣ избрала, не явился и ей пришлось самой защищаться. Эту тяжелую задачу она исполнила съ искусствомъ и замѣчательнымъ мужествомъ. Но, развѣ это помогло! Брошюра „Les trois urnes“ и написанное ею въ тюрьмѣ Аббатства заявленіе стоили ей жизни.

Послѣ объявленія приговора, она воскликнула:

— Моимъ врагамъ не придется испытать удовольствія пролить мою кровь! Я беременна и подарю республикѣ гражданина или гражданку.

Вслѣдствіе естественнаго, тяжелаго потрясенія, отъ чего не избавлены даже и самые отчаянные храбрецы, она ослабѣла и заплакала. Она вдругъ какъ-то превратилась въ немощную, дрожащую бабу, почувствовавшую страхъ передъ близостью смерти. Ей сказали, что казнь беременныхъ женщинъ отсрочивается. Она была изслѣдована врачами и повивальными бабками, но они проявили столько жестокости, что записали въ протоколъ слѣдующее: „Если бъ она дѣйствительно и была беременна, то это могло случиться такъ недавно, что такого обстоятельства нѣтъ возможности даже установить“.

Передъ своей смертью ей пришлось перенести еще одно ужасное огорченіе. Ея сынъ отвернулся отъ нея съ презрѣніемъ, отрекся отъ нея и казнь своей матери назвалъ вполнѣ заслуженной. Тотъ сынъ, котораго она такъ любила, счастье котораго было воплощеніемъ ея счастья, какъ она говорила въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Единственное мое счастье на землѣ это счастье моего сына“!

*) „Три урны или привѣтъ отечества“.

При видѣ эшафота, къ ней вернулись вся сила ея души и ея мужество. Ступая твердыми шагами по ступенямъ, она воскликнула:

— Сыны отечества, отмстите за мою смерть и сохраните память обо мнѣ!

— Да здравствуетъ республика!—орала толпа.

Единственное равенство, дѣйствительно твердо установленное революціей, было равенство передъ эшафотомъ!

Олимпія де-Гужъ, безспорно, была одною изъ способнѣйшихъ, мужественнѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ женщинъ, родившихся во Франціи. Ея жизнь, несомнѣнно, представляетъ интересный матеріалъ для изученія столь богатой событіями эпохи французской революціи, наравнѣ съ другими выдающимися личностями.

Она была непостоянна, но всегда мужественна, благородна, иногда возвышенна. Ею руководила скорѣе голова, нежели сердце. Безъ образованія, безъ твердыхъ убѣжденій, ей труднѣе было, нежели другимъ выдающимся женщинамъ ея времени, правильно угадывать обстоятельства и приспособляться къ нимъ.

Весьма вѣроятно, что она достигла бы большаго, если бы природа одарила ее болѣе спокойною душою. Возможно, что ея дарованія пріобрѣли бы лучшую оцѣнку и она сполна воспользовалась бы тѣмъ почетомъ, котораго заслуживала!

Эта мученица погибла въ неравной борьбѣ за священные права женщины.

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.

Роза Лакомбъ.

Роза Лакомбъ, по увѣренію современниковъ, была очень красива. О происхожденіи ея ничего неизвѣстно. Еще въ очень юныхъ годахъ она посвятила себя театральному поприщу и успѣла пріобрѣсти себѣ нѣкоторую извѣстность въ провинціи, когда, едва достигнувъ двадцати двухъ лѣтъ, въ 1789 году прибыла въ Парижъ, въ самый разгаръ революціоннаго движенія. Молодая искательница приключеній была поражена зрѣлищемъ настоящей драмы, не походившей ни на одну изъ тѣхъ, въ которыхъ она принимала участіе. Это была одна изъ тѣхъ драмъ, въ которой дыханіемъ народа развѣнчиваются короли, рушатся укрѣпленные замки, а привиллегіи, титулы и предрасудки обращаются въ кучи мусора. Здѣсь не было ни декорацій, никакихъ размалеванныхъ полотенъ, ни актеровъ; все происходило подъ открытымъ небомъ и каждый, кто отваживался, принималъ на себя самъ какую-либо роль! Женщины также принимали дѣятельное участіе въ этой исторической драмѣ. Время пришло, когда понадобились женщины-героини, и оно создало между такими и Розоу Лакомбъ.

10 августа 1792 года ее видѣли при осадѣ Тюильери. Въ красной фригійской шапочкѣ на головѣ, съ обнаженной саблей въ поднятой кверху правой рукѣ, она шла впереди марсельцевъ, осаждавшихъ находившійся подъ защитой швейцарской гвардіи дворецъ.

Роза Лакомбъ, шедшая впереди всѣхъ, была легко ранена и въ послѣдствіи была награждена почетнымъ въѣздомъ отъ національнаго Конвента.

И во время кровавыхъ сентябрьскихъ дней 1792 года Роза Лакомбъ принимала дѣятельное участіе. Это были ужасные дни! Голодъ истомилъ населеніе, государственная казна была разграблена, армія приведена въ безпорядокъ, а враги хозяйничали въ пограничныхъ городахъ. Лонгруа вынужденъ былъ сдаться; Суассонъ ощущалъ недостатокъ въ оружіи, и только одинъ Вердюнъ еще сопротивлялся арміямъ союзниковъ, которые направляли свой походъ противъ Парижа. Вандея подняла знамя возстанія противъ республики, а дворъ вооружилъ 30000 наемниковъ для гражданской войны. Распространялись слухи, что нападеніемъ врасплохъ намѣреваются овладѣть тюрьмами, чтобы освободить всѣхъ враговъ республики, что Парижъ подожгутъ со всѣхъ четырехъ сторонъ и что всѣ патріоты будутъ перебиты. Съ балкона ратуши развѣвалось черное знамя, въ знакъ того, что отечество находится въ опасности. Безпрерывно раздавался звонъ набатнаго колокола, призывавшаго добровольцевъ къ оружію. Народъ поднялся и спѣшилъ къ границамъ; и эти-то солдаты, въ деревянныхъ башмакахъ, отбросили назадъ соединенныя арміи великихъ государствъ Европы!

На слѣдующій затѣмъ годъ Роза Лакомбъ основала „Общество республиканокъ и революціонерокъ“, которыя собирались въ домахъ для склада костей. Въ одномъ памфлетѣ „Дорогу женщинамъ!“, дамы эти осмѣивались за свое желаніе вмѣшиваться въ политику; но, именно точно такъ же, какъ и другая такая же воительница, Олимпія де-Гужъ, Роза Лакомбъ повела безпощадную борьбу за права женщинъ.

26 августа 1793 года она выступила во главѣ депутаціи „революціонныхъ республиканокъ“ передъ національнымъ Конвентомъ, чтобы обвинять состоящихъ на

службѣ дворянъ и не пользующихся довѣріемъ чиновниковъ. Вотъ часть ея рѣчи: „Въ справедливомъ негодованіи противъ безчисленныхъ служебныхъ злоупотребленій, которыя происходятъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и, въ особенности, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, мы явились требовать отъ васъ строгости и точнаго примѣненія законовъ. Докажите, что вы дѣйствительно желаете спасти отечество и устраните отъ должностей всѣхъ дворянъ. Недостаточно дать народу законы; нужно, чтобы онъ былъ увѣренъ и въ благотворномъ ихъ дѣйстви. Онъ съ негодованіемъ видитъ, какъ эти люди питаются его кровью въ то время, когда самъ онъ погибаетъ отъ нищеты“.

Нужна была большая отвага для женщины, рѣшившейся давать поученія этому ужасному національному Конвенту, наводившему страхъ на всю страну, и обвинять его въ медлительности и снисходительности.

Хотя Конвентъ, равнодушно относясь къ ея рѣчи, и перешелъ къ очереднымъ дѣламъ, но все же ее выслушали до конца.

Такимъ образомъ, несмотря на талантъ и настойчивость, съ которыми она защищала дѣло женскаго клуба, ея попытка не имѣла никакого успѣха. Такъ же неуспѣшна была и другая ея попытка, когда она, въ интересахъ человѣколюбія, отправилась къ Базиру съ требованіемъ не томить людей продолжительнымъ заключеніемъ въ тюрьмахъ; будь это во время революціи или внѣ ея, они должны быть допрашиваемы не позднѣе истеченія двадцати-четырехъ часовъ, при чемъ немедленно же освобождаемы, если они невиновны, или отправляемы на гильотину, если они виновны.

По поводу ея требованій стали доискиваться побудительной причины, не довѣряя ихъ безпристрастности. Полагали, что здѣсь замѣшаны ея сокровенныя сердечныя дѣла и что возбуждаемый ею интересъ къ заключеннымъ касается, главнымъ образомъ, одного изъ нихъ.

По странному стеченію обстоятельствъ, эта пламенная республиканка, смертельный врагъ дворянства, была, дѣйствительно, влюблена въ одного дворянина, племянника бывшаго тулузскаго бургомистра, по имени Рей, который сидѣлъ въ тюрьмѣ благодаря реакціонному направленію своихъ мыслей. Она хотѣла склонить Базира и Шабо къ освобожденію Рея, но получила самый рѣшительный отказъ въ своихъ домогательствахъ. Шабо даже выразился такимъ образомъ въ національномъ Конвентѣ: „Слѣдовало бы женскіе клубы очистить отъ подобныхъ интриганокъ“.

Національный Конвентъ сдѣлалъ соотвѣтствующее внушеніе „революціоннымъ гражданкамъ“, и объявилъ Розѣ Лакомбъ, что она будетъ привлечена къ суду; хотя послѣ ее и не преслѣдовали, тѣмъ не менѣе ей не удалось спасти своего возлюбленнаго, который и умеръ на гильотинѣ.

28 брюмера 1793 года, она склонила толпу женщинъ ворваться съ нею въ засѣданіе коммуны. При ея появленіи поднялся страшный шумъ и ее пригласили къ порядку.

Генераль-прокураторъ Шометтъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Я требую занесенія въ протоколъ только-что слышаннаго нами ропота въ болѣе точныхъ выраженіяхъ, для поддержанія добрыхъ нравовъ и укрѣпленія республики. Какъ! недостойныя твари хотятъ преступить и нарушить законы природы, хотятъ вторгнуться въ мѣста, довѣренныя надзору гражданъ, и эти зоркіе стражи не должны выполнить своихъ обязанностей? Граждане, здѣсь вы совершаете великій подвигъ ума. Доступъ въ это закрытое помѣщеніе, въ которомъ совѣщаются городскіе совѣтники народа, долженъ быть запрещенъ всѣмъ тѣмъ, кто оскорбляетъ націю.

— Нѣтъ, — воскликнулъ одинъ изъ членовъ совѣта, — законъ разрѣшаетъ имъ входъ.

— Тогда пусть будетъ прочитанъ законъ, — возразилъ Шометтъ. — Законъ предписываетъ намъ уважать права и заставлять другихъ ихъ уважать; здѣсь же я вижу ихъ нарушенными. Съ какихъ это поръ женщинамъ предоставлено отречься отъ ихъ пола и изображать изъ себя мужчинъ? Съ какихъ это поръ вошло въ обычай, чтобы женщины отвлекались отъ своихъ скромныхъ занятій домашнимъ хозяйствомъ, отъ колыбелей своихъ дѣтей и выступать въ общественныхъ мѣстахъ, на трибунахъ, въ судѣ, держать рѣчи, вторгаться въ ряды арміи, заниматься дѣлами, которыя до настоящаго времени были свойственны только мужчинамъ?.. Тогда кому же эта разсѣянная мать поручила исполненіе домашнихъ обязанностей? Мы, что ли, должны заниматься этимъ?.. Нѣтъ, природа сказала мужчинамъ: „Будь мужчиной; охота, хлѣбопашество, политика, всякаго рода напряженія — твоя доля“. Женщинѣ она сказала: „Будь женщиной“. Заботливость, въ которой нуждаются дѣти, домашнія работы, сладкія материнскія обязанности, вотъ твой долгъ. Но эти обязанности заслуживаютъ особаго вознагражденія; пусть будетъ такъ! Ты должна его имѣть и будешь богиней домашнего очага, господствовать надъ всѣмъ, что тебя окружаетъ съ непреодолимымъ очарованіемъ красоты, прелести и добродѣтели! Неразумныя женщины, вы, которыя хотите быть мужчинами! Развѣ при дѣлежѣ васъ сильно обсчитали? Чего вамъ еще нужно?

Шометтъ закончилъ свою рѣчь предложеніемъ не допускать болѣе женщинъ въ генеральный совѣтъ коммуны, и это предложеніе было принято громаднымъ большинствомъ.

Не проходило дня, чтобы Роза Лакомбъ не подстрекала своихъ союзницъ къ собраніямъ, или въ Палей-Роялѣ или въ домѣ для склада костей. Одно изъ этихъ собраній было столь многочисленно, бурно и дико, что возбудило вниманіе комитета общественнаго благосо-

стоянія. Въ Конвентѣ по этому поводу Амаръ сказалъ слѣдующее:

— Мнѣ приходится довести до вашего свѣдѣнія объ одномъ сборищѣ, въ которомъ принимало участіе свыше 6000 женщинъ, такъ - называемыхъ якобинокъ мнимо революціоннаго сообщества. Должны ли вообще женщины пользоваться политическими правами и вмѣшиваться въ дѣла правленія? Политическія права гражданъ заключаются въ томъ, чтобы посредствомъ обдуманнахъ рѣшеній защищать интересы государства и бороться съ тиранніей. Имѣютъ ли женщины достаточно нравственныхъ и физическихъ силъ, требуемыхъ для выполнения той и другой обязанностей? Общее мнѣніе не допускаетъ такой мысли. Должны ли женщины объединяться въ политическіе союзы? Могутъ ли женщины посвящать себя всѣмъ связаннымъ съ этимъ полезнымъ и, въ то же время, чрезвычайно труднымъ задачамъ? Положительно нѣтъ, вслѣдствіе недостаточности ихъ физическихъ силъ и строенія ихъ тѣла для другого назначенія. Безъ сомнѣнія, необходимо, чтобы онѣ познали основы свободы и научили своихъ дѣтей любить ихъ. Онѣ могутъ присутствовать на совѣщаніяхъ партій и вслушиваться въ пренія на народныхъ собраніяхъ; но должны ли онѣ, созданныя для смягченія нравовъ мужчинъ, принимать участіе въ этихъ преніяхъ, страстность которыхъ такъ несогласна съ нѣжностью и воздержностью, отличающими прелесть женскаго пола?

Единственный членъ Конвента выступилъ съ рѣчью въ пользу женщинъ; это былъ депутатъ Шарлье.

— Слѣдовало бы объявить, — сказалъ онъ, — какъ это было сдѣлано на одномъ вселенскомъ соборѣ, что женщины не составляютъ части рода человѣческаго; иначе не слѣдуетъ отнимать у нихъ этого общаго всякому мыслящему существу его права.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь, Базиръ высказалъ свое заключительное предложеніе.

— Правительство, — говорилъ онъ, — признаетъ себя революціонною властью и всегда можетъ принять мѣры, клонящіяся къ общественному благу. Изъ опасенія злоупотребленій, вы на одинъ моментъ скрыли тѣ принципы, которые могли бы привести насъ къ контрреволюціи. Такимъ образомъ, остается рѣшить только одинъ вопросъ: опасны ли вообще женскіе союзы? Опытъ послѣднихъ дней показалъ, что они вредны для общественнаго спокойствія. Разъ это будетъ установлено, то не можетъ быть болѣе и рѣчи о принципахъ. Принимая во вниманіе революцію и общественную опасность, я требую, чтобы эти союзы, по крайней мѣрѣ на время революціи, были запрещены.

Состоялось постановленіе закрыть всѣ женскіе союзы. Роза Лакомбъ склоняла разныя общественныя собранія къ возбужденію вопроса объ опротестованіи этого постановленія, что повело, однако, не только къ закрытію союзовъ, но и къ недопущенію даже самыхъ незначительныхъ женскихъ сходокъ.

Въ самыя опасныя времена женщины выказывали непреклонное мужество. Даже тамъ, гдѣ отступали мужчины, онѣ мужественно жертвовали своею жизнью. Гдѣ требовалось проявить энергію и самопожертвованіе, тамъ женщины проливали свою кровь, не щадили своего имущества, все отдавали ради общественнаго блага; терпѣли нужду и голодъ, не боясь ни тюрьмы, ни эшафота. Все это было забыто. Не видя и въ дальнѣйшемъ нужды въ женской помощи, ихъ просто оттолкнули, и хотѣли, чтобы онѣ попрежнему продолжали оставаться въ своемъ многовѣковомъ рабствѣ!

Роль Розы Лакомбъ была сыграна.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ галлерей Люксембургскаго дворца, можно было видѣть маленькую, подвижную женщину, усердно выхваливавшую передъ прохожими прохладительныя напитки изъ своего небольшого погребка. Кто могъ бы узнать въ этой продавщицѣ

нѣкогда столь прославившуюся Розу Лакомбъ, гордую предводительницу революціонныхъ амазонокъ, вдохновенную актрису, героическую вонительницу за права женщинъ?

Но ей суждено было пасть еще ниже! При Директоріи она была изгнана изъ своей маленькой лавочки, и, послѣ короткой, полной опасностей и приключеній, жизни, эта бывшая предсѣдательница женскаго клуба умерла всѣми забытая, въ полной неизвѣстности, въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ того великаго Парижа, въ которомъ нѣкогда она играла столь значительную роль!

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

[Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.](#)

Мадамъ Букэ.

Это было послѣ паденія жирондистовъ. Выдающіеся ораторы, мечтавшіе о возрожденіи республики временъ Платона, были побѣждены энергіей якобинцевъ. Ихъ талантъ не въ состояніи былъ спасти ихъ. Ихъ объявили измѣнниками отечеству и, въ то же время, лишили покровительства законовъ. 7 октября 1793 года умеръ на гильотинѣ Горзасъ; 31 октября привели въ исполненіе приговоръ надъ двадцатью-двумя, а въ декабрѣ надъ восемью другими, въ Парижѣ. Въ то же время были обезглавлены: пять въ Бордо, два въ Бривѣ, одинъ въ Периго и одинъ въ Рошфорѣ. Валазе закололъ себя кинжаломъ передъ лицомъ революціоннаго трибунала, во время произнесенія смертнаго приговора, а Ребекки покончили свою жизнь въ водахъ Марсея.

Одни погибли на эшафотѣ, другіе прибѣгли къ самоубійству, а оставшіеся въ живыхъ бѣжали въ Бретань и равнины Дордоньи. Но приговоръ Конвента преслѣдовалъ ихъ повсюду, гналъ ихъ изъ города въ городъ, не давая имъ возможности найти для себя какого-либо убѣжища отъ угрожавшей имъ смерти, или хотя бы самаго незначительнаго пристанища для отдыха. Законъ 23 вантоза II года (13 марта 1794 года) установилъ смертную казнь для всѣхъ тѣхъ, кто у себя или у другихъ лицъ, пріютитъ объявленныхъ

лишенными покровительства законовъ. Ихъ травили какъ дикихъ звѣрей, никто не осмѣливался предоставить имъ убѣжища. Гюадэ принужденъ былъ бѣжать изъ дома отца своего въ Сентъ-Эмилионъ и, вмѣстѣ съ Саллемъ, снова продолжать бродяжническую жизнь, скрываясь въ хлѣбныхъ поляхъ и кустарникахъ! Бѣглецы распространяли вокругъ себя страхъ и ужасъ: боялись „зараженія смертной казнью“ и сношеній съ эшафотомъ. Терявшіе свои силы, изнемогавшіе отъ усталости и лишеній, отчаявшіеся и блуждающіе, преслѣдуемые неотразимымъ призракомъ опасности, они уже готовы были пасть духомъ и искать смерти, когда вдругъ они обрѣли спасеніе въ лицѣ одной женщины ангельской доброты.

Наслышавшись о ихъ невозможныхъ страданіяхъ и опасностяхъ, мадамъ Букэ немедленно же покидаетъ Парижъ и спѣшитъ къ нимъ на помощь. Тереза Дюпейра была дочерью одного бордосскаго гражданина и въ молодыхъ годахъ вышла замужъ за прокуратора въ Сентъ-Эмилионъ, Роберта Букэ, сестра же ея была женою жирондиста Гюадэ.

Она спокойно жила въ своемъ уютномъ домѣ въ Парижѣ, вдали отъ волненій политической жизни; ничто не влекло ее къ бурному потоку революціи. Если бъ ея поступокъ не обратилъ на себя вниманія, то жертва ея была бы забыта и она умерла бы въ неизвѣстности. Двѣ женщины уже предшествовали ей въ гибели изъ-за жиронды: Шарлотта Кордэ и мадамъ Роланъ; но онѣ умирали при полномъ блескѣ дня, въ пылу борьбы, опьяненные славой. Роль мадамъ Букэ была скромнѣе; свою добродѣтель она должна была скрывать и отдаваться лишь внушеніямъ своего сердца.

Это была молодая женщина, съ лицомъ, болѣе пріятнымъ, нежели красивымъ; увидѣвъ его однажды, оно уже съ трудомъ изглаживалось изъ памяти. Ея темные глаза свѣтились умомъ и добротой.

Вотъ какъ изображалъ Барбару мадамъ Букэ: „Прелестная женщина! Черты ея нѣжнаго кроткаго лица отражали чувствительное сердце; пламя души ея свѣтило въ темнотѣ ночи изгнанникамъ, вздохи умиленія и благодарности которыхъ возносились къ этому ангелу любви къ ближнему и милосердія; ея заботливая рука снабжала нуждающихся всѣмъ необходимымъ, а героизмъ ея былъ единственнымъ оплотомъ несчастныхъ передъ эшафотомъ. Сентъ-Бри, господинъ Букэ и Гюадэ также жертвовали собою; поступки ихъ превыше всякой похвалы, такъ какъ они подвергали опасности собственную жизнь. Но мадамъ Букэ жертвовала собою такъ, какъ могутъ жертвовать только женщины, съ нѣжностью искренно любящихъ и съ самоотверженіемъ матери“.

Въ то время какъ бѣглецы повсюду встрѣчали только безчеловѣчныхъ, эгоистичныхъ, трусливыхъ мужчинъ, эта великодушная, безстрашная женщина, въ своемъ простомъ дачномъ домѣ, пріютила Гюадэ и Салля. Когда Лувэ, Барбару и Валадэ предостерегали ее объ опасности ея положенія, она велѣла передать имъ: „пусть и они всѣ трое приходятъ сюда“. Нѣсколько же дней спустя она пріютила Петіона и Бюзю, которые въ теченіе послѣднихъ четырнадцати дней семь разъ вынуждены были мѣнять свои убѣжища. И всѣ семеро были помѣщены ею въ заброшенномъ, въ видѣ грота, колодцѣ, который впослѣдствіи получилъ названіе „колодца жирондистовъ“ и по настоящее время показывается посѣтителемъ Сентъ-Эмилиона.

Таковы были убѣжища преслѣдовавшихся жирондистовъ. По ночамъ мадамъ Букэ приносила имъ овощи изъ огорода, бобы изъ свѣтелки, фрукты и вино изъ своихъ запасовъ въ погребѣ; но хлѣбъ она могла давать имъ въ очень ограниченномъ количествѣ, чтобы не возбуждать подозрѣній, такъ какъ въ это смутное время подвозъ съѣстныхъ припасовъ былъ весьма за-

труднителенъ и каждый могъ покупать ихъ въ самыхъ скудныхъ размѣрахъ. Прошелъ мѣсяць съ тѣхъ поръ какъ эти бѣглецы, движимые чувствомъ глубокой благодарности къ благородному состраданію въ этомъ тихомъ убѣжищѣ, опасаясь всевозможныхъ слуховъ, изобразили передъ своею благодѣтельницею тотъ громадный рискъ, которому она себя подвергала.

— Развѣ я недостаточно жила, что спасла васъ?— отвѣтила имъ эта достойная удивленія женщина:—развѣ счастье утѣшать несчастныхъ недостаточно велико, чтобы стать равнодушной къ опасностямъ, которыя отсюда протекаютъ? И развѣ можно не завидовать смерти тѣхъ, кто при жизни творилъ только добрыя дѣла, насколько былъ въ состояніи?

Рѣдко удавались благопріятные моменты, когда узники могли выйти изъ своего душнаго помѣщенія, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Они находились тамъ съ начала октября до 12 ноября 1793 года, когда слухи о непрекращавшемся преслѣдованіи ихъ и обыскахъ въ домахъ заставили ихъ покинуть свой пріютъ. Еще шестого октября, по приказу Талльена, въ домъ былъ произведенъ тщательный обыскъ, а шесть дней послѣ освобожденія, на колодець были натравлены сыщики, узнавшіе о его существованіи отъ какого-то предателя.

Такимъ образомъ, семеро бѣглецовъ подвергались новой опасности; но мадамъ Букэ не покинула этихъ жертвъ террора, съ опасностью собственной жизни твердо рѣшившая спасти ихъ. Имъ пришлось разстаться, такъ какъ всѣмъ семерымъ вмѣстѣ не представлялось возможнымъ найти безопаснаго убѣжища. Валадэ бѣжалъ въ Периго, гдѣ его вскорѣ отыскивали и гильотинировали. Лувэ удалось добраться до Парижа, гдѣ онъ скрывался до 9 термидора, когда онъ опять появился въ Конвентѣ и сдѣлался членомъ Совѣта Пяти. Троймъ изъ бѣглецовъ мадамъ Букэ отыскала новое убѣжище, въ мансардѣ у парикмахера Фрокара.

Подъ этой, не впускавшей подозрѣній, кровлей, съ первыхъ чиселъ января по 18 іюня 1794 года, проживали: краснорѣчивый, съ пылкою душою, мужественный Барбару, затѣмъ, бывший бургомистръ Парижа, Петіонъ, и депутатъ изъ Эвре, Бюзю, энергично провозгласившій, 6 августа, имущества французскаго духовенства національною собственностью!

Во все время этого томительнаго существованія, мадамъ Букэ была единственною ихъ утѣшительницею она доставляла для нихъ одежду и пищу, которую сама и приготовляла тайкомъ, добывала для нихъ книги и бумагу и нерѣдко украшала цвѣтами ихъ мрачное жилище.

Чтобы сократить долгіе часы одиночества, Петіонъ и Бюзю писали свое политическое завѣщаніе, чтобы, какъ они говорили, „передъ окончаніемъ дней своихъ, оставить въ назиданіе согражданамъ и потомству объясненіе своихъ чувствованій и побудительныхъ причинъ своихъ дѣйствій“.

Барбару также писалъ свои мемуары. Довѣряя свои послѣднія сочиненія мадамъ Букэ, они сказали: „Будьте хранительницей самыхъ цѣнныхъ нашихъ документовъ, стражемъ нашей чести!“ Она добыла для нихъ паспорта, чтобы они могли бѣжать въ Швейцарію, но имъ не хотѣлось покидать Франціи, въ надеждѣ на скорое освобожденіе по минованіи террора. Барбару говорилъ: „Душа моя принадлежитъ свободному человѣку; вотъ уже четыре года какъ она пылаетъ ненавистью къ тиранніи. Я освобожу Францію отъ этого бича, или умру!“ Но именно, послѣднее суждено было ему, какъ равно Гюадэ и Саллю, нѣкоторое время скрывавшимся у отпа Гюадэ, бургомистра Сентъ-Эмилиона. Оба скрывались на чердакѣ, гдѣ они не могли даже становиться прямо. Все время въ сидячемъ положеніи, въ темнотѣ, безъ отопленія зимою и безъ свѣжаго воздуха лѣтомъ, они должны были провести тамъ восемь томительныхъ мѣ-

сяцевъ, съ ноября 1793 г. по іюнь 1794 года. Гюадэ часто прислушивался къ голосамъ своихъ дѣтей, игравшихъ на дворѣ подъ липами, но онъ не осмѣливался показываться имъ, изъ опасенія, что ихъ болтливость можетъ предать его!

Каждый вечеръ имъ тайкомъ доставляли пищу и письменныя принадлежности. Въ этой темной норѣ, куда проникало немного свѣта сквозь щели въ черепичатой крышѣ, Салль написалъ свою трагедію „Шарлотта Кордэ“ и свой сатирическій рассказъ „Вступленіе Данта въ адъ“, а бѣдный Гюадэ, вслѣдствіе слабости своего зрѣнія, не могъ написать ни своихъ мемуаровъ, ни своего завѣщанія.

Только благодаря изумительной ловкости мадамъ Букэ явилась возможность поддерживать правильныя сношенія между двумя убѣжищами бѣглецовъ; она опять связала съ жизнью эти обреченныя на смерть жертвы и ея женское самоотверженіе служило для нихъ единственной преградой, отдѣлявшей ихъ отъ эшафота. Бюзо однажды воскликнулъ: „О женщины, женщины! горе тому, кто не умѣетъ цѣнить васъ!“ Въ послѣднемъ несчастія для него оставались утѣшенія лишь въ дружбѣ мадамъ Букэ и въ воспоминаніяхъ о мадамъ Роланъ. Но самопожертвованіе этой единственной теперь подруги не могло все таки спасти его! Напрасно бѣглецы сопротивлялись всякимъ опасностямъ. Они были обнаружены всего за двѣ недѣли до 9 термидора (27 іюля 1794 г.), т.-е. дня паденія Робеспьера и, слѣдовательно, того момента, который сполна могъ бы имъ возвратить свободу и счастье!

17 іюня 1794 года передъ домомъ отца Гюадэ остановились два батальона пѣхоты и одинъ эскадронъ гусаръ. 5000 пѣхотинцевъ, въ сопровожденіи ловкихъ сыщиковъ, были посланы изъ Либуерна въ Сентъ-Эмиліонъ для обыска всѣхъ угловъ и закоулковъ и ареста попавшихъ въ списки осужденныхъ, которыхъ считали скры-

вавшимися именно здѣсь. Послѣ долгихъ поисковъ ихъ убѣжище было открыто, и въ моментъ, когда Гюадэ и Салль намѣревались уже лишить себя жизни, ихъ обезоружили и заковали въ кандалы. Арестовали также отца Гюадэ, семидесятилѣтняго старика, и двухъ служанокъ его. Затѣмъ пойманъ былъ братъ Гюадэ и гильотинированъ.

Оцѣпили домъ мадамъ Букэ. Ея виновность была обнаружена изъ писемъ ея къ Гюадэ и Саллю, которыхъ были найдены въ убѣжищѣ обоихъ несчастливцевъ. Она была арестована со всѣми окружавшими ее: ея мужемъ Робертомъ Букэ и ея отцомъ Франсуа Ксавье Дюпейра, гостившимъ у нея не болѣе четырехъ дней.

Всѣхъ этихъ арестованныхъ посадили на открытыя дроги, которыя медленно двигались съ высотъ Сентъ-Эмиліона въ равнину Либуерна. До тѣхъ поръ, пока это было возможно, бѣдная мадамъ Букэ обращала свои взоры на старые валы и развалины замка, поблизости отъ простого домика парикмахера Фрокара, гдѣ скрывались ея послѣдніе друзья. Удастся ли имъ выпутаться изъ тенетъ ихъ преслѣдователей, или они также падутъ жертвой ихъ ненасытной злобы? Она ужасно страдала отъ того, что не была единственной жертвой своего самоотверженія, но повлекла еще за собой и другихъ близкихъ ей людей.

На слѣдующее затѣмъ утро ихъ отправили въ Бордо, гдѣ Гюадэ и Салль были уже, 19 іюня, осуждены и казнены, при чемъ Гюадэ не разрѣшили даже проститься съ женой и дѣтьми, слѣдовавшими за ними отъ этапа къ этапу. Осужденные умерли съ гордостью, полные презрѣнія къ своимъ преслѣдователямъ, и не смущаясь ни громомъ отъ пушекъ, ни многократно раздававшимся криками: „Да здравствуетъ республика!“ Въ тюрьмѣ узнала мадамъ Букэ о страданіяхъ бѣглецовъ. Ей сообщили о бѣгствѣ Барбару, Бюзо и Петіона, и о томъ, будто шкатулка, содержавшая въ себѣ драгоцен-

ныя рукописи бѣглецовъ и спрятанная въ ея домѣ, также найдена. Арестовали бѣднаго добраго парикмахера Фрокара и допрошена служанка мадамъ Букэ. Слѣдственный судья Орэ сказалъ ей слѣдующее:

— Дитя мое, для чего хранить тебѣ еще молчаніе, когда ты уже свободна отъ своихъ господъ. Признавайся во всемъ, назови лицъ, которыхъ они принимали у себя и знали ихъ тайны. Если ты будешь откровенна, я подарю тебѣ жизнь, если же нѣтъ, то ты будешь гильотинирована.

— Распожайтесь моею жизнью, какъ вамъ заблагоразсудится,—съ твердостью отвѣтила дѣвушка;—но вы ничего отъ меня не узнаете, такъ какъ я сама ничего объ этомъ не знаю!

— Но ты должна же знать, гдѣ госпожа твоя хранила свои бумаги?—продолжалъ допросъ этотъ искатель.

Дѣвушка подумала, что не сдѣлаетъ ничего дурного, если скажетъ, что мадамъ Букэ, передъ своимъ арестомъ, бросила шкатулку въ отхожее мѣсто. Благодаря такой находчивости, эти весьма интересныя рукописи сохранились до настоящаго времени.

Всѣ надежды мадамъ Букэ рушились и страхъ передъ смертью терзалъ ея сердце. Всего только за семь дней до паденія Робеспьера, мадамъ Букэ, въ сопровожденіи громадной толпы, была доставлена въ военный судъ, въ Бордо. Процессъ тянулся недолго; всѣмъ былъ объявленъ смертный приговоръ. Смертная казнь отцу Гюадэ за то, что онъ предоставилъ въ своемъ домѣ пріютъ сыну, какъ равно и сестрѣ старика и его второму сыну за то же самое. Смертная казнь мадамъ Букэ, ея мужу и старику отцу. Еще при допросѣ мадамъ Букэ воскликнула:

— Вы, опьяненные кровью чудовища! если человѣколюбіе, по вашему, является въ кровной связи съ преступленіемъ, то всѣ мы заслуживаемъ смерти.

Къ мѣсту казни всѣ шли съ невозмутимымъ спокойствіемъ и гордостью. Мадамъ Букэ съ непоколебимою твердостью вступила на эшафотъ, послѣ того какъ палачъ предоставилъ ей печальное преимущество пережить своихъ, „чтобы избавить мужа отъ грустнаго зрѣлища пролитой крови своей жены“.

Такъ умерла эта мужественная женщина, сраженная вмѣстѣ со своими родными, пожертвовавшая собою для своихъ друзей, но не спасшая никого изъ нихъ.

Три бѣглеца, скрывавшіеся на чердакѣ дома Фрокара, узнавъ объ арестѣ мадамъ Букэ, семейства Гюадэ и Салля, немедленно же покинули свое убѣжище и направились въ равнину Кастильона. Передъ своимъ бѣгствомъ они написали: „Послѣ того какъ свобода безвозвратно потеряна, основы нравственности попораны, мы рѣшили сами лишить себя жизни, чтобы не быть свидѣтелями порабощенія, которое повергнетъ наше дорогое отечество въ ужасное несчастье“.

Когда они, 18 іюня 1794 года, расположились для отдыха на одной нивѣ, близъ Сентъ-Маня, на нихъ набрелъ неожиданно небольшой отрядъ войска. Бюзо и Петіонъ спаслись бѣгствомъ въ ближайшій сосновый лѣсъ, Барбару пытался застрѣлится. Тяжело раненный, онъ долженъ былъ нѣсколько часовъ подрядъ провести подъ палящими лучами солнца, такъ какъ никто не смѣлъ отозваться на его стоны и гостепріимно открыть для него двери, чтобы облегчить его страданія и перевязать рану. Затѣмъ, положивъ на рану какую-то повязку, его отнесли на корабль и отправили въ Кастильонъ, а черезъ три дня въ Бордо. Тамъ его быстро допросили, осудили и казнили, несмотря на то, что онъ и безъ того уже былъ весьма близокъ отъ смерти. Опасались, что добыча ускользнетъ отъ карательныхъ рукъ представителей закона.

Таковъ былъ конецъ этого блестящаго оратора, умершаго двадцати семи лѣтъ отъ роду.

На слѣдующій день были найдены въ лѣсу трупы Бюзо и Петіона. До послѣдняго издыханія они хотѣли оставаться свободными, но такъ какъ это становилось уже почти невозможнымъ, то добровольно рѣшили покончить свое существованіе.

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

[Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.](#)

Мадамъ Талльенъ.

При этомъ имени пробуждаются всѣ представленія о красотѣ, какую только въ состояніи создать фантазія для очаровательныхъ женщинъ. Тереза была дочерью графа Кабаррю и прекрасной Галаберъ и родилась въ Испаніи.

Молодой дѣвушкой она прибыла во Францію и ввезла съ собою тотъ размахъ страстей, который не-свойственъ въ такомъ размѣрѣ обитателямъ этой страны.

Ея отецъ пользовался большимъ расположеніемъ при дворѣ Карла III Испанскаго и могъ составить себѣ хорошее состояніе, такъ какъ считался способнѣйшимъ финансистомъ королевства.

Женившись на прекрасной Галаберъ, графъ Кабаррю неоднократно посѣщалъ Парижъ, отчасти для собственнаго удовольствія, отчасти по дѣламъ. Въ послѣдній пріѣздъ свой въ Парижъ, съ Терезой Кабаррю, которой тогда исполнилось шестнадцать лѣтъ, познакомился господинъ Девэнъ, маркизъ де-Фонтеней. Пораженный ея замѣчательной красотой, онъ просилъ ея руки, въ чемъ ему не было отказано.

Въ короткое время она сдѣлалась украшеніемъ самаго избраннаго парижскаго общества. Въ своемъ салонѣ она принимала Лафайета, братьевъ Ламетъ, Фа-віера и многихъ другихъ.

Но брак Терезы не былъ счастливымъ. Маркизь де-Фонтеней спустилъ почти все ея приданое. Когда наступило время, неблагоприятное для французской знати, онъ, разведясь по обоюдному, какъ говорили, согласію съ женой, вмѣстѣ съ другими титулованными лицами эмигрировалъ изъ Франціи.

Она совершенно не была расположена раздѣлять аристократическіе взгляды маркизы. Въ своей юношеской страсти, Тереза быстро увлекалась всѣмъ, что вдохновляло мысль. Ее заинтересовало народное движеніе, развившееся съ внезапною силой. Скоро ея вниманіе было поглощено только гражданской добродѣтелью, проявленіемъ патріотизма, вызваннаго республиканскимъ духомъ, вѣнками изъ дубовыхъ листьевъ, которыми вознаграждали оказавшихъ отечеству услуги, надгробными надписями въ ознаменованіе братской любви къ ближнему и пренебреженіемъ личными интересами ради общаго блага.

Здѣсь мы приведемъ выдержку изъ замѣчательнаго адреса маркизы де-Фонтеней, отъ 5 флореаля II года, представленнаго ею Конвенту: „Граждане, народные представители! такъ какъ нравственность составляетъ главный предметъ обсужденія на вашихъ великихъ совѣщаніяхъ, при чемъ каждая изъ партій, которую вы низвергаете, съ новой силой возвращаетъ васъ къ убѣжденію въ той неоспоримой истинѣ, что добродѣтель является внутреннимъ содержаніемъ жизни республики и что добрые нравы должны поддерживать все добытое народными учрежденіями, то не вправѣ-ли мы думать, что ваши взоры съ живымъ интересомъ остановятся на той части рода человѣческаго, которая имѣетъ на нихъ столь значительное вліяніе? Горе женщинамъ, которыя, пренебрегая указаннымъ имъ самою природою прекраснымъ назначеніемъ, будутъ притворяться безсмысленнымъ желаніемъ присвоить себѣ преимущества мужчинъ, чтобы освободить себя отъ собственныхъ сво-

ихъ обязанностей и тѣмъ самымъ лишиться добродѣтелей своего пола, не будучи въ состояніи пріобрѣсти добродѣтели другой половины рода человѣческаго“.

„Но, не будетъ ли несчастьемъ, когда имъ, во имя природы, станутъ препятствовать пользоваться тѣми политическими правами, которыя создаютъ важныя рѣшенія и устройства общественной жизни, если во всѣхъ значительныхъ вопросахъ онѣ сознательно будутъ считать себя посторонними“?

„Въ республикѣ, конечно, все должно быть республиканскимъ, и никакое существо съ здравымъ разсудкомъ не можетъ, не навлекая на себя позора, уклоняться отъ служенія отечеству. Вы, вѣроятно, предоставите женщинамъ мѣста въ учрежденіяхъ для народнаго образованія, такъ какъ не можете же вы допустить, что онѣ будутъ равнодушны, когда рѣчь коснется воспитанія дѣтей, и, въ особенности, дѣтей, лишившихся матерей“?

„Но, что это такое, что заставляетъ меня съ такимъ особеннымъ довѣріемъ выступить передъ вами сегодня? Я требую почетнаго преимущества для женщинъ, допустить ихъ во всѣ священныя убѣжища несчастья и страданій, чтобы тамъ онѣ могли доставлять и утѣшеніе всѣмъ достойнымъ состраданія. Мнѣ представляется, что эти учрежденія являются настоящими мѣстами для дѣвушекъ, въ періодъ ихъ образованія, прежде чѣмъ онѣ станутъ женами. Итакъ, народные представители, прикажите, мы уполномочиваемъ васъ, чтобы всѣ молодыя дѣвушки извѣстное время проводили въ убѣжищахъ бѣдствій и страданій, оказывая помощь несчастнымъ и упражняясь во всѣхъ иныхъ добродѣтеляхъ, которыхъ общество имѣетъ право ожидать отъ нихъ“.

„Граждане, народные представители, та, которая въ настоящій моментъ излагаетъ передъ вами свои мысли, свои искреннія чувства, еще молода, двадцати лѣтъ,

но она мать, хотя болѣе уже не супруга. Всѣ ея помыслы, все ея счастье, заключаются въ томъ, чтобы первую явиться въ подобное учрежденіе и предаться тамъ столь сладостной и восхитительной дѣятельности“.

„Благоволите отнестись съ интересомъ къ этому горячему пожеланію и да будетъ оно, при вашемъ сочувствіи, пожеланіемъ всей Франціи“!

Конвентъ внимательно выслушалъ этотъ адресъ и вполне его одобрилъ. Адресъ былъ переданъ въ комитетъ общественнаго благосостоянія.

И вотъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, эта прекрасная маркиза, эта царица салоновъ, эта свѣтская, жизнерадостная богиня превращается въ обыкновенную гражданку, благотворительницу, сестру милосердія, строгую воспитательницу и всею душою преданную республикѣ. Двадцати лѣтъ и въ полномъ расцвѣтѣ ея ангельской красоты!

Послѣ паденія жиронды, маркиза де-Фонтеней поѣхала въ Бордо, чтобы повидаться тамъ со своимъ отцомъ. Но вслѣдствіе ли поспѣшности, или потому, что ей нельзя было поступить иначе, однимъ словомъ, ея бумаги оказались не въ порядкѣ; ее арестовали и заключили въ бордосскую тюрьму.

Въ это время Бордо былъ средоточіемъ жестокихъ дѣйствій партіи горы, преслѣдовавшей съ ненасытной жаждой крови бѣжавшихъ въ стѣны этого города жирондистовъ. Тамъ господствовалъ жестокий проконсулъ Талльенъ, который однимъ изъ первыхъ началъ безпощадную борьбу противъ главарей жиронды. Онъ былъ въ числѣ главныхъ зачинщиковъ событій съ 31 мая по 2 іюня, событій, въ силу которыхъ жиронда была обречена на неизбѣжную гибель. Благодаря своему участию въ этомъ дѣлѣ, онъ настолько прославился, что революціонные комитеты возложили на него выполнение своихъ ужасныхъ мѣропріятій.

Онъ даже поселился въ одномъ изъ домовъ на пло-

щади, вблизи того мѣста, гдѣ была сооружена гильотина, гдѣ взоръ его ежедневно устремлялся на отвратительныя зрѣлища приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, имъ же самимъ постановляемыхъ. Первоначально коса смерти работала въ политическихъ рядахъ, а затѣмъ дошла и до головъ богатыхъ купцовъ.

Въ театрѣ, во время представленія, объявили подозрѣваемыми и актеровъ и зрителей, и всѣхъ приговорили къ смертной казни.

Въ одномъ городѣ обнаружился голодъ, всю вину въ которомъ приписали скупщикамъ; это послужило поводомъ удвоить строгости. При такихъ обстоятельствахъ легко могло случиться, что и маркиза де-Фонтеней будетъ обречена на вѣрную гибель.

Тогда ей пришла мысль въ голову написать Талльену требованіе своего освобожденія, или, по крайней мѣрѣ, заинтересовать его своей участью. Прежде онъ неоднократно встрѣчался съ нею въ высокопоставленномъ обществѣ. Въ это время Талльенъ былъ очень красивый молодой человѣкъ двадцати четырехъ лѣтъ, пылкій и краснорѣчивый. Одного взгляда красивой женщины было достаточно для укрощенія этого дикаго инквизитора. И вотъ, такой взглядъ совершенно измѣнилъ сердце Талльена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю внѣшнюю обстановку революціи.

Маркиза де-Фонтеней была освобождена. Съ этого времени, въ Бордо прекратились насильственные дѣйствія и, вслѣдъ за обиліемъ варварскихъ мѣръ, наступила система кротости.

Ежедневно красивая просительница добивалась у Талльена помилованій. Ея прелести производили на него такое неотразимое впечатлѣніе, что этотъ прежде горячій преслѣдователь обратился въ благодѣтельнаго гражданина.

Знакомый Талльена, нѣкто маркизъ де-Паруа, такъ описывалъ жилище маркизы де-Фонтеней: „Я думалъ,

что попалъ въ обитель музъ: открытое фортепьяно съ разбросанными возлѣ него нотами, гитара на диванѣ, арфа въ углу, передъ нею пюпитръ съ тетрадями и листками нотъ, на другой сторонѣ мольбертъ съ начатою картиною, палитра, кисти и масляныя краски разбросаны въ геніальномъ безпорядкѣ, возлѣ окна столикъ съ лежавшей на немъ начатою миниатюрною картинкой, въ простѣнкѣ превосходный письменный столъ съ нѣсколькими рукописями, книжный шкафъ съ весьма интересными книгами, а у другого окна пальцы съ начатымъ въ нихъ затѣйливымъ вышиваньемъ“. Пораженный такой обстановкой, маркизъ де-Паруа сказалъ маркизѣ де-Фонтеней: „Ваши таланты всеобъемлющи, но доброта ваша превосходитъ ихъ, красота же ваша не имѣетъ совсѣмъ соперницъ. Мнѣ никогда не приходилось встрѣчаться съ такимъ сочетаніемъ прелести и красоты“.

Однако, Талльенъ и маркиза де-Фонтеней не были единственными, отъ которыхъ могло зависѣть многое; капризный произволъ и большое вліяніе жестокаго Лакомба брали часто верхъ надъ ними. Талльенъ былъ устранинъ и отозванъ обратно въ Парижъ, обвиненный въ сильномъ смягченіи террористическихъ мѣропріятій. Маркиза де-Фонтеней не замедлила послѣдовать за нимъ, но она была объявлена зачинщицей смягченія, ослабившаго революціонное движеніе въ Бордо. Въ этомъ дѣлѣ особенно хлопотали шпіоны Робеспьера, питавшіе давнишнюю злобу на Талльена и бдительно слѣдившіе за дѣйствіями маркизы. Они арестовали ее тотчасъ же по прибытіи ея въ Парижъ. Никогда еще ни одна жертва Робеспьера не преслѣдовалась съ такимъ ожесточеніемъ какъ маркиза де-Фонтеней.

Еще въ Бордо говорили о томъ, чтобы военный судъ арестовалъ и судилъ ее. Одинъ доброжелатель, хорошо обо всемъ освѣдомленный, поспѣшилъ написать ей, чтобы она бѣжала въ одно изъ селеній на Луарѣ и

предупреждалъ, что пріѣдетъ и самъ туда для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Черезъ десять дней по полученіи этого письма, она была уже въ Фонтеней-о-Розѣ, но на другой день выѣхала въ Парижъ. Опасность росла, такъ какъ изъ Бордо писали, что она покинула этотъ городъ и поиски ея тамъ являются лишь непроизводительной тратой времени. Тайные агенты Робеспьера, Лаваллетъ и Буланже въ особенности усердствовали. Маркизу выслѣдили и ей не оставалось другого исхода, какъ попытаться бѣжать въ Версаль, чтобы тамъ укрыться; но, въ тотъ самый моментъ, когда она уже хотѣла переступить порогъ дома одной дружественной семьи, появился Буланже и арестовалъ ее.

Въ приказѣ объ арестѣ говорилось, что арестована должна быть не только гражданка Кабаррю-Фонтеней, но и всѣ тѣ, кого застанутъ вмѣстѣ съ ней. Съ большимъ трудомъ удалось добиться, чтобы эта дружественная семья была оставлена въ своемъ домѣ подъ надзоромъ двухъ часовыхъ; а такъ какъ оно готово было дать убѣжище скрывавшейся маркизѣ, то его подзрѣвали въ заговорѣ съ ней.

Какую ужасную ночь провели всѣ! Около полуночи на гауптвахту въ Елисейскихъ Поляхъ была доставлена прежде всего главная жертва, а отсюда отправлена въ тюрьму Ля-Форсъ. Между тѣмъ, той же опасности подвергалась и семья, у которой маркиза намѣревалась укрыться, пока одному пріятелю не удалось освободить этихъ бѣдняковъ изъ такого положенія.

Тѣмъ временемъ маркиза де-Фонтеней была уже въ тюрьмѣ. Ее заключили въ одиночную камеру, гдѣ ей пришлось лежать на голой соломѣ, которую совсѣмъ не мѣняли. Въ эту мрачную дыру почти не проникалъ дневной свѣтъ, пища давалась въ самомъ ничтожномъ количествѣ и маркиза ежеминутно ожидала, что неумолимая судьба приготовить дня нея что-нибудь еще болѣе мучительное.

Попытка Талльена спасти ее послужила лишь к тому, что к ней примѣнили еще болѣе строгостей. Напрасно требовалъ онъ возвратить ее къ нему, заявивъ, что она жена его, что ручается за нее и что, благодаря оказанныхъ имъ многихъ услугъ революціи, онъ считаетъ себя даже вправѣ требовать ея освобожденія немедленно. Ничто не помогало.

Приближалось 9 термидора, а 7-го маркиза де-Фонтеней писала Талльену: „Только что удалился полицейскій комиссаръ. Онъ приходилъ объявить мнѣ, что завтра я должна предстать передъ революціоннымъ трибуналомъ, другими словами, вступить на эшафотъ. Это совсѣмъ не похоже на сонъ, который мнѣ приснился сегодня ночью, будто Робеспьера уже не существуетъ и тюрьмы опустѣли. Но, благодаря трусости, во Франціи едва ли скоро найдется человѣкъ, способный осуществить мой сонъ“.

Такой энергичный намекъ возымѣлъ, однако, свое дѣйствіе. Талльенъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: „Будьте, милостивая государыня, столь же осторожны, насколько я буду мужественнымъ, и добивайтесь только одного, чтобы успокоиться“. И онъ сдержалъ свое слово. вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами, онъ уже ранѣе замышлялъ принять мѣры къ сверженію Робеспьера. 9 термидора онъ вступилъ на трибуну и, потрясая кинжаломъ, обвинялъ тирана. Онъ побѣдилъ, и Робеспьера не стало. Осталось лишь невыясненнымъ, самъ ли Робеспьеръ, или кто-либо изъ враговъ его, произвелъ при этомъ два выстрѣла, раздробившіе ему челюсть. Онъ не говорилъ ни слова, представивъ своимъ противникамъ всячески поносить его. 10 термидора Робеспьеръ и двадцать другихъ лицъ были казнены. Это одно изъ самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій революціи, благодаря мужеству и прілежностямъ жены Талльена.

Талльенъ не проявилъ бы столько энергіи, еслибы

ни охватившая его бурная страсть не побудила его на это. И онъ былъ вознагражденъ: прекрасная маркиза де-Фонтеней вышла за него замужъ 26 декабря 1794 года.

Но, изъ всего этого еще не слѣдуетъ, что Талльенъ, даже послѣ 9 термидора, какъ въ Конвентѣ, такъ и съ трибуны у Якобинцевъ, оправдался въ своихъ умѣренныхъ дѣйствіяхъ въ Бордо. Каррье обвинялъ его въ томъ, что онъ простиралъ свою снисходительность на преступниковъ въ этомъ городѣ, покровительствуя аристократамъ и барышникамъ.

Почти одновременно съ этимъ его обвиняли и съ другой стороны въ томъ, что онъ арестовалъ 84 актера и 2000 зрителей. Онъ потребовалъ подробнаго разслѣдованія своихъ дѣйствій и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ, что женился на маркизѣ де-Фонтеней.

Колло д'Эрбуа указалъ Конвенту, что главнымъ поводомъ къ обвиненію слѣдуетъ признать допущеніе вмѣшательства этой дамы, которая со своимъ человѣколюбіемъ способствовала ускользанію отъ эшафота жертвъ, предназначавшихся къ вѣрной смерти.

Но Талльенъ благополучно избавился отъ грозившей ему опасности, и всѣ сыпавшіяся на него обвиненія сразу отпали передъ тѣмъ чрезвычайнымъ политическимъ переворотомъ, къ которому онъ присоединился съ поразительнымъ безстрашіемъ.

Молодая супружеская чета избрала своимъ мѣстожительствомъ Шайльо, и вскорѣ салонъ мадамъ Талльенъ приобрѣлъ громкую извѣстность. Это было излюбленнымъ мѣстомъ свиданій всѣхъ вліятельныхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ правленія. Талльенъ началъ выказывать себя противникомъ примѣнителей террора и революціонныхъ распоряжковъ. Онъ съ жаромъ возсталъ противъ одного оратора, требовавшего поставить на очередь вопросъ о смертной казни и потребовалъ уничтоженія декрета, въ силу котораго Бордо былъ

объявленъ мятежнымъ. Онъ настаивалъ на освобожденіи мадамъ де-Тузель изъ-подъ ареста, вопреки сопротивленію Билльо. Дюгамъ обвинилъ его въ желаніи уничтожить якобинцевъ, предводителемъ которыхъ онъ былъ раньше. И, дѣйствительно, вмѣстѣ съ Фрерономъ, онъ сталъ во главѣ партіи умѣренныхъ, которую прозвали „золотою молодежью“ („jeunesse dorée“) Талльена и Фрерона. Но, вскорѣ эта партія почувствовала себя настолько сильной, что была въ состояніи все измѣнить, не пощадивъ даже своихъ вожаковъ. Талльенъ видѣлъ, что ничего не было забыто изъ его прошлаго, что ему опять начали приписывать сентябрьскіе дни, что все еще продолжали называть его бордосскимъ обманщикомъ и т. д.

Всѣ прежніе революціонеры, которые желали вмѣстѣ съ нимъ вступить на болѣе человѣчный путь, увидѣли, что подвергаютъ серьезной опасности свои головы. Такъ обстояло дѣло надвигавшейся реакціи.

Талльенъ рѣзко повернулъ вправо и, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Фрерономъ, казалось, вернулся къ своимъ прежнимъ ошибкамъ. Въ этомъ нетрудно убѣдиться, просмотрѣвъ редактировавшіяся имъ газеты „l'Ami du Citoyen“ и „l'Orateur du peuple“ *). На трибунахъ онъ не разъ уже проявлялъ себя тѣмъ же, чѣмъ былъ въ 1792 и 1793 годахъ. Казалось, терроръ оживалъ снова. Два мѣсяца спустя послѣ 9 термидора, 21 сентября 1794 года, останки Марата торжественно были перенесены въ Пантеонъ.

Приблизительно съ этого момента начались разногласія между супругами. Мадамъ Талльенъ хотѣла снова положить начало утонченности и изящества нравовъ въ Парижѣ, которыми пренебрегали благодаря введенію различныхъ революціонныхъ строгостей и симпатіа къ которымъ у ней смѣнилась отвращеніемъ къ послѣд-

нимъ. Женщины, которыя провели зиму въ горести и страхѣ, тосковали объ отсутствіи привычныхъ развлеченій. Имъ хотѣлось торжествъ, концертовъ, баловъ, чтобы выставить напоказъ роскошь своихъ драгоценныхъ вещей, въ противоположность небрежности и нечистоплотности, которыми гордились во времена этихъ ужасовъ. Мода опять начала вступать въ свои права. Женщины и мужчины облачались въ особенно-дорогія одежды. Женщины избрали костюмъ греческой формы, въ которомъ ярко обрисовывались красоты тѣлосложения, мужчины же впали въ невѣроятное франтовство. Стараясь прослыть щеголями, они перестали выговаривать букву „р“, вслѣдствіе чего простой народъ прозвалъ ихъ „les incroyables“ *). Многие стригли себѣ волосы „à la victime“ **). Эта прическа очень походила на прическу несчастныхъ жертвъ эшафота; движеніемъ головъ при поклонахъ они подражали отдѣленію головы отъ туловища, при чемъ тѣла ихъ какъ бы корчились въ судорогахъ.

Мадамъ Талльенъ была душою собраній знатнаго общества. Ея красота и изящество туалетовъ приводили всѣхъ въ восторгъ. Она всегда о комъ-нибудь хлопотала и, благодаря умѣнью польстить, любезности и тонкаго кокетства, ей удавалось примирять умы. Къ тому же, она окружала себя красивыми женщинами, которыя помогали ей въ осуществленіи ея плановъ. Между ними въ особенности была одна, съ блестящею будущностью, молодая графиня де-Богарнэ, привлекавшая всѣхъ своей выдающейся красотой. Казалось, что она и мадамъ Талльенъ только и жили одними удовольствіями.

За столомъ мадамъ Талльенъ часто сидѣли самые отчаянные революціонеры рядомъ съ людьми, которыхъ

*) «Другъ Гражданина» и «Народный Ораторъ».

*) Невѣроятный, щеголь.

**) Наподобіе жертвъ гильотины.

они, мѣсяцевъ шесть передъ тѣмъ, не задумались бы отправить на эшафотъ, такъ какъ это были аристократы, разбогатѣвшіе спекулянтъ или расточители общественныхъ денегъ. Почти незамѣтно утрачивалась дикая сила ихъ рѣчи и онѣ пріобрѣтали мягкость, какъ равно и измѣнялся ихъ образъ жизни подъ вліяніемъ пріемовъ этого новаго для нихъ общества. Были и такіе, стремленіе которыхъ къ удовольствіямъ довело почти незамѣтно до равнодушія во взглядахъ и забвенія принциповъ.

Но та партія, которую ничто не могло передѣлать и которая оставалась вѣрною революціи, продолжала съ своихъ трибунъ громить Талльена и толпу слѣдовавшихъ за нимъ разныхъ искателей и поставщиковъ. При такихъ условіяхъ не должно удивляться, что между нею и Талльеномъ возникли разномыслія, при чемъ взгляды котораго сдѣлались болѣе неистовыми нежели прежде. Триумфъ, который достался ему въ Конвентѣ, въ годовщину 9 термидора, при чтеніи отчета о побѣдахъ его и генерала Гоша въ Киберонѣ надъ англичанами, былъ вовсе не во вкусъ мадамъ Талльенъ, и она приняла извѣстіе объ этомъ очень хладнокровно. Около 13 вандемьера распространились слухи о тайныхъ ночныхъ собраніяхъ, въ которыхъ обсуждались важные вопросы о предстоящемъ скоро паденіи республики и необходимости возстановленія монархіи. Подозрѣвали, что мадамъ Талльенъ принимала въ нихъ участіе. Эта необычная затѣя была направлена къ тому, чтобы испанскаго короля посадить на французскій престолъ. Но изъ этого ничего не вышло, и мадамъ Талльенъ ограничила свое честолюбіе тѣмъ, что продолжала пользоваться поклоненіемъ въ салонахъ.

Вскорѣ послѣ осады Тулона, ей представился какой-то отставной солдатъ. Жалуясь на свою нужду и показывая на свой протертый въ локтяхъ сюртукъ, онъ сказалъ ей:

— Гражданинъ Талльенъ имѣетъ на все большое вліяніе; не можетъ ли онъ отпустить для меня кусокъ сукна по предписанной цѣнѣ?

Мадамъ Талльенъ обѣщала подумать и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней вручила ему просимое.

Бѣдный солдатъ былъ Бонапартъ. Когда у него былъ уже новый сюртукъ, онъ появился въ салонѣ мадамъ Талльенъ, гдѣ познакомился съ красавицей Богарнэ, ставшей въ послѣдствіи его женой. Возможно, что это обстоятельство, какъ бы ни казалось оно само по себѣ ничего незначущимъ, было причиною событія, котораго не ожидали. Можетъ быть также, что Наполеонъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, какъ Робеспьеръ паденіемъ, именно, мадамъ Талльенъ!

Имѣлъ ли бы Бонапартъ доступъ къ мадамъ Талльенъ безъ этого куска сукна? Могъ ли бы онъ познакомиться съ мадамъ де-Богарнэ? Имѣлъ ли бы онъ случай сойтись съ Баррасомъ? Сталъ ли бы онъ генераломъ, а потомъ императоромъ?

За Конвентомъ слѣдовала директорія. Кружокъ мадамъ Талльенъ послѣ этого сталъ еще болѣе излюбленнымъ. Ничто не походило на прелесть обстановки ея квартиры и роскошь туалетовъ; даже въ богатомъ княжескомъ домѣ не было столько пышности. Баррасъ пользовался здѣсь большимъ вліяніемъ, чѣмъ самъ Талльенъ, который все еще подвергался ненависти и упрекамъ и вся его прошлая жизнь, его общественныя и личныя дѣла составляли неисчерпаемую тему для разговоровъ.

Онъ уже не пользовался прежнимъ расположеніемъ своей жены и, можетъ быть, онъ имѣлъ даже право жаловаться на скоро утратившуюся у ней память о томъ, что онъ для нея сдѣлалъ. Неукротимая жажда къ удовольствіямъ такъ охватила общество, что нравы его приняли какой-то деспотическій характеръ, сопротивляться которымъ никто не осмѣливался. Талльенъ

возвращался домой всегда въ мрачномъ настроеніи, поглощенный заботами. Всѣми пренебрегаемый, самъ питавшій ко всему отвращеніе, онъ сталъ подумывать, не вступить ли ему подъ знамя Бонапарта, развѣвавшееся къ Востоку.

Такимъ образомъ, благодаря переменѣ судьбы, покровительствующій превратился въ покровительствуемаго. Но, генераль оказался довольно скупымъ и полагалъ, что выполнилъ всѣ свои обязанности въ отношеніи Талльена, предоставивъ ему посредственную должность въ контрольномъ вѣдомствѣ. Это онъ сдѣлалъ для мужа. Что же касается мадамъ Талльенъ, то онъ, будучи уже императоромъ, попрежнему благосклонно посѣщалъ ея салонъ, хотя доступъ въ Тюильери для нея все-таки былъ закрытъ!

Во II году Талльенъ отправился въ Египетъ и вернулся въ Парижъ только въ IX году. На обратномъ пути онъ попалъ въ плѣнъ къ англичанамъ. Когда онъ прибылъ въ Парижъ, то высокопоставленные друзья его сообщили ему, что во время его отсутствія у его жены родилось двое дѣтей, и предупредили, что она приметъ его не очень дружелюбно. Тогда онъ замедлилъ своимъ появленіемъ къ ней и, при содѣйствіи вліятельныхъ лицъ, затѣялъ дѣло о разводѣ. Тѣмъ временемъ у ней родился третій ребенокъ.

Когда, 18 іюля 1805 года, мадамъ Талльенъ вышла замужъ за графа Карамана, оба прежніе ея мужа были еще живы. Она имѣла сына отъ маркиза де-Фонтеней и дочь отъ Талльена. Вскорѣ послѣ женитьбы графъ Караманъ получилъ титулъ принца де-Шимэ, унаследовавъ его, какъ равно и все состояніе, отъ бездѣтнаго принца де Шимэ, умершаго во Флоренціи.

Трое родившихся въ отсутствіе Талльена дѣтей были записаны подъ дѣвичьимъ именемъ своей матери. Эти трое Кабаррю, по ея смерти, хотѣли, чтобы принцъ де-Шимэ призналъ ихъ своими дѣтьми, но три закон-

ныхъ принца воспротивились этому, полагая, что главною цѣлью такого требованія ихъ было желаніе заявить свои права на предстоящее наслѣдство.

Но, такое толкованіе было признано министромъ общественныхъ дѣлъ неправильнымъ и три принца подверглись строгому выговору.

Съ другой стороны, молодые Кабаррю, процессомъ 27-го сентября 1835 года, осрамили себя, такъ какъ имъ было поставлено на видъ, что ихъ домогательства безчестятъ память ихъ матери. А такъ какъ Талльенъ передъ смертью не отрекся отъ нихъ, и, кромѣ того, было доказано, что онъ неоднократно пріѣзжалъ въ Парижъ изъ Египта, то судъ призналъ ихъ законными дѣтьми Талльена.

Такъ закончился споръ между дѣтьми знаменитой женщины, прославившейся въ исторіи не подъ пышными именами маркизы де-Фонтеней или принцессы де-Шимэ, а подъ болѣе скромнымъ именемъ Талльенъ, славу котораго омрачить никто уже не въ состояніи!

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клавей и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иохим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.

Маркиза де-Кондорсэ.

Какъ разъ напротивъ Тюильери, на другомъ берегу Сены, неподалеку отъ роялистскаго салона мадамъ де-Ламбалль, находился другой салонъ, принадлежавшій де-Кондорсэ, который современники прозвали очагомъ республики.

Кондорсэ послѣдній изъ философовъ восемнадцатаго столѣтія, пережившій всѣхъ своихъ товарищей для того, чтобы увидѣть, какъ, точно вѣтромъ, развѣяны были ихъ теоріи, былъ секретаремъ академіи наукъ, послѣдователь д'Аламбера, послѣдній корреспондентъ Вольтера, другъ Тюрго.

Его салонъ былъ естественнымъ центромъ всей мыслящей Европы. Всѣ націи и всѣ науки имѣли тамъ своихъ представителей. Его жена Софія, урожденная де-Груши, ранѣе была канониссой, затѣмъ вдохновенной ученицей Руссо и приверженицей революціи. Разставшись съ своимъ полудуховнымъ положеніемъ, она заняла первое мѣсто въ салонѣ, въ которомъ царил вольнодумство.

Воспитавшись въ благородной, сердечной и образованной средѣ, Софія де-Груши провела веселую, жизнерадостную молодость и была любимицей и гордостью своей семьи. Она имѣла красивый станъ, умное, плутоватое и, въ то же время, какое-то особенно привлека-

тельное лицо, рѣзко очерченныя брови — признакъ твердой воли, большіе черные глаза, заостренный носъ, всегда привѣтливо улыбающійся ротъ. Она отзывалась только на благородныя стремленія и сама была какъ нѣжный цвѣтокъ, распустившійся на благопріятной почвѣ. Ея мать, благородная женщина, умѣвшая облегчить нужду и горе, не возбуждая у бѣдныхъ сознанія оказываемаго имъ благодѣянія, всегда брала съ собою Софію, когда шла знакомиться съ тяжелымъ положеніемъ бѣдныхъ и помогать имъ.

Когда однажды зима была очень сурова, она, вмѣстѣ съ Софіей и другими дѣтьми, отправилась въ лѣсъ собирать хворостъ, чтобы затѣмъ раздать его неимущимъ. Онѣ пекли хлѣбъ для окрестныхъ бѣдныхъ и варили бульонъ для больныхъ. Все это происходило въ такихъ большихъ размѣрахъ, стоило имъ такъ много труда и времени, что совсѣмъ не походило на то благодѣяніе богачей, которое они совершаютъ ради развлечения, и въ то же время ихъ доброе дѣло не имѣло никакого оттѣнка благотворительности. Онѣ недовольствовались только раздачей припасовъ, но старались утѣшать людей, подавать совѣты, щадя однако ихъ человѣческое достоинство. Впечатлѣніе отъ такой дѣятельности осталось у Софіи на всю жизнь. Даже много лѣтъ спустя она писала своей матери, какъ она ей благодарна, что та научила ее облегчать нужду, бѣдность и болѣзни и съ какимъ пріятнымъ чувствомъ она испытывала счастье отъ взглядовъ благодарности за любовь и служеніе людямъ.

Во Франціи, во время возникновенія революціи, существовало много аристократическихъ женскихъ монастырей. Было въ обычаѣ для благородныхъ молодыхъ дѣвицъ проводить тамъ извѣстное время для продолженія образованія или подготовки къ монашескому званію.

Пребываніе въ такомъ учрежденіи Софія находила

для себя очень скучнымъ и съ ней неоднократно случались тамъ даже припадки меланхоліи въ виду мрачной монастырской жизни, не похожей на свободную, независимую жизнь въ деревнѣ. Съ какой радостью она возвратилась домой, но, въ то же время, какая перемѣна произошла въ ней за эти 20 мѣсяцевъ!

Передъ отъѣздомъ въ женскій монастырь въ Невиллѣ, она читала лишь книги священнаго писанія; по своемъ же возвращеніи оттуда она стала невѣрующей и ея любимыми писателями были Вольтеръ и Руссо! Она утратила вѣру въ Бога, не видя въ мірѣ ничего кромѣ несчастья и нужды.

Вмѣстѣ съ своими родителями Софія посѣтила Парижъ, гдѣ, въ одномъ изъ салоновъ, познакомилась съ Кондорсэ. Приглашенный родителями въ ихъ имѣніе Виллеттъ, и проведя въ немъ нѣсколько недѣль, онъ былъ очарованъ красотой и умомъ Софіи и удивлялся благородству ея характера, ея здравому смыслу и силѣ воли.

Софія и Кондорсэ имѣли много общихъ мыслей и склонностей. Оба были великодушны и большіе энтузіасты, но онъ, какъ философъ, позналъ это ранѣе нежели молодая дѣвушка. Увлеченный ея прелестями и дарованіями, онъ просилъ ея руки, которая и была ему съ радостью обѣщана.

Въ обществѣ удивлялись этому браку; Кондорсэ было 43, а Софіи только 22 года. Но красота, привлекательность и умъ Софіи побѣдили всѣ предрасудки. Такъ, напримѣръ, мать Ларошъ-Фуко, познакомившись съ Софіей, сказала Кондорсэ: „Мы вамъ прощаемъ“. Кондорсэ былъ до такой степени увлеченъ въ своей страсти, что отказывался отъ какого бы то ни было приданаго, и, 28 декабря 1786 года, состоялось ихъ вѣнчаніе въ замкѣ Виллеттъ.

Супружеская чета поселилась въ отелѣ де-Моннэ на набережной Конти. Это былъ домъ, принадлежавшій его

родителямъ и въ которомъ онъ родился. Молодая женщина нѣсколько лѣтъ подрядъ руководила послѣднимъ салономъ представителей умственного движенія во Франціи, вовлекая робкаго, недовѣрчиваго и нелюдимаго Кондорсэ въ потокъ общественной жизни, благодаря чему онъ преодолѣлъ свои слабости.

Знаменитые единомышленники, пріѣзжая въ Парижъ, спѣшили добиться чести быть представленными Кондорсэ и его женѣ. Еслибъ даже не пробилъ роковой часъ 1789 года, революція получила уже свое начало въ умахъ и событіяхъ. Софія приняла большое участіе въ движеніи и побуждала Кондорсэ къ нападкамъ на устарѣвшіе обычаи въ обществѣ. Она довела его даже до того, что онъ, ученый, секретарь академіи наукъ, со всѣмъ своимъ вліяніемъ, занялъ выдающееся мѣсто въ рѣшеніи всѣхъ политическихъ вопросовъ. Его взгляды на вещи вызывали у многихъ особое безпокойство и желаніе проникнуть въ его сокровенныя мысли.

Въ началѣ 1786 года нѣкоторые любители искусствъ, между которыми были графъ д'Артуа, Монторенъ и Монтескье, основали на углу улицъ Сентъ-Онорэ и Валуа, литературный и ученый кружокъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ подъ именемъ Лицея. Лагарпъ и Кондорсэ были выдающимися въ немъ преподавателями. Лекціи Лагарпа были замѣчательны и вскорѣ же получили такое направленіе, что развили революціонное воодушевленіе.

Гарать и Мармонтель преподавали исторію, Кондорсэ и Лакруа математику, де-Парсіэ физику, и вскорѣ Лицей пріобрѣлъ громадное значеніе, насчитывая свыше 700 слушателей, между которыми было много придворныхъ и знатныхъ дамъ. Кромѣ этого избраннаго дамскаго общества, въ Лицей поступили слушателями и всѣ выдающіяся своей умственной дѣятельностью лица.

Софія де-Кондорсэ была самой акуратной и замѣтной изъ числа молодыхъ слушательницъ. Она присутство-

вала также на вступительной лекціи своего мужа, которая начиналась слѣдующими словами: „Всѣ притязанія „арождаются у человѣка одинаково какъ отъ его собственнаго невѣжества, такъ и отъ еще большаго невѣжества тѣхъ, на которыхъ онъ свои притязанія распространяетъ“.

Кондорсэ не являлся во всесословномъ собраніи, но мѣсто, которое онъ занималъ, его связи въ философскомъ мірѣ, извѣстные всей ученой Европѣ труды его, все это привело къ тому, что онъ занялъ видное положеніе въ томъ всеобщемъ движеніи, которое охватило всѣ умы. Новымъ идеямъ онъ служилъ сотрудничая въ „Journal de Paris“ и „La Feuille villageoise“ *).

Но его собственный домъ главнымъ образомъ поддерживалъ его замѣтное вліяніе, такъ какъ въ немъ сосредоточивался живѣйшій обмѣнъ политическихъ мыслей.

Чувствовалось, что мадамъ де-Кондорсэ скоро же перейдетъ отъ робкихъ попытокъ преобразованій къ настоящимъ великодушнымъ подвигамъ, къ которымъ она стремилась всѣмъ существомъ своимъ. И дѣйствительно, вліяніе мадамъ де-Кондорсэ, какъ во время законодательнаго собранія, такъ и въ первые мѣсяцы дѣйствій національнаго Конвента, достигло громадныхъ размѣровъ.

Даже родственники Софіи раздѣляли ея политическія убѣжденія; старый маркизъ де-Груши согласился на избраніе въ счетчики выборщиковъ полноправныхъ сельскихъ гражданъ. Это была трудная и неблагодарная задача, не дававшая ни особаго почета, ни вознагражденія. Но она, все-таки, влекла къ занятію политическими дѣлами, а въ ту эпоху всеобщаго увлеченія и мечтаній казалась завиднымъ порученіемъ.

Попытка Людовика XVI къ бѣгству въ Вареннъ и

его арестъ вызвали въ Кондорсэ значительную перемѣну взглядовъ. Онъ тотчасъ же открыто высказался за республику и отказался отъ должности государственнаго казначея.

Въ списокѣ учителей, которыхъ предназначали для королевскихъ принцевъ, значилось и имя Кондорсэ, но безъ его вѣдома. Мадамъ де-Кондорсэ было предложено занять должность гувернантки, а ея мужу перваго гофмейстера принцевъ. Оба отклонили предложеніе въ одинаковыхъ выраженіяхъ, хотя они и не сговаривались по этому поводу. Кондорсэ и его жена постоянно отказывались появляться при дворѣ; съ другой стороны, благодаря ихъ свободолобивымъ взглядамъ, доступъ въ нѣкоторые салоны былъ закрытъ для нихъ. Общество 1789 года не могло простить имъ ихъ республиканскихъ убѣжденій. Малербъ однажды сказалъ: „Еслибъ это было въ моей власти, то я лишилъ бы жизни Кондорсэ, не почувствовавъ при этомъ ни малѣйшихъ угрызений совѣсти“.

Кондорсэ сразу сдѣлался популярнымъ. Пять департаментовъ избрали его въ національный Конвентъ. Чѣмъ болѣе онъ входилъ въ расположеніе народа, тѣмъ ненавистнѣе становился своимъ товарищамъ по наукѣ. Академіи наукъ въ Берлинѣ и С.-Петербургѣ вычеркнули его имя изъ списковъ своихъ членовъ. Несмотря на всѣ нападки, 1 октября 1791 года Кондорсэ былъ избранъ парижанами депутатомъ въ законодательное собраніе. На этомъ поприщѣ его ожидали важныя задачи; онъ редактировалъ заявленіе отъ 29 декабря, направленное противъ правительства, угрожавшаго Франціи; 20 апрѣля 1792 года, въ день объявленія войны Австріи, онъ представилъ законодательному собранію тотъ знаменитый отчетъ о политическомъ возстаніи, который навсегда укрѣпилъ за нимъ право на великую славу.

Благодаря его ходатайству, Дантонъ былъ объявленъ министромъ. Его ставленникъ извѣстенъ созваніемъ

*) „Парижскій Журналъ“ и „Сельскій Листокъ“.

національнаго собранія и уничтоженіемъ королевской власти.

Еще 16 февраля 1793 года Кондорсэ имѣлъ большое вліяніе въ національномъ Конвентѣ. Предложенная имъ конституція, казалось, была принята благосклонно. 26 марта 1793 года онъ былъ избранъ членомъ Комитета общественнаго благосостоянія. Но событія приняли другое направленіе. Дни 31 мая и 2 июня, противъ которыхъ онъ возставалъ, закрыли передъ нимъ двери національнаго Конвента. Онъ еще разъ хотѣлъ защитить свое предложеніе новой конституціи, написавъ „Воззваніе къ французскимъ гражданамъ для одобренія моего предложенія новой конституціи“, но этимъ только помогъ рѣшенію своей участи.

Нѣкоторое время Кондорсэ еще не беспокоили, но онъ чувствовалъ уже надвигавшіяся со всѣхъ сторонъ опасности. 30 июня 1793 года Кондорсэ былъ изгнанъ, но еще 31 мая 1793 года онъ подѣлился со своимъ другомъ Жаномъ Дебри ядомъ, въ доказательство ихъ взаимной дружбы и для того, чтобы во всемъ, что можетъ случиться съ ними, остаться единственными распорядителями своей личности.

Дѣйствительно, 30 іюля 1793 года, по проискамъ Шабо, Кондорсэ былъ обвиненъ за свое предложеніе новой конституціи.

Въ его городской квартирѣ все было опечатано. Его другъ Ля-Рошъ, которому дано было это порученіе, не могъ помѣшать исполненію такой формальности, но онъ своевременно предупредилъ Кондорсэ, чтобы тотъ бѣжалъ. Въ первую ночь онъ нашелъ убѣжище у друзей, но вскорѣ же покинулъ ихъ, будучи принятъ Гаратомъ, который не задумался скрыть Кондорсэ даже въ министерскомъ дворцѣ.

Два молодыхъ доктора, Пинель и Бойе, друзья Кондорсэ, нашли для него уединенную квартиру въ улицѣ Могильщиковъ № 21, у нѣкоей госпожи Вернэ, вдовы

скульптора и родственницы знаменитаго художника. Они думали, что Кондорсэ будетъ тамъ въ безопасности отъ обысковъ и преслѣдованій.

Сначала скрывали отъ мадамъ Вернэ настоящее имя ея жильца; она спросила лишь, приличенъ и честенъ ли онъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказала, что для нея этого достаточно и онъ можетъ приходить.

Тамъ Кондорсэ скрывался въ продолженіе десяти мѣсяцевъ. Госпожа Вернэ отказывалась отъ какого-либо вознагражденія, даже отъ подарковъ, за свое полное опасности гостепріимство. Въ этомъ добровольномъ заключеніи Кондорсэ работалъ по цѣлымъ днямъ. По вечерамъ онъ сходилъ въ квартирѣ госпожи Вернэ съ ея другими безобидными жильцами и мирно съ ними бесѣдовалъ.

3 октября 1793 года Кондорсэ былъ осужденъ заочно (*in contumaciam*), объявленъ внѣ покровительства законовъ и его имущество конфисковано.

Жена объявленнаго внѣ покровительства законовъ не смѣла переночевать въ Парижѣ. Мадамъ де-Кондорсэ два раза въ недѣлю, переодеваясь крестьянкой, приходила изъ Отейля въ Парижъ, и часто случалось, что она даже на нѣсколько мгновеній не могла улучшить свиданія съ мужемъ.

Чтобы пройти безпрепятственно въ Парижъ черезъ заставу, она дѣлала видъ, будто принадлежитъ къ толпѣ, тѣснившейся къ гильотинѣ, чтобы присутствовать при кровавыхъ зрѣлищахъ. Она присоединялась къ этому сброду и сопровождала его до Плясади Революціи, чтобы не быть заподозрѣнной.

Какъ она радовалась, когда условный знакъ извѣщалъ ее, что она можетъ безъ опасности притти къ мужу! Какъ старалась она утѣшать его, съ какою любовью заботилась о возможныхъ для него удобствахъ! Казалось, что въ одну ночь онъ сильно постарѣлъ и нуждался въ ея помощи.

Онъ напрягалъ всѣ свои силы для составленія оправдательной записки по поводу своихъ политическихъ дѣйствій. Замѣтивъ вскорѣ же, какъ онъ страдалъ при этомъ нравственно и физически, она заставила его отказаться отъ этой работы, и, напротивъ, поощряла къ сочиненію болѣе цѣннаго труда: „Наброски исторической картины развитія человѣческаго разума“.

Но работа не могла уже искоренить его печальныхъ мыслей, и мысль о смерти уже не покидала его. Онъ прервалъ и эту работу для сочиненія другихъ: „Мысли изгнанника“ и „Совѣты моей дочери“. Первая изъ нихъ въ сущности тоже была обращеніемъ къ дочери въ видѣ завѣщанія. Въ предисловіи къ нему онъ писалъ слѣдующее: „Въ какомъ бы положеніи ты ни находилась, когда будешь читать эти строки, которыя я пишу вдали отъ тебя, знай, что я равнодушенъ къ своей судьбѣ и озабоченъ только судьбой твоей и твоей матери. Въ каждый данный моментъ помни, что ничто не ручается за постоянство твоей судьбы. Привыкай къ труду, никогда не самообольщайся своими успѣхами, научись дѣлать добро; это чистѣйшее счастье, которымъ можетъ истинно наслаждаться человѣкъ“.

Кондорсэ сожалѣлъ о необходимости умереть только потому, что полагалъ быть еще полезнымъ, своей женѣ и дочери, и чувствовалъ, что онѣ его любятъ. Онъ писалъ имъ, что умираетъ какъ Сократъ за то, что служилъ своему отечеству.

Роковой часъ, въ ожиданіи котораго мѣсяцами томился Кондорсэ, приближался. 5 жерминаля II года (25 марта 1794 года) Кондорсэ узналъ, что на слѣдующій день въ домѣ госпожи Вернэ будетъ произведенъ обыскъ. Онъ рѣшилъ покинуть свое убѣжище и спрятаться гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Парижа. Когда онъ предупредилъ объ этомъ свою благодѣтельницу, и послѣдняя, пораженная этимъ, начала возражать, Кондорсэ сказалъ:

— Чѣмъ болѣе я удивляюсь вашему мужеству, тѣмъ болѣе мнѣ слѣдуетъ, какъ честному человѣку, предотвратить васъ отъ какой-либо опасности. Существуетъ законъ, по которому, предоставляя мнѣ убѣжище, вы также лишены покровительства законовъ. Еслибъ меня нашли у васъ, то вы подвергнулись бы одинаковой со мною печальной участи. Я не могу болѣе оставаться.

Но превосходная женщина отвѣтила, что національный Конвентъ, конечно, можетъ объявить ее внѣ покровительства законовъ, но не сдѣлать безчеловѣчной; ставить человѣка внѣ человѣчности онъ не имѣетъ права. Но рѣшеніе Кондорсэ было непоколебимо и, какъ онъ самъ говорилъ, онъ вынужденъ покинуть свое уютное пристанище, обращенное въ рай безграничнымъ самопожертвованіемъ его ангела-хранителя.

Онъ долженъ былъ употребить хитрость, чтобы ускользнуть отъ бдительности госпожи Вернэ. 25 марта 1794 года Кондорсэ, изъ находившейся въ верхнемъ этажѣ своей комнаты, пришелъ въ квартиру госпожи Вернэ въ нижнемъ этажѣ, и повелъ съ ней и другими присутствовавшими тамъ лицами, казалось, совершенно беззаботный разговоръ о безразличныхъ вещахъ. Потомъ онъ сталъ произносить латинскія выраженія, чтобы сдѣлать разговоръ неинтереснымъ для госпожи Вернэ и тѣмъ самымъ заставить ее удалиться изъ комнаты. Но, напрасно; она не уходила. Тогда онъ сказалъ, что забылъ табакерку въ своей комнатѣ. Услужливая, какъ всегда, госпожа Вернэ поспѣшила наверхъ, чтобы принести ее, и этимъ моментомъ воспользовался Кондорсэ, чтобы выйти на улицу. Онъ былъ одѣтъ въ рабочую блузу, имѣя на головѣ фуражку изъ грубой шерсти.

Присутствовавшіе погнались за нимъ, съ намѣреніемъ задержать его, служанка вскрикнула и зарыдала. Госпожа Вернэ, понявъ положеніе дѣла, упала въ об-

морокъ, не будучи такимъ образомъ въ состояніи послѣдовать за нимъ и употребить послѣднія усилія къ его задержанію.

Отъ госпожи Вернэ Кондорсэ направился къ одному изъ своихъ друзей, по имени Сюаръ, который нѣкогда пользовался широкимъ гостепріимствомъ въ домѣ Кондорсэ и вообще былъ ему многимъ обязанъ. Сюаръ струсилъ и просилъ Кондорсэ притти ночью, назначивъ даже часъ, въ который бѣглецъ найдетъ дверь незапертою. Однако, когда явился Кондорсэ, дверь оказалась запертою! Онъ провелъ ночь въ каменоломняхъ Кламара и цѣлый день бродилъ по лѣсу. Обезсиленный усталостью и голодомъ, зашелъ онъ въ небольшую харчевню въ Клармарѣ, заказалъ яичницу и съ жадностью принялся за ѣду. Желая придать себѣ увѣренный видъ, онъ вытащилъ латинскую книгу и сталъ читать ее. Но книга и выхоленные руки не соотвѣтствовали его костюму и выдали его; у его стола сидѣли крестьяне, члены революціонной комиссіи Кламара. Кондорсэ показался имъ подозрительнымъ; предположивъ въ немъ врага республики, они задержали его. Онъ назвался Пьеромъ Симономъ. Но онъ не могъ ступить ни одного шага, такъ какъ, отъ непривычнаго и продолжительнаго блужданія по лѣсу, его ноги отекали и растерлись до крови. Его привязали къ измученной клячкѣ и повезли въ тюрьму Буръ-ля-Ренъ.

На слѣдующій день, въ четыре часа пополудни, тюремный смотритель нашелъ его мертвымъ на полу камеры. Онъ отравился.

Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ смерть Кондорсэ оставалась неизвѣстною. Его семья думала, что онъ бѣжалъ въ Швейцарію. Тѣмъ временемъ, его имущество, какъ принадлежавшее эмигранту, было описано и продано.

Его жена была раззорена. Сначала она думала, уѣхать въ Виллеттъ, къ своему отцу, но вскорѣ оста-

вила это намѣреніе, считая своею обязанностью быть поближе къ изгнаннику.

Мадамъ де-Кондорсэ отпустила своихъ прислугъ и гувернантку дочери, принявъ на себя заботы о домашнемъ хозяйствѣ. На оставшіяся у нея деньги, она купила себѣ небольшое прачечное заведеніе и въ приказчики приняла брата секретаря своего мужа. По сосѣдству же она устроила небольшую мастерскую, въ которой сама занималась рисованіемъ миниатюръ для продажи. Часто рисовала она портреты съ изгнанниковъ въ ихъ убѣжищахъ, чтобы ихъ семействамъ оставалось по крайней мѣрѣ хоть такое воспоминаніе о несчастныхъ. Въ поискахъ своего мужа, она часто рисовала даромъ портреты тюремныхъ смотрителей, солдатъ и сторожей, чтобы расположить ихъ въ свою пользу и тѣмъ самымъ добиться входа въ тюрьмы. Безконечно долгіе часы она просиживала въ душной, вонючей сторожевой комнатѣ, слушая циническія, грубыя шутки пьяныхъ сторожей, не давая имъ замѣтить, какое униженіе и оскорбленіе она чувствовала при этомъ. Грубые разговоры, возмущавшіе тогда ея слухъ, оставили въ ней на всю жизнь ужасное, болѣзненное воспоминаніе.

Но она нуждалась въ этихъ людяхъ, отъ милости которыхъ зависѣло ея посѣщеніе тюремъ, такъ какъ въ какойнибудь изъ нихъ она надѣялась открыть присутствіе своего мужа.

До 9 термидора она сама ежедневно подвергалась опасности быть арестованной. Ее часто навѣщали члены революціоннаго комитета и неоднократно производили обыски. Ей дали понять, чтобы она готовилась итти въ тюрьму; но ей еще разъ удалось выпутаться изъ этого опаснаго положенія, благодаря тому, что она нарисовала портреты всѣхъ членовъ комитета.

Когда, послѣ долгихъ мѣсяцевъ, мадамъ де-Кондорсэ узнала о смерти своего мужа, ея горе было безгранично. Немногіе оставшіеся у ней друзья дѣлали все,

что были въ состояніи, для ея спасенія, но она предавалась мысли о смерти. Ни работа, ни бѣдность, ни даже воспитаніе дочери не могли отвлечь ее отъ удрученнаго состоянія, хотя она, даже на самое короткое время, не покидала своей дочери и ни кому не довѣряла ея воспитанія.

Послѣ того какъ мадамъ де-Кондорсэ удалось матеріально обезпечить будущее своей дочери, она отдалась одной цѣли: воспитать ее такимъ образомъ, чтобы она оказалась достойной носить свое имя и сдѣлалась бы такой, какою ее хотѣлъ видѣть отецъ, еслибъ онъ былъ живъ.

То, что она испытала съ 1793 по 1794 годъ, сильно разстроило ея здоровье. Объ этомъ она никогда не могла говорить безъ особаго душевнаго волненія.

Наконецъ, въ январѣ 1795 года, она получила обратно часть своего имущества; но его не хватало на содержаніе, и она должна была усердно работать, чтобы возмѣщать недостающее.

Въ предисловіи къ книгѣ Кондорсэ „Наброски исторической картины развитія человѣческаго разума“, мадамъ де-Кондорсэ написала слѣдующее: „Опальный Кондорсэ нѣкоторое время думалъ представить своимъ согражданамъ изложеніе своихъ убѣжденій и поступковъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля, но онъ написалъ всего лишь нѣсколько строкъ. Онъ хотѣлъ возстановить свою тридцатилѣтнюю полезную работу и то громадное количество сочиненій, въ которыхъ онъ со времени революціи безпрестанно нападалъ на учрежденія, враждебныя свободѣ. Но, въ виду всѣхъ этихъ ясныхъ доказательствъ его честности, онъ отказался отъ излишняго оправданія“.

„Еслибъ этотъ печальный примѣръ погибшаго для отечества таланта, для дѣла свободы и развитія человѣческой мудрости, могъ вызвать истинное сожалѣніе, то благу общественности! Еслибъ эта смерть, являю-

щаяся поводомъ для извѣстной характеристики этой эпохи въ исторіи, могла внушить непоколебимое уваженіе къ праву, нарушеніе котораго и привело къ этой смерти!“

„Это было бы единственнымъ вознагражденіемъ, достойнымъ мудреца, который передъ лицомъ смерти спокойно размышлялъ объ улучшеніи положенія своихъ ближнихъ, и единственнымъ утѣшеніемъ для тѣхъ, кто былъ предметомъ его любви и кто вполнѣ сознавалъ его добродѣтель“.

Исподволь удалось мадамъ де-Кондорсэ опять вступить во владѣніе своимъ имуществомъ.

Въ 1795 году посѣтилъ ее Наполеонъ I, называвшійся тогда еще генераломъ Бонапарте.

— Я не люблю, чтобы женщины вмѣшивались въ политику,—какъ то сказалъ онъ ей между прочимъ.

— Вы правы, генераль, — остроумно отвѣтила ему мадамъ де-Кондорсэ; — но, въ странѣ, гдѣ имъ отрубаютъ головы, понятно, для нихъ весьма важно знать, вслѣдствіе чего это происходитъ.

Два раза еще воспыало страстью сердце этой превосходной женщины; къ сожалѣнію, только, оба мужа не могли оцѣнить счастья быть ею любимыми. Первый былъ народный ораторъ Малья-Гаратъ, второй Форіэль, бывший полицейскій чиновникъ при Фушэ. Существуютъ письма мадамъ де-Кондорсэ къ обоимъ этимъ мужьямъ; въ этихъ письмахъ ясно проглядываетъ ея страсть, но въ то же время видна ея постоянная забота о томъ, чтобы дѣлать пріятное своимъ возлюбленнымъ, а свою личность и свои желанія удалять на задній планъ. Съ Форіэлемъ она вступила въ такую связь, которая допускалась въ XVIII столѣтіи, не подвергаясь никакому осужденію. Такого рода связи разсматривались какъ морганатическій бракъ.

Малья-Гаратъ, еще во время своей связи съ мадамъ де-Кондорсэ, познакомился съ мадамъ Куаньи, той са-

мой, которую Андре Шенье увѣковѣчилъ подъ именемъ „Jeanne Captive“ („плѣненная Жанна“). Малья-Гарать влюбился въ нее и ради нея покинулъ мадамъ де-Кондорсэ. Несмотря на это, мадамъ де-Кондорсэ оставалась для него вѣрной подругой и просила его помнить, что ея дружба для него навсегда обезпечена.

Какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ дѣлахъ она всегда показывала, что была женщиной, стоящей выше многихъ тысячъ такихъ же женщинъ, не знала мелкой чувствительности и была далека отъ того, чтобы оскорбляться при незначительныхъ поводахъ. Она дошла даже до того, что дружески обращалась съ мадамъ де-Куаньи, нисколько не притворяясь.

Когда она, годъ спустя послѣ разлуки съ Малья-Гаратомъ, познакомилась съ Форіэлемъ, она надѣялась вновь пріобрѣсти счастье, такъ грубо нарушенное первымъ.

Но и въ этомъ человѣкъ она обманулась. Когда она умерла, то онъ менѣе, чѣмъ кто-либо изъ окружавшихъ ее, былъ огорченъ ея смертью. Она дарила ему свою любовь, ей онъ былъ обязанъ удобствами своего существованія; но, перваго онъ не умѣлъ цѣнить, къ другому же такъ привыкъ, что даже забылъ, кому именно онъ былъ этимъ обязанъ! Объ утратѣ ея онъ недолго печалился. Когда онъ умеръ, въ его духовномъ завѣщаніи ни слова не было упомянуто ни о дочери мадамъ де-Кондорсэ, ни о ея внукахъ, и на память о себѣ онъ ничего имъ не оставилъ. Неблагодарность Форіэля есть одинъ изъ печальныхъ примѣровъ человѣческихъ слабостей. Но это касается только его самого, тогда какъ память о мадамъ де-Кондорсэ останется у всѣхъ навѣки!

Послѣдніе годы своей жизни мадамъ де-Кондорсэ провела въ благотѣяніяхъ и уходѣ за бѣдными больными.

Она умерла 8 октября 1822 года и въ ея завѣщаніи

было выражено пожеланіе быть похороненной въ рядѣ для бѣдныхъ на кладбищѣ Перъ-Лашезъ, безъ какихъ-либо торжественныхъ церемоній, самымъ скромнымъ образомъ.

Съ нею покончилъ существованіе одинъ изъ тѣхъ вѣчно красивыхъ, дорогихъ, милыхъ, нѣжныхъ, неуловимыхъ образовъ, которые обладаютъ преимуществомъ во всѣ времена привлекать къ себѣ истинную любовь человѣчества.

Мы приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ ея „Писемъ о симпатіи“ *), посвященныхъ ея другу Кабанису **).

„Мой милый Кабанисъ, мнѣ кажется, что человѣкъ не можетъ имѣть болѣе интереснаго предмета для изученія, какъ изученіе человѣка же. Имѣется ли въ дѣйствительности другое болѣе пріятное, болѣе удовлетворяющее насъ занятіе, какъ управлять движеніями нашей души, изучать ея волненія и отмѣчать ихъ, пользоваться нашими способностями для того, чтобы наблюдать за собой и другъ за другомъ, доискиваться неуловимыхъ и скрытыхъ законовъ, по которымъ дѣйствуютъ нашъ разумъ и наше чувство. Мнѣ кажется также, что частое обращеніе къ самому себѣ составляетъ пріятную и разумную жизнь; это можетъ усилить радости

*) Сочиненіе это написано Софіей де-Кондорсэ на англійскомъ языкѣ и называется такъ: „Theory of moral sentiments“. Кромѣ того, ею написано было еще нѣсколько другихъ сочиненій.

К. В.

**) *Пьеръ Жанъ Жоржъ Кабанисъ*, извѣстный врачъ и профессоръ медицины. Самъ авторъ замѣчательнаго сочиненія о человѣческой нравственности, изданнаго въ Парижѣ въ 1802 году: „Traité du physique et du moral de l'homme“.

К. В.

живыми и глубокими чувствами и присоединить къ нимъ мудрость и философію“.

„Школа страданій и непріятныхъ ощущеній очень дѣйствительна для пробужденія въ людяхъ состраданія и человѣчности. Какъ нужна была бы вамъ, вы, богачи и власть имѣющіе, эта школа вамъ, которые столь далеки даже отъ мысли о бѣдности и несчастіи, благодаря вашему неисчерпаемому богатству, честолюбію и сознанію вашего могущества“.

„Вы видите, мой милый Кабанисъ, что если природа и окружила насъ многочисленными страданіями, она всетаки извѣстнымъ образомъ и вознаграждаетъ насъ, возвращая наши страданія въ тотъ глубокій источникъ, откуда мы черпаемъ и наши удовольствія. Благословимъ же ту возвышенную связь, которая находится между нравственною потребностью однихъ и физическою потребностью другихъ, между несчастіемъ, которому мы подвержены отъ природы и вслѣдствіе нашихъ пороковъ, и между склонностями къ добродѣтели, которая только тогда дастъ ощущение счастья, когда явится для кого-нибудь настоящей помощью“.

„Радость жизни можно находить только въ благодѣяніи, въ вѣрности и добротѣ, и когда этимъ способомъ своимъ домашнимъ богамъ даютъ убѣжище и заставляютъ людей съ восторгомъ чувствовать ихъ собственное существованіе“.

„Тайныя и утѣшающія радости суть тѣ, которыя связаны съ миромъ и съ скрытой добродѣтелью. Истинныя и трогательныя радости не должны покидать сердца, котораго онѣ однажды коснулись. Горе тому, кто васъ презираетъ и отвергаетъ! Горе тѣмъ, чей тиранническій жезлъ тщеславія удаляетъ васъ отъ себя! Въ особенности, горе тому полу, который на короткое время осыпанъ природой блестящими дарами, но для котораго

она же является затѣмъ и злой мачехой, если онъ небрежетъ вами или не почититъ васъ! Ибо съ вами долженъ человѣкъ провести половину своей жизни и, если можно, забыть ту заколдованную чашу, которую рука времени опрокидываетъ посреди его жизненнаго пути!“